

love_sf

Дана
Арнаутова

Евгения
Сергеевна
Соловьева

Двойная звезда. Том 1

Дары богов стоят дорого. Семья отвернулась от Айлин Ревенгар, но теперь ее ждет факультет некромантии. А еще обретенный и вновь потерянный родственник, новые друзья и враги, верный пес – хоть и немного мертвый... Грегор Бастельеро, герой закончившейся войны, пытается найти место в мирной жизни, и почему бы этому месту не оказаться преподавательской кафедрой в родной Академии? А заодно можно уклониться от приказа короля, велевшего жениться. Но не стоит забывать, что Академия может оказаться отнюдь не безопасным местом...

приключенческое фэнтези, романтическое фэнтези
2019

ru

On84ly

FictionBook Editor Release 2.6.7
2019-07-17
Текст предоставлен правообладателем
6b6de4b7-a8a5-11e9-a705-0cc47a520474
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (On84ly)

Дана Арнаутова, Евгения Соловьева
Двойная звезда. Том 1

Часть первая
«Двойная звезда»

Глава 1. Дело государственной важности

С самого утра у его светлости Грегора, лорда Бастельеро, Избранного Претемной Госпожи и главнокомандующего дорвенантской армией, было преотвратное настроение. Это могло бы стать серьезным препятствием для общения с окружающими, но Грегор привык думать, что если кого-то в нем что-то не устраивает, это чужие сложности. Не нравлюсь – просто держитесь подальше и останетесь целы и невредимы!

Грегор шел по длинному прямому коридору главного здания Академии, звонко чеканя шаги подкованными армейскими сапогами, смотрел, как с его пути разбегаются адепты и не только, и злился еще больше. Нашли пугало! Можно подумать, он хоть раз позволил себе кого-нибудь проклясть просто в дурном расположении духа, без дополнительных веских оснований!

Неосторожно встретившийся с ним глазами незнакомый молодой мэтр в форменной желтой мантии иллюзорников побледнел, отступил в удачно подвернувшуюся нишу и попытался слиться с декоративными доспехами времен Годерика Решительного. Плохо вычищенными доспехами, между прочим! Что у них тут, некому взять в руки щетку, тряпку и полировочную пасту?! Полная Академия разгильдяев и недотеп. Р-р-распустились...

Грегор задержал на иллюзорнике взгляд, дернул уголком рта, словно произнося про себя заклятие, и с мстительным удовлетворением пошел дальше, убедившись, что оставшийся позади иллюзорник цветом лица теперь напоминает собственную мантию, изрядно полинявшую и утратившую жизнерадостный золотистый оттенок. А нечего быть таким трусом! Преподаватель, называется... Чему он адептов научит?

Настроение Грегору изволил испортить единственный человек, которому это всегда сходило с рук, его величество Малкольм Дорвенн, единственный и неповторимый. Ему, видите ли, взбрело на ум, что лорду Бастельеро срочно нужно жениться. Дабы обзавестись потомством, которому можно будет передать титул и, главное, кровь сильнейших некромантов Дорвенанта. Самое обидное, что эта изумительная идея посетила светлую монаршую голову совершенно безосновательно!

Ну да, Грегор действительно неделю провалялся в госпитале после случайно пойманной на границе с Фраганой стрелы... Но ведь стрелка, как и пару дюжин оказавшихся рядом фраганцев, он сразу тонким слоем размазал по унылому пограничному ландшафту! И еще докомандовал операцией. А что потом свалился и неосторожно подпустил к себе целителей, коварно воспользовавшихся случаем, ну... Это не повод жениться, Пр-р-ретеменная благослови всех доброхотов!

Желать этого королю он, разумеется, не стал. И вообще сбежал с аудиенции, заботясь о благополучии его величества, потому что пожелания членов семьи Бастельеро, высказанные в душевном волнении даже мысленно, имеют обыкновение сбываться самым причудливым образом. А Малкольм – неплохой король и весьма ценен для Дорвенанта. Да и вообще, жалко.

Необходимость срочно посетить архивы Ордена стала отличным предлогом уйти. К тому же, здесь меньше возможностей кого-нибудь убить после неприятного разговора... Грегор снова досадливо дернул уголком рта, на сей раз по-настоящему. Вспоминать встречу, на которую он сам напросился, рассчитывая поговорить о деле государственной важности, теперь было откровенно досадно.

– Грегор, ты болван! – орал его величество за закрытыми, к счастью, дверями малого королевского кабинета, пока Грегор молчал, бледнел и не поднимал головы, чтобы, дай Претемная терпения, ни в коем случае не глянуть на обожаемого монарха и друга детства чем-нибудь вроде Чумного взора. – Ты чем думаешь?! Ладно, если бы тебя просто убили! Тебя ведь Баргота лысого убьешь, глупо и надеяться!

«Спасибо, ваше величество, – мрачно подумал Грегор. – Тронут...»

– Так ведь нет... – продолжал Малкольм, все сильнее распаляясь и бегая по кабинету с воздетыми, якобы к небу, а на самом деле просто к высокому потолку, руками. – На две ладони ниже сердца! И чуть выше кое-чего другого, а угоди она туда – и мог бы больше не беспокоиться! Желание жениться отпало бы само собой. Вместе с возможностью!

«У меня его и так не было, – про себя констатировал Грегор, поднимая взгляд и хладнокровно отмечая, что его величество пошел на третий круг пробежки с резвостью призового жеребца на скачках – вот и ноздри так же раздуваются... – Желания, то есть». Развернувшись, Малкольм наставил на Грегора указательный палец и посмотрел взглядом, от которого Королевский Совет в полном составе бледнел и начинал вспоминать все свои грехи, а Грегору – самому Грегору! – стало несколько не по себе.

– Женишься! – объявил он подозрительно спокойно. – В ближайшее время. Или немедленно уйдешь в отставку, благо война закончилась, а с последними стычками разберутся без тебя. Ты слишком ценен для короны, знаешь ли... Так что женишься.

– На ком? – тихо поинтересовался Грегор, снова предусмотрительно опуская взгляд. – У вашего величества уже есть подходящая кандидатура?

– Ну... – слегка растерялся от такой неожиданной покладистости король, но тут же воспрянул: – Да ты оглянись вокруг! Пока ты воевал, столько девиц подросло! Цветник! Даже в Трех дюжинах, между прочим, есть невесты. О прочем дворянстве уже и не говорю. – И все горят желанием надеть мое фамильное кольцо и продолжить род Бастельеро? – язвительно уточнил Грегор. – Ну, допустим, в это я поверю... А соотношение сил, так сказать, ваше величество верно оценивает? Я – и эти жеманные, накрашенные, накрахмаленные... цветочки! «Ах, помогите мне, я не могу подняться на подножку кареты, боюсь высоты! Какой ужас, подол показал кончик туфельки, я навеки обесчещена! Милорд, а что вам больше нравится на женщинах, фижмы или роброн?» Тьфу...

– Если ты способен выговорить слово «роброн», все не так уж безнадежно, – немедленно отомстил Малкольм, грузно падая в кресло. За последний десяток лет веса в его величестве изрядно добавилось, хотя могучая стать все еще вызвала уважение. – В общем, никаких оправданий я не принимаю. Будь любезен задержаться в столице достаточно долго, чтобы подобрать... кандидатуру. И подумай над тем, кому можешь передать дела в армии. Грегор, не сходи с ума, ради Семерых! Ты лучший главнокомандующий, которого я могу представить, но нельзя жить только ради войны. Закончившейся войны... Мир... он, знаешь ли, требует совсем других подвигов. А семья – далеко не худшее, что есть в жизни. Жена, дети...

Лицо короля смягчилось, расправилась складка между нахмуренных бровей, и он улыбнулся с тихой задумчивой нежностью, явно забыв, что его, Малкольма, жена – совсем не подходящий предмет для разговора именно с Грегором. Давно уже не подходящий. Лет пятнадцать как... Впрочем, может быть, он улыбался, думая о детях? Мальчишки у Малкольма действительно выросли на славу, точная копия отца. От матери в них даже не сквозит ничего, итлийская кровь оказалась бессильна перед старым золотом Дорвенанта, текущим в жилах Трех дюжин дворянских родов и, разумеется, королевской семьи Дорвеннов...

Огромная двустворчатая дверь Архивов, мореный дуб с бронзовыми накладками, до сияния отполированными бесчисленными поколениями адептов, выросла перед ним словно сама собой, позволив отогнать тягостные мысли. Все-таки вот эти последние слова Малкольма – это было нечестно. И уж точно не следовало срываться самому.

– Простите, ваше величество, – одним уголком рта усмехнулся Грегор, – но я бы хотел видеть в будущей супруге не только вешалку для фамильных сапфиров и сосуд для вынашивания детей. Непростительное легкомыслие, понимаю, но я всегда рассчитывал жениться по любви. Вам ли не помнить?

– По любви?! – завопил король, мгновенно переходя к прежнему тону и напрочь стирая мелькнувшую во взгляде тень вины, которая Грегору могла и почудиться. Даже наверняка почудилась. – Да чем тебе любить, Бастельеро?! У тебя же ни сердца, ни души! Ты когда вообще последний раз на женщину смотрел? То есть на живую, а не на призрак или умертвие! Шарахаешься от них, как пугливый конь от собственной тени! И не смей мне тут про разбитое сердце, слышишь? Трусость это и лень – всю жизнь прятаться за единственной отвергнутой любовью! Можно подумать, ты первый и последний, кто потерял любимую и должен жениться ради долга.

Он раздраженно рванул кружевной ворот рубашки, словно тот сдавил могучую шею, отвел взгляд, но сразу же снова уставился на Грегора с тяжелым вызовом. Запустил пальцы другой руки в коротко стриженные светлые волосы, взъерошил их, опять отвел взгляд...

– Как прикажете, ваше величество, – процедил Грегор, едва сдерживая кипящую внутри ледяную лаву ярости. – Претемной клянусь, как только встречу подходящую девицу, сразу женюсь! И заметьте, я про разбитое сердце ни слова не сказал. Что я вам, дурной мальчишка или менестрель? Полтора десятка лет прошло! Все умерло и прахом распалось... Нет, вам виднее, конечно, но если сердце и душа у меня все-таки вдруг найдутся, клянусь – отдам их невесте в придачу к обручальному кольцу. Что там еще обещать надо? Ах да, буду верен в жизни и посмертии! Претемной клянусь! Достаточно?! Он выплюнул последние слова, как несколько недель назад выплевывал обжигающе горячую густую кровь на пожухлую, выжженную смертоносными чарами траву приграничья. Вместе с острой, выворачивающей нутро болью, вместе с горько-соленым страхом и невыносимым бессилием... Стиснул кулаки так, что перстни врезались в пальцы, и снова, как тогда, взмолился про себя беззвучно, но иступленно. Услышь, Претемнейшая! Милосердная и справедливая, разрубающая узлы и выпрямляющая пути! Ведь не может быть так, чтобы ты не услышала меня, своего рыцаря?! Да, я все еще надеюсь... Да, я глупец, верящий в чудеса! И да, я знаю, что об этом молят не тебя, а Всеблагую Мать, которая каждому живому существу назначает встретить пару, чтобы продолжить с нею род... Это – дело и право Всеблагой! Но я-то не ее Избранный, а твой! Так кого мне молить о милости? Пятнадцать лет! Одиночества, глухой тоски, стыда... Неужели мало я расплатился за одну только юношескую глупость? Ну хватит ведь, а?! Смилуйся, дай вдохнуть полной грудью, пусть и через боль! Забери эту дурацкую, безумную и бессмысленную, никому не нужную память о том, чего никогда не было и быть не могло! И так же, как тогда, в чахлам приграничном леске, прячущем невысокий горный перевал, где Грегор несколько тягучих мгновений, пока не подросли целители, был уверен, что вот-вот умрет... Точно так же, отвечая на его беззвучный крик, что-то изменилось в мире вокруг. То ли неслышно зазвенела невидимая струна, то ли задрожало что-то у него самого внутри. Миг! И снова стало все по-прежнему, только накатил стыд за собственную глупую несдержанность.

И вправду дурак, нашел, о чем просить, где и когда. И, главное, кого! Да и зачем ему это... Дурак... И хорошо, если Претемная не услышала, ведь не услышала же, верно? Она чутка к просьбам своего Избранного, когда дело касается проклятий, дорог во тьму и смертного покоя. Какое ей дело до любви? И хорошо, очень хорошо, что так!

– Ой, дура-а-ак... – бессильно протянул король, оседая в самую глубину кресла и смотря на Грегора подозрительно жалостливо, будто услышал его мысли. – Подходящую девицу, значит? Позволь поинтересоваться, это какую же?

– Умную, – снова усмехнулся непослушными губами Грегор уже не зло, а устало и почти равнодушно, отвечая только для того, чтобы отвязался этот... заботливый любитель устраивать чужую жизнь. – Красивую, разумеется. Благородную, отважную и честную. И непременно интересную. Ах да, и согласную выйти за меня. Не ради титула и семейного достояния, а ради меня самого, вот такого, какой я есть. Имеются в вашем цветнике подходящие... растения?

– Пошел вон, шут балаганный!

Бронзовая чернильница врезалась в дверь чуть левее головы Грегора. Густо-фиолетовая жижа уродливым пятном растеклась по драгоценным обоям кремового арлезийского шелка, стекла вниз на узорчатый паркет... Разумеется, на Грегора ни одна капля брызнуть не посмела – еще чего не хватало! Щит он выставил за долю мгновения, как и положено магу такого уровня.

«А его величество Малкольм, – с холодной отстраненностью, вдруг сменившей злость, заметил Грегор, – со времен нашей общей юности ничуть не стал сдержаннее. Впрочем, это и хорошо, что он по-прежнему швыряется, чем под руку попадет. Другой бы, глядишь, на плаху отправил за неповиновение или в крепость – отдохнуть и подумать. И пошел бы ты, мэтр-командор, куда бы не делся. Потому что – Бастельеро. А Бастельеро верны своему королю, будь они хоть маги, хоть простые лорды, хоть... шуты».

Одернув кружевные манжеты новой, специально надетой для аудиенции рубашки, он сухо и резко поклонился, переломившись в поясе немного ниже, чем подобало для его титула. Выпрямился, посмотрел в глаза Малкольму. И, пользуясь великодушным позволением

удалиться, вышел, тщательно и бережно прикрыв за собой массивную дверь в темно-фиолетовую крапинку.

Вот почти такую же дверь, возле которой он уже с минуту стоит и смотрит, а перепуганный архивариус не решается ни сказать что-либо, ни попросту пройти вперед.

– Ваша светлость?

«Все-таки осмелился, – подумал Грегор. – Что ж, отвагу следует вознаграждать».

И посторонился, пропуская бледного архивариуса. Из открывшейся двери повеяло прохладой и особенным архивным запахом старой бумаги, чернил, кожаных переплетов и пыли. Эти запахи Грегор любил, они всегда его умиротворяли. А вот едва заметную, но хорошо различимую чутьем опытного некроманта нотку крысиной вони, ненавидел! Архивариус, пользуясь моментом, шмыгнул в лабиринт высоченных, под самый потолок, книжных полок и затерялся в них. Очень предусмотрительно с его стороны! Грегор как раз хотел высказать недовольство наличием крыс!

Он медленно прошел между стеллажами, позволяя себе несколько минут воспоминаний... за четвертым стеллажом от входа лет двадцать назад он целовался с самой красивой девушкой Зеленого факультета, как же ее звали-то... Никак не вспомнить. Даже лицо позабылось. Зато очень хорошо помнилось ее научное любопытство: отличаются ли поцелуи некромантов от поцелуев представителей других факультетов? От этой жажды знаний он тогда и сбежал.

Раздражающий запах крыс становился все сильнее, и Грегор поморщился: нельзя же так запускать хранилище бесценных документов! Вот в его время работа в Архивах для провинившегося адепта была счастьем. Это вам не полусгнившие трупы на препараты разбирать и не лабораторных упырей кормить!

Крысы, похоже, окопались где-то под девятым стеллажом, и как раз на нем должны были находиться книги о магических аномалиях, за которыми явился Грегор. Ну, им же хуже... Крысам, то есть.

Он услышал противный писк и почувствовал всплеск чистой силы мгновением раньше, чем увидел прислоненную к стеллажу длинную лестницу. А еще через мгновение едва успел заслониться рукой – тяжеленный том в кожаном переплете с металлическими уголками приложил его по голове весьма чувствительно.

– Дерьмо упыриное! – ругнулся Грегор, непочтительно отбрасывая коварный источник знаний на пол.

Надо Малкольму сообщить! Король считает, что на войне опасно, а доблестного мэтра-командора чуть не пришибло фолиантом в якобы мирной библиотеке!

– Ой! – раздалось сверху, и наученный горьким опытом Грегор снова вскинул руки.

Хорошо, что у некромантов отличная реакция!

В этот раз на него рухнула не книга! Что-то куда более увесистое, шуршащее, мягкое, пахнущее пылью, яблоками и еще чем-то абсолютно непонятным. И... живое?

Грегор покачнулся от неожиданности, но удержал упавшее существо, крепко стиснув его в ладонях.

– Ой, – испуганно повторило оно где-то на уровне его груди.

Грегор задумчиво посмотрел на дрыгающиеся перед его глазами длинные тощие ножки в беленьких кружевных панталонах и некогда светлых, а сейчас очень пыльных атласных туфельках. Все остальное надежно скрывал колокол задравшейся юбки. Или упавшей? Как это следует называть, если девица висит в твоих руках вниз головой?

Девица?!

Он еще раз посмотрел на туфельки. На кружевные панталончики. На собственные манжеты совсем близко от них.

Новые манжеты. Из точно такого же кружева, как на пресловутых панталончиках.

«Сменю портного!» – злобно подумал Грегор, а потом неожиданно для себя успокоился и перевернул девицу в более естественное положение, продолжая держать за талию и не опуская, на всякий случай, на пол. Свежий шрам на животе потянуло, а потом прострелило мгновенной резкой болью, и Грегор едва удержался, чтобы не скривиться. Залатали его в госпитале на совесть, но, может, не зря тот целитель, что делал операцию, уговаривал полечиться еще хотя бы неделю? Нехорошо выйдет, если внутренние швы разойдутся. Да ладно, обойдется!

– Ой, – раздалось в третий раз смущенно и виновато. – Простите, мэтр...

Грегор, уже набравший было воздуха для холодной злой нотации, посмотрел – и выдохнул. Перевел взгляд на лестницу, верхний край которой все еще опасно качался, прикинул траекторию, если бы девочка упала не на него, а мимо, и тяжело вздохнул.

– Осторожнее, дитя, – сказал он насколько мог мягко.

И так глазищи перепуганные. Огромные, почти круглые и зеленые, как... как летние дубовые листья! Вот точно такие листья, бархатно-изумрудные, пронизанные солнцем на просвет, он увидел, очнувшись в лагере после проклятой стрелы. Они качались прямо над головой и издевательски жизнерадостно шелестели. А где-то дальше зло и устало ругался невидимый целитель...

– Простите, – виновато повторила девчонка.

Лет двенадцати, не больше, и почему-то вместо форменной мантии одетая в темно-зеленое платье из тонкой шерсти, слишком дорогое для простолюдинки, слишком изысканное для дочери купца. Дворянка?

– Извольте представиться, – предложил он и уже приготовился выслушать очередное «ой».

– Айлин, младшая леди Ревенгар, – благовоспитанно представилась девочка и попыталась изобразить реверанс прямо в его руках, дернулась, но, осознав неудобство положения, учтиво склонила голову и тут же выпрямилась, уставившись прямо на Грегора.

Он тоже присмотрелся, недоумевая.

Две толстые рыжие косы когда-то наверняка были уложены во что-то приличное, но шпильки, или чем там леди их крепят, вылетели, и теперь косы свободно болтались по обе стороны от веснушчатого личика. Округлые щеки, узкий подбородок... Лицо девочки имело почти идеальную форму сердца, как его рисуют романтичные девицы в альбомах и любовных письмах. Это было бы слащаво до неприятного, если бы не россыпь золотистых крапинок на носу и щеках и не выбившиеся из кос короткие прядки, непослушные, торчащие во все стороны, светящиеся в скупых солнечных лучах не столько благородным золотом, сколько торжествующе нахальной начищенной медью.

«Ревенгар?! – молча поразился Грегор, разумеется, прекрасно помнивший характерные стати этого рода: неизменную белесость глаз, волос и кожи, долговязость и обязательное во всех мыслимых и немыслимых ситуациях надменное выражение лица. – Вот это?»

Даже тренированное воображение некроманта отказывалось представить ярко-рыжую, зеленоглазую и вызывающе веснушчатую Ревенгар. С юбкой на голове. Впрочем, юбка уже заняла более приличное положение – и на том спасибо.

– Грегор, лорд Бастельеро. К вашим услугам, миледи, – сухо от удивления сказал Грегор и наконец вспомнил, что девочку надо поставить на пол. – Красный факультет, я полагаю?

Действительно, где еще может учиться Ревенгар, как не у боевиков? Задатки соответствующие: книгу уронила метко, упала тоже удачно. На мягкое. И неважно, что случится с тем, кому не посчастливилось оказаться внизу.

– Еще не знаю, милорд, – как-то очень взросло вздохнуло прелестное дитя. – Меня пока не распределили. Милорды мэтры обещали сегодня...

– А есть сомнения? – заинтересовался Грегор.

Не целительница же, те обычно чистой силой не кидаются, как и артефакторы с алхимиками. Стихийница? Или все-таки боевичка? И почему ее не распределили, если занятия давно идут? Сейчас уже почти конец осени, adeпты начали заниматься больше двух месяцев назад, а девочку только привезли? Внезапные выплески силы?

– Мэтр Бреннан говорит, что у меня странная искра, – смущенно призналась неправильная Ревенгар, на шаг отступив и задрал голову так, чтобы смотреть ему прямо в глаза с непонятной доверчивостью. – Красно-фиолетовая. И дрожит.

– Фиолетовая? Вы уверены? Впрочем, если мэтр Бреннан говорит...

Мнению старого целителя Академии, определяющего цвет искры у adeптов уже лет тридцать, поверить стоило. Но красно-фиолетовая?

Грегор задумчиво оглядел низ стеллажей, мысленно нащупал ближайший серый шерстяной комок и позвал. Крыса, странно подергиваясь, выползла на открытое пространство и уставилась на них стремительно краснеющими бусинами глаз. Вокруг ее пасти показалась пена.

– Сделайте с ней что-нибудь, – вежливо попросил Грегор и добавил: – Миледи...

– А-а-а-й!

Перед его глазами снова мелькнул зеленый подол и башмачки. С похвальным и удивительным для дворянки проворством леди Айлин белкой взлетела на ту же самую лестницу.

Грегор мысленно застонал. И его еще приглашают в преподаватели!

– Леди, послушайте, – попытался он исправить положение. – Эта крыса не причинит вам вреда. Она уже дохлая.

Судя по взгляду девчонки, аргумент оказался неудачным. Или нет?

Грегор с удивлением увидел, что страх в ее глазах сменился... сочувствием? Да, она явно смотрела на мерзкое существо с жалостью, вон, даже губы дрогнули.

– Уходи... – тихо сказала девочка. – Уходи и спи. Не бойся, это не больно. Просто спи.

По архиву снова повеяло силой, теперь с отчетливым фиолетовым окрасом. Крыса, снова пискнув, взглянула на Айлин и юркнула под стеллажи. Грегор почувствовал, как рвется связавшая их нить заклęcia. Поганая тварь больше не была ему подвластна. Она освободилась... Точнее – ее освободили!

– Очень интересный метод, – сдержанно сказал Грегор, подавив рвущиеся на язык комментарии, пожалуй, слишком неприличные, чтобы применить их к юной девице. – Так вы говорите, ваша искра еще и красная? Очень любопытно.

– Это не я, это мэтр Бреннан говорит, – поспешно уточнила леди и попыталась слезть с лестницы.

Лестница ожидаемо закачалась, и Грегор уже отработанным движением подставил руки. Девчонка, совершенно не смущаясь, прыгнула в них, ударив Грегора косами и обдав сладким детским запахом чистого тела и яблок. «Боевичка! – с непривычным умиленным удивлением подумал он. – Только во Фрагану и забрасывать. Фраганские месьоры поголовно скончаются от восторга. А она их поднимет и спать отправит».

– Прелесть какая, – мрачно сказал он вслух.

И снова поставил неправильную, но такую интересную Ревенгар на пол.

Зеленые глазищи распахнулись еще шире, чем в первый раз, как бы невозможно это ни выглядело, и девчонка поспешно отступила, наконец-то решив, что этикет требует от нее покраснеть. Краснела она, как и положено светлокожим рыжикам, разом: от ушей до шеи, благовоспитанно прикрытой высоким воротником-стойкой. Но веснушки все равно никуда не делись, просто щеки леди стали похожи на спелые яблоки, темно-розовые и в золотую крапинку.

Окинув взглядом бесконечные стеллажи, Грегор подумал, что нужную ему подборку по магическим возмущениям может сделать дармоед-архивариус. А то затаился среди полок, наверное, участь крысы разделить опасается. И не без оснований!

Что он сделает с человеком, видевшим, как мэтр-командор ловит падающих девиц, а потом убивает для них крыс, Грегор не знал, но был уверен, что страх архивариуса изобретательнее фантазии лорда Бастельеро.

Окружающих главное – изначально правильно запугать, а дальше они всю твою жизнь будут относиться к тебе соответственно.

– Полагаю, мы еще встретимся, миледи, – сказал он, глядя в огромные, но уже не круглые от страха, а миндалевидные, как оказалось, глаза. – Позвольте откланяться.

Нет, откуда все же у бледной немочи Ревенгара такая дочь?

«А вот у мэтра Бреннана мы об этом и спросим!» – решил Грегор.

Глава 2. Знакомства старые и новые

Мэтра Бреннана Грегор нашел именно там, где и ожидал, то есть в целительском крыле. Здесь он тоже не был лет двадцать. Пожалуй, с того самого дня, как его приволокли едва живого после дуэли, на которую пятнадцатилетний Грегор, адепт третьего курса, вызвал трех боевиков сразу. Его противников, впрочем, тогда положили в соседней палате, и одним из них был как раз Дориан Ревенгар.

А предметом дуэли, помнится, послужил вывод той самой прекрасной целительницы, что некроманты целуются лучше. Как же ее звали-то... Да какая разница? Оказалось, что при должной ловкости несколько противников – это даже преимущество. Их так удобно столкнуть между собой! А Грегор после дуэли заявил, что просто хотел уравнивать силы. Да, получилось не очень честно, потому что он предпочел бы пятерых соперников. Жаль, что еще парочку в помощь тем трем найти не удалось!

Лорд Эддерли, магистр Фиолетовых и личный наставник Грегора, тогда только посмеялся над его нахальством и посоветовал мэтрам Красного факультета учить своих адептов получше, если трое из них не постыдились принять вызов от одного-единственного некроманта, а потом еще умудрились попасть заклятиями друг в друга...

С Дорианом они тогда помирились, между прочим. И даже собирались вместе отлупить Дункана Роверстана с Белого факультета, который заявил, что не собирается участвовать в «турнире поцелуев», потому что слишком себя уважает, чтобы стоять в очереди и служить предметом сравнения. Прекрасная целительница не на шутку обиделась, то ли за науку, то ли за пренебрежение своими девичьими чарами, а Грегор с Дорианом мгновенно забыли собственную вражду от такой наглости разумника, да еще и простолюдина. Впрочем, Роверстан как-то вывернулся – уже тогда был скользкий, словно угорь.

За прошедшие годы у целителей ничего не изменилось. Тот же слабый запах лечебных зелий, унылые, но безупречно чистые зеленые стены, серые каменные полы и шелест старых лип за окном.

Разве что теперь Грегор может, минуя палаты, пройти сразу в кабинет главного целителя. Но перед тем, как взяться за ручку двери, он тронул прохладную стену пальцами и на несколько мгновений замер, глубоко вдохнув. Суета Академии осталась далеко позади, словно обыденным заботам не было доступа сюда, во владения Милосердной Сестры и ее одетых в зеленое подданных. Здесь властвовал особый покой, а воздух будто пропитался благожелательным умиротворением, но все-таки... Все-таки любой, кто привык иметь дело со смертью, чувствовал, что далеко за гранью видимого мира Милосердная Сестра никогда не взирает на больного или раненого в одиночку. Рядом с ней бесстрастно и терпеливо ждет своего часа Претемнейшая Госпожа, потому что исцеление всегда идет рука об руку со смертью.

Грегор усмехнулся – что это его потянуло на философические упражнения? – и открыл дверь.

При виде мэтра-командора, давно вышедшего из возраста адепта, мэтр Бреннан подозрительно обрадовался, окинул его отеческим взглядом, безошибочно задержавшись на недавней ране, словно видел сквозь одежду, и жизнерадостно поинтересовался:

– Дорогой Грегор! Как я рад вас видеть! Неужели вы наконец поумнели настолько, что больше не считаете заботу о здоровье слабостью? Что беспокоит?

Грегор честно вспомнил длинный список того, что его беспокоит, включающий болванов-подчиненных, три фраганских корпуса на границе и последнюю идею короля. Забота о собственном здоровье в списке если и присутствовала, то на самом последнем месте.

Потому что не дождутся!

– Айлин Ревенгар, – перешел он сразу к делу. – Она действительно двойная звезда? Первый подтвержденный случай за семь десятков лет?

– Скорее всего, да, – пожал плечами Бреннан, взмахом руки пригласив его садиться.

Мэтр как раз изволил обедать, и сейчас на столе, очищенном от бумаг или лекарьских инструментов, стоял дымящийся кувшин, от которого пахло шамьетом.

Рядом с кувшином на большом блюде золотилась горка пирожков. Маленьких, но толстых, с поджаристой корочкой... Если вкусы мэтра Бреннана так же постоянны, как и все остальное в Академии, пирожки должны быть с вишней. Мэтр всегда угощал своих пациентов, и хоть Грегор попадал в больничное крыло нечасто, вкус тех пирожков словно вспыхнул у него во рту. Неужели все-таки прошло двадцать лет?!

Не вставая с кресла, Бреннан невозмутимо достал из глубин стола вторую чашку, разлил шамьет, пододвинул ближе к Грегору пирожки и задумчиво сообщил:

– Интереснейший феномен. Во всех описанных случаях у двойной звезды первый цвет проявляется ярко, а второй – лишь отблеском. У девицы Ревенгар искра мерцает, меняя цвет полностью.

– Невозможно, – уверенно сказал Грегор, взяв пирожок и стараясь незаметно вдыхать упоительный запах свежей сдобы и вишни. – Хотите сказать, что, становясь боевиком, она перестает быть некромантом? Чушь!

– Боюсь, любезный Грегор, – душевно сказал мэтр Бреннан, – что, когда Семеро создавали магию, они забыли попросить вас о консультации. И мир теперь устроен не совсем так, как вам представляется. Да вы ешьте, пока теплые.

Грегор старательно проглотил то, что успел откусить, и согласился:

– А Семерым бы не помешало. Я бы мог проконсультировать. Но, возвращаясь к леди Ревенгар... Кстати, как она может быть Ревенгар с такими волосами? Дориан женился на белке?

– Любите вы своих соучеников, – с ностальгической нежностью отозвался мэтр Бреннан. – Нет, представьте себе. На леди Гвенивер Морхальт, пятой дочери магистра Морхальта. Любовь, знаете ли, она вроде простуды. Ей все подвластно.

«Действительно, – согласился про себя Грегор. – Морхальты – род хотя и приличный, но далеко не из самых знатных. А старый Морхальт, если слухи верны, большую часть семейного состояния потратил на медицинские опыты, которые принесли ему пост магистра Зеленой гильдии, но денег не вернули. Значит, за пятой дочерью вряд ли дали хорошее приданое, если вообще дали хоть какое-то. Трудно объяснить подобный брак лорда Ревенгара, главы одной из влиятельнейших семей королевства, чем-то, кроме... болезни...»

– Полагаю, леди Гвенивер довольно красива? – сказал он вслух. – В любом случае, странно, что молодая кровь победила старую. Мне казалось, что в семьях из Трех Дюжин дети всегда имеют фамильные черты.

В памяти Грегора всплыл длинный ряд портретов в семейной галерее: урожденные Бастельеро, черноволосые синеглазые дамы и кавалеры, надменно глядящие с полотен, были столь похожи, что никто не посмел бы усомниться ни в их родстве, ни в чистоте древней крови. И ведь это проявляется не только у них в семье. Эддерли смуглы, но белокуры, Райнгартены долгоязы, веснушчаты и слегка рыжеваты, чернявых Кастельмаро можно принять за итлийцев, если бы не голубые глаза. А Ревенгары – немочь бледная, это закон! Хм. Возможно, потому кровь Морхальтов и победила?

Грегор отлично помнил старого Морхальта. Когда он учился в Академии, в волосах пожилого целителя, который вел у них курс общей медицины, огненная рыжина еще боролась с серебром седины. Цвет глаз в памяти Грегора не остался, но и без того ясно, что Айлин Ревенгар пошла в деда. Правда, не исключительным целительским даром, что было бы гораздо выгоднее для девочки, а всего лишь внешностью. Весьма милой, надо сказать, хоть и ничего особенного.

– Брат-близнец юной леди – типичный Ревенгар, – сообщил мэтр Бреннан, дожевав пирожок, и с удовольствием облизал испачканные маслом и вишневым соком пальцы, хотя рядом с кувшином лежали салфетки. – Даже жаль, что у него совершенно отсутствует искра. Если не ошибаюсь, у Ревенгаров было уже пять поколений боевиков подряд, и все после обучения шли в армию. Его светлость Дориан очень беспокоится, что столь достойная традиция прервется на его сыне. Но если магии нет...

– А сын его светлости вполне может выбрать военную карьеру и без магических способностей, – пожал плечами Грегор и тут же спохватился: – Как нет? Вообще?

– Мой дорогой Грегор, что вам непонятно в словосочетании «отсутствует искра»? Юный наследник Ревенгаров лишен магической силы. Совсем.

В голосе Бреннана, как ни странно, отсутствовало сожаление. Тоже – совсем.

А Грегор вспомнил волосы цвета лесного пожара, зеленые глаза и запах яблок. И высокомерную мор... лицо Дориана, с возрастом наверняка еще сильнее ставшего походить на жеребца. Очень породистого, надо отдать ему должное, жеребца. И вот у Дориана, помещанного на семейных традициях и собственных представлениях об аристократизме, рождаются лишенный магии сын-наследник и одаренная дочь, похожая на Ревенгаров не больше, чем сам Бастельеро. М-да...

– Полагаю, Дориан разочарован?

– Очень, – согласился Бреннан опять подозрительно довольным голосом.

– Сыном? – уточнил Грегор, сообразив, что старый целитель отчего-то совершенно не сочувствует его бывшему соученику.

– Боюсь, что нет, – вздохнул мэтр. – Дочерью. Он, видите ли, вбил себе в голову, что девочка отняла дар у брата. Даже не знаю, как он себе это представляет?

Грегор едва не подавился шамьетом. Дориан что, с ума сошел? Великим мыслителем он никогда не был, но ведь даже у глупости должен быть предел!

– Я застал совершенно безобразную сцену, – морщась, продолжил Бреннан и подлил себе шамьета, небрежным мановением руки подогрев его прямо в чашке, над поверхностью которой появился парок. – У леди Айлин во время обследования случился срыв. Ну вы же знаете, это обычное дело при первых проявлениях дара. До этого она выказывала безусловную склонность к некромантии, что, кстати, очень беспокоило родителей. Ничего действительно серьезного: случайно анимированный скелет собаки, якобы разговоры с призраками... Второе, кстати, могло быть и детскими выдумками, в отличие от скелета – его я видел собственными глазами. Но в моем присутствии девочка дала чистый красный выплеск. Редкий по силе для ее возраста. Полагаю, будь это ее брат, лорд Ревенгар был бы в восторге. Однако двойная искра у одного ребенка и полное отсутствие магии у другого... Хуже всего, что юному Артуру тоже додумались внушить подобную глупость, и он прямо во время обследования обвинил сестру в собственной бездарности. Конечно, девочка разрыдалась, искра мгновенно потеряла стабильность. В общем, очень гадко вышло, просто чрезвычайно.

– Но магию нельзя отнять, – прокашлявшись, сообщил Грегор совершенно очевидную вещь. – Как нельзя украсть, купить, получить в дар и даже унаследовать! Да, случается, что кто-то из Семерых особенно благосклонен к одной семье – я сам тому живой пример! Но даже среди Бастельеро иногда рождаются алхимики, иллюзорники и просто личности, одаренные другими талантами, не магическими! А Ревенгар рассуждает как... как дикарь какой-то!

– Боюсь, юной леди от этого не легче, – очень сдержанно сказал мэтр Бреннан. – Ее родители крайне далеки от мысли поддержать ее и позаботиться о должной огранке столь дивного бриллианта. Подозреваю, что лорд Ревенгар слишком много времени провел вдали от семьи и вообще... не очень знает, в каком отцовском влиянии нуждаются девочки. С сыном он прекрасно ладит, насколько я успел понять, но воспитание дочери полностью поручил супруге. А леди Гвенивер воспитывалась в семье целителя, она считает зеленую силу единственным приличным даром для женщины. Словно одаренность можно выбрать, как платье или прическу! Она просто в ужасе, а на девочку глядит... едва ли не с отвращением. Не понимаю, Грегор, ну как так можно? Некроманты, боевики, иллюзорники... Мы все – любимые дети богов, каким бы цветом ни сияла наша душа! Он со стуком поставил дымящуюся чашку на стол и продолжил, постепенно повышая голос и раздувая крылья крупного горбатого носа:

– Дориан же сам – боевик! Допустим, довольно посредственный, но уж выплески красной силы у дочери он мог бы проконтролировать. Все дело в некромантии, изволите ли видеть! Ни у Морхальтов, ни у Ревенгаров темный дар в роду не встречался. Вдобавок, родители сочувствуют Артуру. И куда больше, чем заслуживает его поведение! Артуру! Наследнику, правильному мальчику-Ревенгару! Айлин же... Ее отослали в Академию посреди учебного года просто потому, что испугались. И не какие-нибудь неграмотные крестьяне, а лорд и леди из семей потомственных магов! Испугались двенадцатилетней девочки, собственной дочери, вообразите только!

Бреннан вздохнул, словно устыдившись прорвавшегося возмущения, но Грегор ясно видел, что старый целитель не на шутку разгневан. Да и было чем, кстати! Опасаться некромантии – это Грегор как раз мог понять. Но считать ее чем-то непристойным? Не подобающим девице-аристократке? Какая чудовищная глупость! Не говоря уж о том, что явное неуважение к Претемнейшей Госпоже... Ревенгар – болван! Безмозглый осел, не способный ни сам понять, с какой милостью богов имеет дело, ни внушить это остальным домочадцам. Так поступить с собственным ребенком! Да, она не наследник рода, а всего лишь девочка, но ведь явно умная и одаренная! Претемнейшая, да будь она даже бездарностью, она ребенок и нуждается в защите семьи!

Он снова вспомнил хрупкую фигурку маленькой леди Ревенгар и чуть сильнее сжал в пальцах еще горячую чашку. Девчонке – двенадцать. Совсем как ему, когда... Нет, он не будет об этом думать. И не станет сравнивать. С Айлин Ревенгар все совершенно иначе. Но вот это жуткое чувство беспомощности, когда теплый и заботливый мир вокруг оборачивается темной стороной... Дориан, какой же ты барготов убудодок, если отвергаешь собственного ребенка. И какая дура твоя жена!

– Впрочем, это и к лучшему, – слегка успокоившись, продолжил Бреннан: – Опасно оставлять столь мощный потенциал без развития и постоянного присмотра. Девочку все равно следовало забрать в Академию, просто не таким образом. Кстати, Грегор, вы не собираетесь в этом году взять хотя бы факультативный курс? У нас нехватка преподавателей, а вам, я слышал, предлагали.

«Мне много чего предлагали сделать, – мрачно подумал Грегор. – Король, фраганцы, соперники на дуэлях и дорогие бывшие наставники... А если бы я все это выполнял, то уже давно отправился бы к Барготу, причем женатый, в преподавательской мантии и с исключительно неприличными целями. Неприличное, почему-то, предлагают чаще всего. Правда, никогда – дважды. Я – преподаватель? Учебные планы, лекции, практические занятия... Воспитание адептов?!»

– Обязательно подумаю, – вежливо сказал он вслух и допил остывший шампет под понимающим взглядом целителя.

А ведь действительно, война почти закончена. Фрагана получила хороший урок, переговоры о мире уже ведутся, и вскоре пост мэтра-командора станет почетной формальностью. Быть главнокомандующим во время мира – какая занудная пошлость! Зато исследования, ради которых приехал в Академию, обещают стать настоящим прорывом... хм... и хорошо бы – не в буквальном смысле. Дорвенант стоит на краю такой пропасти, с которой не может сравниться никакое иностранное вторжение. Его величеству следовало бы озаботиться не женитьбой своего верного подданного, а тем рапортом, который Грегор сочинял всю дорогу от фраганской границы до дворца!

Но Малкольм непростительно, почти преступно беспечен, а верховный совет Ордена – сборище маразматиков, исключая разве что Великого Магистра Кастельмаро, хотя он и самый старый из них, магистра Кристофа да магистра Эддерли, бессменного главу некромантов уже четверть века. Впрочем, вроде бы в последние годы в Совете случились существенные перестановки?

Вот, кстати! Ради обследования новопроявленной двойной звезды, первой за несколько дюжин лет, Совет глав гильдий соберется в полном составе, просто не может не собраться. Такая удачная возможность добраться разом до них до всех еще долго может не представиться. Совет Ордена обязан осознать всю серьезность ситуации, даже если Грегору придется каждого почтенного мага тыкать в свои выкладки носом, словно сделавшего лужу щенка.

* * *

– Несправедливо! – с чувством сообщила Айлин пустому коридору и тяжелой двери. – Я же еще не учусь, откуда мне было знать, что крыса – мертвая? И вообще, крыса... ну... это же крыса!

Дверь, разумеется, промолчала, но, как показалось Айлин, осуждающе. Ну да, она боится крыс. Ну и что? Она, между прочим, леди. Имеет право, вот! И нечего тут...

Айлин толкнула дверь и вошла в комнату.

Мэтр Бреннан привел ее сюда сегодня утром, велел устраиваться и ожидать заседания совета, а потом ушел. Айлин только и успела спросить, можно ли ей в библиотеку, тут же наверняка есть библиотека? Мэтр улыбнулся и разрешил.

– Только постарайтесь там не потеряться, – добавил он с лукавой доброй усмешкой. – И не слишком задерживайтесь. Большой Совет соберется в три часа пополудни. Советую вам, юная леди, отдохнуть и познакомиться с соседкой по комнате. Возможно, вам придется долго жить рядом.

Но тогда, утром, никакой соседки в комнате не было. Айлин немного посидела на узкой, пока еще не застеленной кровати, оглядываясь и гадая: какой она окажется, ее соседка?

Вторая постель была аккуратно накрыта вышитым покрывалом, розовым в крупных голубых цветах, а на тумбочке у изголовья стояла тарелочка с кремовыми пирожными. На

спинке кровати висела серая мантия, отделанная по вороту и манжетам, как и положено адептам, желтым шелком. Ее будущая соседка – маг иллюзий?

«Наверное, она симпатичная, – решила Айлин, глядя на слишком яркое, но красивое покрывало и тарелочку. – Ямочки у нее на щеках, когда улыбается... Матушка всегда говорила, что настоящая леди должна есть пирожные, от этого на щеках будут ямочки. Вот бы удалось с ней подружиться!»

Она бы попыталась подружиться, не откладывая, но соседка все не приходила и не приходила. Айлин поскучала, задумчиво съела пирожок – один из тех, что собрала ей в дорогу заботливая тетушка Элоиза, оставила сверток с еще тремя на своей тумбочке и направилась в библиотеку. А там... а там был лорд Бастельеро! Мэтр-командор дорвенантских боевых магов! Герой войны с Фраганой! И... и... вообще герой и Избранный Претемной Госпожи!

И он даже устроил ей испытание, самое настоящее!

А она его разочаровала. Нашла, когда визжать. И перед кем! И всего лишь из-за какой-то крысы! И... и... он же видел ее белье!!! О, Претемная и Пресветлый! Теперь мэтр Бастельеро ее точно презирает!

У-у-у-у...

– У-у-у, – раздалось в унисон ее мыслям.

Айлин даже испугаться успела: неужели она вслух сказала про белье? Вроде бы нет?

Но почему тогда соседка так ее рассматривает?

Она и правда оказалась симпатичной. Старше Айлин, почти совсем взрослая! Лет, наверное, пятнадцати-шестнадцати. Светловолосая, голубоглазая, с круглым лицом и сама вся какая-то кругленькая, милая и похожая на булочку с глазурью. И щеки – с ямочками! В обеих руках она держала пирожки, те самые, что Айлин оставила на тумбочке, с яблоками и корицей! И откусывала от каждого по очереди.

Айлин нерешительно застыла на пороге. Пирожков, конечно, не жаль, но разве можно вот так, без разрешения? Она бы с радостью угостила соседку, но сама! А вот так...

Девочка прищурилась. Откусила от каждого пирожка еще раз – Айлин показалось, что напояз. Прожевала...

И лениво протянула:

– Ну?

– Что, простите? – осторожно спросила Айлин.

О чем это она?

Соседка закатила глаза, словно призывая потолок в свидетели ее, Айлин, тупости, и четко проговорила:

– Я спрашиваю: что ты натворила, что тебя сюда засунули в середине года? – И добавила негромко, явно для самой себя: – Вот наказание... Мне же обещали, что я весь год буду жить в этой комнате одна. А теперь, извольте видеть, подсунули какое-то мелкое недоразумение.

Айлин заморгала. Соседка говорила так, словно поступить в Академию – позор, а не великая честь!

– Н-ничего я не творила, просто у меня был выплеск, и мэтр Бреннан сказал, что очень сильный, и что мне нужно срочно учиться контролю, а папенька...

– Пф! Ну ты и врешь, – протянула соседка, не дослушав, и в ее голосе Айлин почувствовалось презрение. – Ты же малявка! И какой еще сильный выплеск, откуда?!

Лицу стало невыносимо жарко, будто Айлин окунулась в горячую воду. По какому праву эта девочка обвиняет ее в подобном? И почему она не верит?

– Я леди! – звонко выпалила Айлин. – Я... я никогда не вру, никогда! У меня был, был выплеск! А мэтр Бреннан его заблокировал, потому что павильон в саду рассыпался! А скелет вообще вылез сам, я не знала, что под павильоном похоронили волкодава... а вы, вы... вы не имеете права меня обвинять! Я никогда не вру, понятно?!

Соседка вскочила с постели, стиснула кулаки, и яблочное повидло, гордость тетушки Элоизы, выступило между ее пальцами, поползло по рукам. Она скривилась, сразу перестав быть хоть сколько-нибудь симпатичной.

– Ты врешь! Поду-умаешь, лее-еди... Не может быть, чтобы у тебя было столько силы, чтобы и павильон, и скелет! Так не бывает, чтобы все сразу, будь ты хоть сто раз леди. Ты... ты соплячка и врунья! Врунья!

– Нет! – Айлин отступила на шаг, уперлась лопатками в дверь. Что она такого сделала, почему ей не верят? Почему эта девочка на нее кричит? – Мэтр Бреннан сказал, что сегодня соберется Совет магистров и...

– И тебя выгонят! Выгонят! Потому что все увидят, что ты ничего не можешь!

– Я... я могу! Я... я зажгу огонь, хочешь?

– Огонь?

Девочка пошла к двери, то есть к Айлин, медленно и мелкими шажками, ну прямо кошка тетушки Брайд к мышиной норе. И выражение личика то же самое: хищный такой интерес, предвкушение забавы. А мышь... а мышь – она, Айлин? Леди Ревенгар? Ну уж нет! Сейчас она ей покажет, вот сейчас!

– Да! Огонь! Настоящий!

– Так был же скелет, – промурлыкала соседка. – А? Скелет? Скелеты поднимают только некроманты. А огонь – это боевики. Или стихийники! – И припечтала: – Не только врунья, а еще и дура!

Айлин сглотнула, сосредоточилась, заставляя себя не слышать презрительного фырканья, и потянулась туда, где горела ее искра. Зажмурилась, вытянула руку, почувствовала, как бежит по жилам горячая щекоцущая сила, как становится горячо ладони, на которой вспыхивает огонек...

– Ха! Я же говорила! Ничего ты не можешь! Вот магистры увидят, что ты ничего не можешь, и выгонят тебя! – И соседка снова добавила тише и с явной надеждой: – Поскорее бы...

Айлин распахнула глаза. Огонька не было.

Не было!

Но как же... Она же может! Она ведь зажигала огонь, она все делала, как обычно! Магия всегда отзывалась!

Кроме... того раза, когда Артур накричал на нее, и сила будто спряталась, исчезла, ушла...

Но ведь мэтр Бреннан говорил, что это временно! Что магия иногда ненадолго прячется от сильных переживаний. Что, если он ошибся, и Айлин на самом деле никакая не магесса?! И все это было напрасно, и Артур на нее обиделся без причины... И отец будет разочарован, а матушка снова скажет, что Айлин – гадкая девочка, которую невозможно любить... Нет! Да нет же! Искра, милая, где ты...

Соседка подбоченилась и посмотрела с таким презрительным превосходством, что... что...

– И плакса!

Нет! Айлин – Ревенгар! Не дождется эта... иллюзорница!

– Я вернусь после Совета, и мы поговорим об этом, – проговорила Айлин тем самым тоном, которым матушка говорила с модистками и приказчиками в лавках. – Надеюсь, что за время моего отсутствия вы не позволите себе доесть мои пирожки или рыться в моих вещах. До скорой встречи, госпожа Как-вас-там.

Задрав нос и изо всех сил сохраняя пристойную леди осанку, она вышла за дверь. И только здесь...

В глазах зашипало, слезы хлынули потоком, а платок, как вспомнила Айлин с ужасом, остался в комнате, на самом дне дорожной сумки.

Ну уж нет, в комнату она не вернется!

– Прошу вас, миледи, – прозвучал над самой ее головой мягкий голос мэтра Бреннана, а возле самого лица возник большой платок.

Зеленый, как и положено целителю.

Всхлипнув, Айлин невольно задумалась, не следует ли и ей завести платок соответствующего цвета. И какой он будет, неужели красный? Ой нет, наверное, фиолетовый все же лучше... Или он должен быть в клетку, раз у нее двойная искра? Слезы как-то сами собой закончились.

– Рад видеть, что вы уже успокоились, – улыбнулся мэтр Бреннан. – Вытрите глаза и облегчите носик. Платок можете не возвращать, у меня есть еще. А потом идемте. Нас ждут на Совете.

Глава 3. Дюжина магистров и одна девочка

За три года, что Грегор не видел Великого Магистра Кастельмаро, престарелый стихийник совсем сдал. Длинные борода и волосы, до этого благородно серебряные, истончились и потускнели, став похожими на паутину. Глаза запали и выпвели, а морщины прорезали лицо еще глубже, безмолвно рассказывая о долгом и славном, но близком к завершению жизненном пути. «Еще год-другой, максимум – три, – с сожалением подумал Грегор, – и Совету гильдий придется выбирать нового главу Ордена».

Он окинул взглядом собирающихся членов Совета, пытаясь угадать наиболее вероятного претендента. Из разноцветных мантий уже можно было собрать полную радугу, магистры чинно рассаживались за огромным полукруглым столом по обе руки от Кастельмаро, который то ли спал с открытыми глазами, то ли обдумывал исключительно высокие материи. Семь цветных мантий и одна белая – по четверо с каждой стороны.

Что ж, представительницу гильдии алхимиков, единственную женщину в Совете, можно отмести сразу: за всю историю Ордена его главой ни разу не становилась магесса и вряд ли станет. Хотя амбициозности леди Уинн хватит на троих Великих Магистров. Зато ее коллега-артефактор, сидящий рядом, честолюбия лишен напрочь. Старину Адальреда и на пост главы Синей гильдии загоняли едва ли не пинками. Но все равно обязанности он передал помощникам, а сам дни и ночи он проводит в лаборатории, пытаясь повторить успехи покойного лорда Мэрли, своего наставника и великого артефактора. Итак, синий и голубой медальоны-звезды еще не скоро сменят хозяев.

Целитель? Старый Морхальт, сидящий дальше за Адальредом? А ведь действительно, мать девочки – это же его пятая дочь, поздний ребенок, очередная и снова бесплодная попытка зачать сына, как шептались в свое время. Грегор внимательнее всмотрелся в морщинистое не по возрасту лицо магистра, выглядящего куда старше своих... – сколько ему там? – семидесяти с небольшим лет, что для мага-целителя, в общем-то, не возраст.

Непрошибаемо спокоен, как будто перед советом должна предстать не его внучка! Что ж, беспристрастность – неплохое качество для возможного Великого Магистра. А вот для родного деда талантливой девочки, которой не повезло с родителями, не слишком! Последним цветом справа был фиолетовый. Грегор мазнул взглядом по отлично знакомой осанистой фигуре немолодого, но все еще крепкого и легкого в движениях темного мастера. Тот приветливо кивнул бывшему ученику. И Грегор не смог не подумать, что если лорд Эддерли, ироничный умница и знаток древних поэтов, сменит фиолетовую звезду на семилучевую, некромантам понадобится новый глава гильдии. Никого более подходящего для этого, чем он сам, Грегор Бастельеро не знал.

На этом магистры справа от Кастельмаро закономерно закончились, и Грегор одарил вниманием левую сторону. Первые три мантии ударили в глаза чистыми цветами пламени, желтым, алым и оранжевым.

Стихийник Райнгартен, высокий, рыжевато-русый, с мягкой улыбкой и внимательными серыми глазами на худом загорелом лице, занял этот пост всего пару лет назад. В этом поколении Райнгартенам повезло на таланты. Сын главы рода – уже магистр гильдии, а его старший кузен сменит Грегора на посту главнокомандующего. Правда, оба они слишком молоды, Райнгартен-маг лишь немногим старше самого Грегора, и совершенно невозможно, чтобы ревнители традиций, а попросту осторожные и закоснелые в боязни всего нового магистры на выборах назвали именно его имя. Жаль, кстати, молодой стихийник Грегору нравился... Или, если говорить честно, не нравился куда меньше многих других. По крайней мере, с ним можно было бы работать...

Кристоф, магистр красных? Он в близком родстве с королем, а это, как ни странно, для будущего Главы скорее помеха, чем достоинство. Интересы Дорвенанта и Ордена слишком часто требуют выбирать между ними, и плох тот Великий Магистр, что предпочитает государственную пользу, пренебрегая своим долгом мага. Ничего плохого про седовласого боевика, белесого, словно выгоревшего на солнце, и тонкого, но гибкого, будто хорошая дуэльная шпага, Грегор сказать не мог. Нынешняя война показала, что воспитанники Алого

факультета – лучшее оружие дорвенантской армии. Но главой Ордена Кристофу, скорее всего, не быть.

Иллюзорник? Грегор глянул на ярко-желтую мантию и вздыбленные седые волосы, будто магистра Волански только что шибануло выплеском чистой силы. Правый глаз его, черный и мертвый, был совершенно неподвижен, зато левый, ярко-голубой, вращался будто сам по себе, едва не вылезая из орбиты и не фокусируясь ни на чем дольше пары мгновений. Узкие губы застыли в кривой рассеянной улыбке... Нет, Совет не настолько безумен, чтобы отдать звезду Великого Магистра безумнейшему из них. Разве что все решат именно так, проголосовав за самого невозможного из кандидатов, и сумасшедший шарлатан получит пост именно потому, что его никто не воспринимает всерьез.

В сторону последнего из магистров Грегору и смотреть не хотелось. Узнав, кто стал новым главой Белого факультета вместо прежнего, почившего от старости, он едва смог сдержать ругательство. Это вам не Дориан Ревенгар, с которым Грегор в юности дрался и мирился, но всегда помнил, что Три дюжины должны держаться вместе. Это даже не обычный дворянин, каких среди магов большинство, и в целом они – опора и мощь Ордена. Это же... Над соседом в желтой мантии Дункан Роверстан возвышался на целую голову. Просто удивительно, что до сих пор его никто на эту наглую голову не укоротил! Грегор с удовольствием бы этим занялся, но Роверстан при каждой их встрече с поразительным изяществом избегал любого повода для дуэли. А ведь не сказать, чтобы Грегор его не искал, та история с целительницей стала лишь первой в ряду подобных. Роверстан своим извлекательным отказом умудрился походя оскорбить всех юношей, участвовавших в «турнире поцелуев», а потом еще и неприятностей избежал. Р-разумник, призови его Претемнейшая побыстрее! То есть по определению скользкая изворотливая тварь, лишенная малейшего понятия о чести.

Кто-то из предков Роверстана явно был южной крови, то ли итлийцем, то ли фраганцем с восточных окраин, то ли вовсе арлезийцем. Черные как смоль волосы, собранные в хвост, блестящие угли глаз, нос с горбинкой и смуглая кожа... И при этом рост и плечи такой ширины, словно под щегольской белой мантией надет полный доспех. На фраганской границе Роверстан бы очень пригодился, Грегор с удовольствием заткнул бы разумником узкий горный перевал, через который днем и ночью ломались месьюры! Баргот их побери... И перевал, и месьюров, и Роверстана разом!

– Грегор, мальчик мой, – прокрипел внезапно проснувшийся Великий Магистр. – Присядьте, сделайте милость. В ногах, как известно, правды нет. Ни в ногах, ни... гхм... выше.

Грегор послушно присел на один из трех стоящих у стены стульев, массивных, но подчеркнуто неудобных, чтобы посетители ни в коей мере не ощутили себя равными избранному обществу Ордена. Он бы оскорбился подобным пренебрежением, но слишком хорошо понимал, что таковы правила игры. К нему проявили любезность уже тем, что не оставили в приемной, пока Совет решит вопрос с девочкой, а пригласили сразу в зал, позволив там дожидаться обсуждения его доклада. Этикет Ордена, чтоб его. Это за пределами Академии Грегор – мэтр-командор, главнокомандующий дорвенантской армии, герой войны и ближайший друг короля, а здесь один из рядовых членов Фиолетовой гильдии, который должен знать свое место. Кстати, о месте...

Почему стульев три? Один – для Грегора, второй – для мэтра Бреннана, разумеется. Пожилому целителю сидеть с магистрами не по чину, но и стоять его, конечно, не оставят. Но девочке вряд ли предложат сесть, тем более у стены.

Ответ на свой вопрос Грегор получил почти сразу, дверь распахнулась, и торжественно серьезный мэтр Бреннан ввел юную леди Ревенгар. Девчонка казалась меньше, чем помнилось Грегору, вдобавок еще более растрепанной, бледной... и заплаканной. Во всяком случае, нос и глаза у нее отчетливо покраснели. Следом в зал вошел незнакомый Грегору престарелый маг в темно-коричневой мантии. Его длинные, совершенно белые волосы были заплетены в косичку по моде полувековой давности, и тогда же, видимо, сшита форменная мантия служащего Академии, ныне болтающаяся на худых старческих плечах, как на пугале.

Поклонившись Совету, этот последний гость прошел к стене и присел рядом с Грегором, уделив ему внимания не больше, чем мухе, жужжащей на окне. Грегору же показалось, что

он чувствует запах архивов, словно почтенный старец был ожившим фолиантом незапамятных времен.

– Милорд Великий Магистр, почтенный Совет! – заговорил Бреннан. – Позвольте представить вам леди Айлин Ревенгар. Как маг, проводивший исследование дара, я свидетельствую, что обнаружил у девицы аномалию искры.

Девчонка, услышав про аномалию, побледнела еще больше и бросила на целителя испуганный взгляд. Но вместо того, чтобы съежиться, выпрямилась еще сильнее, развернув худенькие плечи и отчаянно задрал веснушчатый носик.

– Свидетельствую также, что во время испытания юная леди проявила несомненную склонность к боевой магии. Кроме того, есть доказательства проявления ее сил в области некромантии.

Переведя взгляд на Совет, Грегор увидел, как вежливое равнодушие на лицах магистров сменяется заинтересованностью.

Стихийник Райнгартен слегка подался вперед и приветливо улыбнулся девчонке, алхимичка Уинн смотрела с холодным любопытством, как на редкий препарат, магистр Эддерли и глава боевиков – ну, с этими все понятно, происходящее в их прямой компетенции. И если юная леди в самом деле двойная звезда, схватка за нее обещает быть интересной.

Магистр иллюзорников налил в высокий стеклянный стакан вишневого, судя по цвету, сока со льдом, отпил и, старательно миновав девчонку взглядом, принялся разглядывать что-то вверх. Выражение его лица при этом подозрительно напоминало восторг, но вот по поводу чего? Грегор склонен был думать, что Волански впервые и совершенно внезапно для себя обнаружил в зале Совета потолок.

Артефактору, кажется, было все равно: его происходящее никак не касалось, и Адальред откровенно скучал.

Роверстан откинулся на спинку кресла, скрестил на груди руки и с веселым удивлением посмотрел сначала на девочку, потом почему-то на Грегора и сидящего рядом с ним мэтра, потом снова перевел взгляд на девочку. Массивное золотое кольцо, которое разумник носил в ухе, словно какой-то итлийский пират, качнулось, и вставленный в него белый камень сверкнул ярким бликом. «Что за безвкусица, – брезгливо подумал Грегор. – Впрочем, чего и ждать от простолюдина».

Морхальт... Магистр целителей сидел совершенно неподвижно, с лицом настолько каменным, что это само по себе выглядело странным, даже если бы Грегор не видел его взгляд. На морщинистом лице, похожем на морду старой черепахи, жили только глаза – яростно-изумленные и словно ставшие ярче. Волосы магистра давно утратили великолепный цвет насыщенной меди, а глаза – краски летнего леса, но теперь Грегор ясно видел сходство между ним и внучкой. Пожалуй, ему хотелось бы увидеть недостающее звено, жена Дориана Ревенгара должна быть изумительно хороша собой. Хотя вот Грегору рыжие женщины никогда не нравились. Есть в них что-то вызывающее, почти неприличное.

Магистр Волански, отпив еще глоток сока, поставил стакан на стол, но почему-то не перед собой, а перед сидящим рядом Роверстаном. Тот явно удивился, но промолчал. Впрочем, иллюзорник все же решил объясниться. Нежно посмотрев на стакан, он наклонился к нему и пообещал темно-вишневой жидкости:

– Будет весело!

С отчетливым презрением фыркнула Уинн, а Кастельмаро чуть сильнее приподнял тяжелые веки и обратился к леди Ревенгар:

– Не бойтесь, милое дитя, покажите нам что-нибудь.

Девочка сосредоточенно кивнула, закусил губу и честно попыталась. Грегор почувствовал тончайшее колебание силы, слишком слабое, чтобы проявиться зримо.

Уинн снова фыркнула, громко и презрительно. Девчонка бросила на нее затравленный взгляд и попыталась снова. И снова. И еще раз.

Грегор невольно почувствовал к ней уважение за характер бойца. Но ему, как и любому из присутствующих, было понятно, что ничего не получается.

В этом как раз не было ничего страшного: только проявившийся дар слаб и нестабилен, а чем больше напрягаешься, тем хуже чувствуешь потоки. У многих адептов искра вообще

колеблется первые несколько лет учебы. Но девочка подобных тонкостей явно не знала и, кажется, вообразила себе всякие ужасы до утраты дара включительно.

– Все хорошо, дитя мое, – поспешно сказал опытный в таких делах мэтр Бреннан, ласково касаясь плеча девочки, но почти одновременно с этим Уинн – какая же невыносимая дура! – с холодным раздражением велела:

– Успокойтесь, адептка! Мы собрались не для того, чтобы вытирать вам нос. Раз уж вы приехали учиться, покажите что-нибудь или не отнимайте наше время! Что-то же у вас должно получаться?

Глаза девчонки наполнились слезами. Еще миг – и она бы наверняка расплакалась, но Роверстан укоризненно произнес низким бархатным голосом, разительно контрастирующим с визгливым тембром Уинн:

– Дорогая коллега...

«...не изволите ли заткнуться?» – мысленно продолжил Грегор, но разумник выразительно промолчал и перевел взгляд на девочку.

Облокотившись на стол, он чуть подался вперед и сплел пальцы перед собой, так что перстень с молочно-белым опалом блеснул в солнечных лучах. Грегор нечасто видел, как работают разумники. Роверстан не сплетал потоки энергии, не использовал арканы или руны, не творил заклинаний. Он просто смотрел с мягкой, слегка рассеянной улыбкой, но на миг воздух между ним и девочкой словно сгустился, а на Грегора повеяло отблеском чужой силы, вкрадчивой, убаюкивающей, шепчущей, что все хорошо, волноваться нет нужды, вокруг друзья, и никто не причинит вреда...

«Все же Роверстан – умница, – расслабленно подумал Грегор – Не то что остальные... Извиниться перед ним за последнюю встречу, что ли...»

Тут же его будто подбросило, наваждение спало, смывое ледяной злостью, а девчонка яростно и испуганно взвизгнула, и от нее плеснуло алым выбросом. Стоящий перед Роверстаном стакан разлетелся, как показалось Грегору, на тысячу осколков.

Роскошная белая мантия разумника вмиг превратилась в тряпку, покрытую выразительными красными пятнами, а кое-где ее даже украсили прорехи. Собранные в хвост волосы и изумленное лицо магистра тоже радовали цветом, но вряд ли его самого. А Грегор, искренне наслаждаясь зрелищем, вдруг вспомнил, кто поставил перед Роверстаном злополучный стакан. Волански, пожалуй, не так прост.

Леди Ревенгар, взглянув на дело рук своих, побледнела еще больше, хоть и казалось, что дальше некуда, зажмурилась, сжала кулачки, пытаясь справиться с собой, но паника оказалась сильнее. Вырвавшаяся на свободу сила, дикая, сырая и необузданная, отбросила Бреннана, попытавшегося снова коснуться плеча девочки, и устремилась к Совету. Вот ее-то Грегор, в отличие от действий Роверстана, видел прекрасно – попробуйте не заметить алый шторм, пронизанный серебряными молниями! Претемнейшая, какой потенциал!

В нарастающий грозный рокот силы вплелись совершенно неуместный дребезжащий смешок Волански и хриплый надсадный визг Уинн.

– Прекратите истерику, коллега! – издевательски вежливо попросил ее магистр боевиков, щелчком пальцев поднимая щит. – Во-первых, мы собрались не для того, чтобы успокаивать вас. Во-вторых, какой прекрасный выплеск! Жаль, что неосознанный, но над этим мы поработаем.

«Работать он будет!» – зло подумал Грегор, сообразив, что после такого глава Красных станет драться за девочку до последнего. Да и драться не придется, Эддерли не видел того, что случилось в библиотеке, и сейчас взирал на происходящее не более, чем с безмятежным интересом.

– Хватит! – раздался спокойный негромкий голос Великого Магистра, и в зале мгновенно стало тихо.

Кристоф продолжал держать щит, растянув его на весь стол с небрежным превосходством боевика над теми, чей дар не позволял такие легкие манипуляции силой. Впрочем, испугалась представления только Уинн. Эддерли и Райнгартен при нужде вполне могли прикрыться сами, а Волански змеистые молнии, плещущие у самого стола, словно не замечали, зато он смотрел на них с чистым восторженным любопытством, как ребенок в балагане фокусника. Сидящий с краю Роверстан, со стороны которого щит заметно

утончался, поднял собственный, полупрозрачный, но видимый. «Неплохо, – признал Грегор. – То есть для разумника, которому чистой силой управлять сложнее всего... Адальред с Морхальтом, вон, и пытаться не стали».

– Хватит, – повторил Кастельмаро и очень мягко сказал девочке: – Этого вполне достаточно.

Никакой волшебной силы слова Великого магистра не имели, но девчонка, всхлипнув, выдохнула и как-то разом успокоилась. Шторм улегся, молнии растворились в воздухе, и в зале Совета отчетливо запахло грозовой свежестью.

– Предлагаю зачислить юную леди на Красный факультет, – бодро высказался Кристоф, убирая ненужный щит. – Что скажете, дорогой Эддерли?

– Фиолетовый факультет не возражает, – вежливо отозвался некромант. – Проявлений нашего цвета я не зафиксировал.

– Но... – попытался было открыть рот Бреннан, однако Эддерли учтиво его прервал:

– Простите, уважаемый мэтр, я несколько не ставлю под сомнение ваши слова, но если даже сейчас, во время серьезного потрясения, будущая адептка не обратилась к некромантии, говорить о сколько-нибудь серьезном даре в этой области не вижу смысла.

– Я вижу! – с удивлением услышал Грегор собственный голос. И, выдержав паузу под устремленными на него взглядами, небрежно сообщил: – Час назад в библиотеке я наблюдал, как леди Ревенгар упокоила мертвую крысу. Поднятую, между прочим, лично мной. И смею заверить, хорошо поднятую. Без скидок на возраст и отсутствие обучения. На лице магистра Эддерли отразился живейший интерес. Возможности своего бывшего любимого ученика в работе с умертвиями он представлял прекрасно.

– Вот как, дорогой Грегор? – мурлыкнул он. – Что ж, это в корне меняет дело. Мы с удовольствием примем юную леди к себе.

Грегор встретил недобрый взгляд магистра Кристофа улыбкой и с наслаждением увидел, как боевик первым отвел глаза. Вот так-то. Будь ты хоть трижды бастардом покойного короля, дядюшкой нынешнего и боевым магом в придачу, с Избранным Претемной тебе взглядами не тягаться.

– Минутку, коллеги! – подала голос Уинн. – Красный выплеск, фиолетовые чары – это все прекрасно, но мы забыли главное. Если девочка действительно двойная звезда, то настолько интересный объект не появлялся уже лет... пятьдесят?

– Семьдесят, – проскрипел сидящий рядом с Грегором старик, вдруг встрепенувшись. – Последний подтвержденный случай – мэтр Киран Лоу. Основной цвет – фиолетовый, отблеск – синий. Был освидетельствован Советом под предводительством великого магистра Логрейна.

Выдав это, он вновь погрузился в подобие забытья.

«Архивариус в отставке, значит, – подумал Грегор. – Видимо, побеспокоили ради такого случая. Судя по возрасту, он эту звезду вполне мог знать лично. Лоу, Лоу... где же я про него слышал? Впрочем, неважно».

– Вот видите! – воспрянула дура Уинн. – Феномен нуждается в изучении! Предлагаю для начала серию испытаний, заодно определим, какой цвет искры у объекта доминирует.

Лично я полагаю очень многообещающим, что в состоянии нервного напряжения адептка проявляет силу так ярко. Возможно, если сменить тип воздействия, мы получим и другие выплески?

Глаза Уинн, слишком быстро забывшей о своем страхе, горели фанатичным огнем.

– Обязательно получите, – снова услышал себя будто со стороны Грегор. – Если бы меня в ее возрасте так напугали, я бы обеспечил кафедру некромантии наглядными пособиями на несколько лет вперед, о практике для целителей уже и не говорю. Позвольте узнать, дорогая леди Уинн, как вы собираетесь проводить исследования? Колоть, как вы изволили выразиться, «объект» иглами? Или, может, сразу разберем на части?

– Зачем же сразу... – заикнулась Уинн, но под его взглядом побледнела и наконец-то замолчала.

Очень вовремя, а то Грегор уже начал прикидывать, в каком учебном пособии наиболее нуждается родная кафедра. Крысы, если вдуматься, не слишком виноваты в своей природе, а вот Уинн полезно будет принять участие в каком-нибудь увлекательном эксперименте с другой стороны, в качестве его объекта.

Айлин Ревенгар, на которую он мельком глянул, стояла, вытянувшись в струнку и застыв. Только глаза, в которых давно высохли слезы, ярко блестели, и взгляд испуганно метался по залу. На Роверстана, уже тщательно вытершего платком лицо, но так и оставшегося в запятанной, словно окровавленной мантии, она старалась не смотреть, и Грегор ее не винил – девочке и так досталось. Да и было бы там что разглядывать.

– Экс-с-с-с... Э...Экс-с-с-сперимент... – просвистело рядом с Уинн, и старый Морхальт, вцепившись пальцами в крышку стола, поднялся на ноги.

«Еще один!» – с просыпающимся бешенством успел подумать Грегор, но тут морщинистое лицо магистра перекопилось, глаза закатились, а левый угол рта, напротив, явственно обвис, и из него побежала струйка слюны.

Бессильно отпустив стол, Морхальт начал заваливаться назад, и Бреннан, охнув, кинулся к нему, а сидящая рядом Уинн шарахнулась в сторону, почти упав в объятия артефактора. Не потерявший присутствия духа Эддерли поймал старика, и они с Бреннаном, оббежавшим длинный стол, склонились над Морхальтом.

Великий Магистр Кагельмаро посмотрел туда и вдруг с тем же непроницаемым спокойствием заинтересовался у Грегора:

– Мальчик мой, так вы не надумали взять факультативный курс?

Вокруг царила суматоха, как в солдатском лагере, который среди ночи атаковал противник. Роверстан присоединился к тем, кто хлопотал над Морхальтом, – оттуда веяло потоками зеленой силы и доносились тревожные голоса. Уинн жалась к артефактору, смущенно обнимавшему ее за плечи. Райнгартен нервно перекладывал какие-то бумаги. Кристоф – вот что значит опытный боевик! – благоразумно никому не мешал. Откинувшись на спинку кресла и сдвинув пальцы перед собой, он разглядывал юную Ревенгар, а Волански налил себе еще стакан сока и невозмутимо его потягивал.

– Не уверен, – выдавил Грегор и тоже посмотрел в сторону леди.

Девочка, словно почувствовав, отвела взгляд от суетящихся вокруг Морхальта магов и устала на него умоляюще.

– Какая жалость, – вздохнул Кагельмаро. – А я надеялся спихнуть на вас индивидуальные занятия. У нас все больше адептов, требующих особого подхода. Некроманты, боевики... Я, конечно, могу попросить кого-нибудь из наименее загруженных магистров. Леди Уинн, к примеру. Или не стоит?

Он лукаво посмотрел на девочку, и Грегор со злым восхищением понял, что главой Ордена ему не быть еще долго. Пока не научится вот так же!

– Один курс, милорд Великий Магистр. И учеников я выберу сам. Только некромантов, разумеется.

«Не хватало еще мучиться с какими-нибудь бездарностями!»

– Дюжина адептов по вашему выбору, – так быстро и охотно согласился Кагельмаро, что Грегор понял – продешевил.

Но не отказываться же теперь! Он снова взглянул на юную леди и кивнул ей.

– Идемте, адептка Ревенгар. Вы зачислены на Фиолетовый факультет, но с дополнительным изучением Красных дисциплин.

– Но... – начал было Кристоф, однако его перебил Великий Магистр:

– А у вас, дорогой мой, категорически не хватает преподавателей, вы сами подавали мне докладную не далее, как на прошлой неделе.

Грегор спрятал усмешку, поднялся и зашагал к выходу, его первая ученица шла рядом.

Жаль, очень жаль, что ознакомить совет со своими выкладками сегодня не выйдет, слишком уж не вовремя Морхальт хватил удар. Но теперь Грегор будет появляться в Академии каждый день – и никуда от него магистры не денутся!

Глава 4. Звезды и карты

Обратно в комнату Айлин почти бежала – лорд Бастельеро летел по коридорам длинными быстрыми шагами, едва замечая, как она старается поспевать за ним. Это было бы обидно, но Айлин только порадовалась, что не привлекает его внимания.

Покинув зал Совета, лорд совершенно перестал походить на мрачного, но учтивого дворянина, встреченного ею в библиотеке. Тогда он говорил с явной иронией, но за ней все равно чувствовалась скрытая теплота. Сейчас же лицо мэтра-командора заострилось, скулы выступили резче, а ярко-синие глаза сверкали так, что было откровенно страшно встретиться с ними взглядом.

И он будет ее учить?! Еще и не вместе со всеми, а лично, если Айлин правильно поняла слова Великого Магистра? Ой-ой-ой...

Дома преподаватели тоже были довольно строги, но там никто не требовал от нее большего, чем быть послушной и благовоспитанной тенью Артура. Уроки проводились для него, наследника Ревенгаров, а ей позволяли присутствовать, потому что в светском разговоре леди должна уместно восхищаться умом и образованностью мужчины. От нее никто не ожидал, что она научится чертить карты, решать задачи и разбираться в законах и истории так же хорошо, как Артур. Она ведь даже пишет, как кошка хвостом! Красивый почерк, как и все прочие способности, кроме магии, из них двоих достался Артуру, буквы и цифры из-под его пера текли ровные и изящные, а Айлин, показав наставнику результат многочасовых усилий, постоянно оставалась без сладкого.

Что, если она и здесь не справится? Соученики будут над ней смеяться, противная соседка – презирать, а лорд Бастельеро – разочаруется! Единственный, кто поверил в нее и даже заступился перед всем Советом. И это после того, как она устроила такое! Права была матушка, называя ее гадкой невоспитанной девчонкой, которую нельзя пускать в приличное общество!

Интересно, можно ли назвать общество в Академии приличным?

Айлин старательно, но незаметно осмотрелась, продолжая поспешать за лордом. Где-то вдалеке ударил колокол, и коридор начал наполняться стайками детей, как ее возраста, так и намного старше. Почти все они были в серых, коричневых или черных мантиях с разноцветной отделкой. Девочки – неизменно в длинных, а среди мальчиков попадались те, кто носил подобие короткой туники поверх штанов. Адепты Академии, избранники богов! Дома Айлин представлялось, что маги, даже будущие, должны быть серьезными и важными, а они смеялись, разговаривали, некоторые с любопытством смотрели на Айлин, но гораздо чаще – на ее спутника. И в этом она еще как их понимала.

Лорд Бастельеро был одет в такой же черный мундир, как Айлин видела у отца, но куда более богато украшенный: фиолетовые петлицы – широченные, пуговицы – золотые, а с оплечий на спину и грудь скалятся геральдические дорвенантские львы, шитые золотым и алым шелком. Красиво так, что дух захватывает! И неудивительно, что все расступаются, а потом провожают лорда взглядами...

Лорд всего этого как будто не замечал, на адептов он не обращал ни малейшего внимания, а с преподавателями сухо раскланивался. И лишь однажды, когда в темном коридоре они увидели пожилого мэтра с приятным улыбчивым лицом и в густо-фиолетовой мантии, окруженного стайкой ребят возраста Айлин, она заметила, что лорд поклонился ему гораздо ниже, чем всем прочим.

Наконец, они вернулись в крыло, где были комнаты учеников, и дверь комнаты Айлин уже виднелась впереди, когда она решилась.

– Милорд Бастельеро? – начала она, но спутник прервал ее с холодной вежливостью:

– С сегодняшнего дня обращайтесь ко мне «мэтр Бастельеро», адептка Ревенгар. – И, поскольку она смущенно замолчала, чуть мягче добавил: – Что вы хотели?

– Мэтр Бастельеро, – старательно повторила Айлин. – Что такое «двойная звезда»?

Мэтр, как его следовало теперь называть, слегка придержал шаг и глянул на нее остро-пронзительным взором. Айлин уже не раз видела такой взгляд, взрослые смотрят им, когда решают, что можно знать детям, а о чем говорить не стоит.

– Это означает... – сказал он, немного помолчав, и за эти несколько мгновений Айлин едва не умерла от ужаса. – Что у вас хороший... потенциал. Способности, иными словами. Но вам придется приложить вдвое больше усилий, чтобы правильно распорядиться своими талантами. Так что не слушайте всяких болтунов, которые будут говорить о вашей исключительности, и привыкайте к мысли, что успех дается только работой. Запомните: терпение и трудолюбие суть первейшие добродетели мага.

– Спасибо, мэтр, – вежливо отозвалась ничего не понявшая Айлин и твердо пообещала: – Я запомню.

Интересно, а нельзя ли спросить про двойную звезду у мэтра Бреннана? Ох, как же она могла забыть! Мэтр Бреннан сейчас в лазарете с милордом Морхальтом! Она и вправду дрянная девчонка – даже не вспомнила про родного деда! Правда, они и не виделись до этого дня...

В доме Ревенгаров постоянно гостили ее тетушки, сестры дорогой матушки. Айлин не позволялось, конечно, присутствовать при взрослых разговорах, но тетушки часто приезжали с детьми, которых принимали как хозяева они с Артуром. Точнее, принимал их Артур, Айлин должна была только сделать комплименты при встрече, а потом подавать чай со сладостями и помалкивать, пока к ней не обратились. И если она вела себя тихо, не привлекая внимания, то чего только нельзя было услышать в детской гостиной!

Гости, пять кузенов и три кузины, все – того возраста, чтобы уже ездить с визитами, но еще не быть допущенными во взрослую гостиную, болтали обо всем на свете! Кто уехал в деревенское поместье или вернулся в столицу, кто получил чин или удачно женился, у кого родились дети или умер кто-то в семье...

Айлин знала лично и по рассказам каждого родственника по матери и отцу. Кроме милорда Морхальта, ее родного деда. О нем молчала даже болтливейшая тетушка Амелия, которая знала все обо всех и щедро делилась этим, даже когда ее никто не спрашивал. Милорда Морхальта словно не существовало в том мире, где жила Айлин, а ведь Академия – это так близко! Даже если милорд был очень занят, он мог бы навещать их по праздникам... А теперь он тяжело болен, и Айлин, наверное, даже не пустят его навещать! Или пустят? Дверь комнаты вдруг оказалась перед самым ее носом, и голос милорда... ой, то есть мэтра Бастельеро, посоветовал:

– Отдохните хорошенько, адептка Ревенгар. Завтра у вас непростой день.

А потом мэтр развернулся и ушел, и Айлин осталась перед дверью одна, с ужасом понимая, что сейчас придется снова иметь дело с этой... этой... не леди! Ну что ж, ее ведь приняли в Академию, значит, она имеет такое же право здесь находиться, как и противная соседка. Она не даст себя запугать и больше никогда не позволит себе выглядеть слабой!

Айлин решительно вдохнула, выдохнула и, открыв дверь, переступила порог.

В комнате пахло шамьетом, коричневыми пирожными и духами.

А еще – средством для укладки волос. Этот запах, казалось, пропитал насквозь будуар матушки. К сожалению, кровь предков, как сочувственно вздыхали тетушки, наградила волосы леди Ревенгар непокорным нравом и тягой завиваться в крупные тугие кольца. То и другое она передала дочери. Последние несколько сезонов это было совершенно не в моде! Айлин все еще делали детские прически, а матушка пользовалась средством из лучшей алхимической лавки столицы, распрямляя непослушные локоны и укладывая их в высокие гладкие сооружения, как приличествует леди. Вот этим выпрямителем теперь и пахло в комнате, и Айлин вздрогнула, почему-то решив, что матушка приехала за ней.

Но вместо нее в комнате обнаружили целых три девицы: все та же вредная соседка, которой Айлин ничего не простила и не забыла, и еще две блондинки, худенькие, остроносые, хорошенькие и очень похожие, но не как сестры, а просто как девушки, которые завиваются, красятся и одеваются в одном и том же месте – очень дорого, очень красиво, и, наверное, модно. Только, увы, совершенно одинаково.

Стоило Айлин войти, гости усталились на нее с жадным любопытством, а соседка – с неприязнью.

– Надеюсь, ты пришла собраться домой, милочка? – пропела она, поднося к накрашенным пухлым губкам чашку с шамьетом и манерно отставив мизинчик, на котором блеснуло кольцо.

– Пожалуй, подожду до ближайших вакаций, – холодно сообщила Айлин, прошепствовав к своей кровати и с размаху усевшись на нее.

Судя по накрытому столу, ломившемуся от угощения, девицы расположились надолго. Приглашать ее они явно не собирались, да Айлин бы и не согласилась! Леди, конечно, должна быть вежлива, но в то же время ей следует избегать неподобающего общества, а именно это общество иначе назвать было сложно.

Девы, внимательно ее рассмотрев и не соизволив представиться, вернулись к шамьету и обменялись, как увидела со своего места Айлин, многозначительными взглядами. Ну точно – точно тетюшки, обсуждающие недостойное поведение какой-нибудь дебютантки. Айлин рассеянно провела ладонью по чистому, но явно не новому покрывалу. Разбирать вещи в присутствии этих невоспитанных куриц она не решалась – еще начнут высмеивать. На тумбочке возле кровати все еще стояла тарелка с одиноким пирожком, но есть тоже не хотелось, зато шамьетом пахло так, что Айлин невольно и как можно более незаметно сглотнула.

– ...А я ей и говорю: «Вам, милочка, следует поменять модистку, а то сливовый шелк уже год, как вышел из моды. Его даже в поместьях не носят!»

– А она?

– А она так улыбается дерзко и отвечает, что пусть, мол, те, кому он не к лицу, его и не носят, а она будет носить, что захочет! Какова наглость!

«Правильно ответила, – про себя одобрила Айлин неизвестную девушку. – С этими так и надо! Между прочим, сливовый шелк из моды вышел не весь, а только гладкий. Муаровый вполне еще носят. Тетюшки рассказывали, что сама королева его любит!»

– А слышали новость про Кристианну?

– Кристианну с Голубого факультета или с Красного?

– Ну конечно же, с Голубого! Знаете, где ее видели на прошлой неделе после полуночного колокола?

– И где же? – немедленно оживились остальные.

Девы наклонились к собеседницам и что-то шепнула.

– Неужели?! – взвизгнула соседка Айлин. – Вот бесстыжая девка! А что же магистр Роверстан?!

– Ах, ну что магистр... – томно протянула девица. – Неужели он обратит внимание на такую вульгарную особу, которой не стыдно оказаться ночью возле комнаты мужчины? «Обязательно обратит! – подумала Айлин, в этот момент напомнив сама себе любимую тетюшку Элоизу, славящуюся острым языком и полным отсутствием почтения к приличиям. – Или чтобы впустить, или чтобы отогнать подальше, если особа нехороша собой».

– Кто знает... – задумалась третья, отвечая на невысказанные мысли Айлин. – Мужчины падки на этаких... доступных.

– Магистр Роверстан не из них! – слаженным дуэтом возмутились ее собеседницы. – Он такой благородный! Такой возвышенный! Такой... такой...

Айлин невольно заинтересовало неслыханное собрание добродетелей, каким являлся, судя по всему, неведомый магистр. Роверстан, Роверстан... Она честно попыталась вспомнить, слышала ли эту фамилию, но не преуспела. Если пресловутый магистр и был дворянином, в гостиной Ревенгаров его не обсуждали. Ну... или обсуждали за закрытыми дверями, подальше от Айлин. И если так, то это о многом сказало бы!

Девы продолжали возмущаться, и тут в дверь постучали. Почти сразу же она распахнулась, и в комнату заглянул смуглый белокурый юноша в длинной темной мантии с фиолетовым воротником и манжетами.

– Доброго дня, милые девы! – улыбнулся он всем сразу, а потом остановил на Айлин взгляд золотисто-карих, цвета темного янтаря, глаз. – Позвольте представиться, я Саймон Эддерли, староста вашего факультета.

– Айлин Ревенгар, к вашим услугам, милорд.

Неторопливо – как учила матушка – встав, Айлин сделала реверанс, а юноша – вот Эддерли – это более чем достойное знакомство! – изящно поклонился, но тут же ее поправил:

– Адепт Эддерли, с вашего позволения. Или просто Саймон. В стенах Академии «лорд» и «леди» обращаются только к главам гильдий и магам, не имеющим статуса преподавателя. К преподавателям положено обращаться «мэтр» или «мэтресса». А мы, адепты, все братья и сестры, поэтому обращаемся друг к другу на ты.

– Простите... то есть, прости, я не знала, – смутилась Айлин, вспомнив, что лорд... то есть мэтр Бастельеро уже говорил ей подобное, но не уточнил всех правил.

– Ничего страшного! – успокоил ее Эддерли теплым тоном и положил на тумбочку Айлин исписанный лист бумаги. – Вот твое расписание до конца этой недели. Часть занятий ты будешь посещать вместе с нами, а часть – с Красными. Ты действительно двойная звезда? – Ну... так говорят... – еще сильнее смутилась Айлин.

От столика донесся отчетливый звук, как будто кто-то поперхнулся.

– И тебя распределили к нам? – еще оживленнее спросил Эддерли. – Отлично! Давно пора было утереть нос Красным! А правда, что на испытаниях ты разбила стакан о голову магистра Роверстана?

Захлебывающиеся звуки стали еще отчетливее, и перед Айлин словно пропасть разверзлась. Она вспомнила высокого черноволосого смуглого мужчину в белой мантии, такого великолепного ровно до того мгновения, как рядом с ним разлетелся стакан. И как магистр в своей белоснежной мантии выглядел потом. Ой...

– Нет! – в ужасе замотала она головой. – Совсем не об голову! То есть... ну... стакан взорвался, но я не хотела! А там был сок... вишневый...

– Не хотела бы – не взорвала! – слишком злорадно для сожаления сообщил Эддерли. – А правда, что ты ударила по Совету молниями, и магистру Кристофу пришлось ставить щит? Айлин обреченно кивнула.

– И магистр Волански что-то предсказал?!

Айлин вспомнила многозначительное: «Будет весело», – и задумалась, можно ли считать это предсказанием? Кажется, если кому-то на Совете и было весело, так только самому магистру Волански. Хотя он ведь и не уточнял – кому!

Она еще сильнее выпрямилась, жалея, что не может стать невидимкой, и Эддерли все понял по ее лицу, потому что расплылся в хищной радостной улыбке.

– Ладно, Ревенгар, мы с тобой после поговорим! Завтра не опаздывай, преподаватели этого не любят. Твой куратор – сам лорд Бастельеро, с ума сойти! Избранный Претемной Госпожи, мэтр-командор главнокомандующий! Девять из десяти наших adeptов с тобой бы поменялись! Хотя знаешь... – Он явно задумался и добавил: – Пожалуй, не девять из десяти, а всего пять. Остальные бы испугались! Ну, мне пора. Добр-рого вечер-ра, милые девы, – огромным котом мурлыкнул он в сторону старших adeptок и исчез за дверью, только взметнулись длинные полы щегольской мантии с разрезами.

Айлин сначала почувствовала, а потом и увидела устремленные на нее взгляды. В комнате воцарилась мертвая тишина.

– Иоланда, милочка, нам, пожалуй, тоже пора! Ты же знаешь, у нас завтра первое занятие – общая лекция с разумниками. У... него! – выдохнула одна из девиц и снова так глянула на Айлин, словно та совершила какое-то страшное святотатство. Например, устроила публичное поклонение Барготу в главном столичном храме Семи Благих. Ну... или облила вишневым соком чью-то белую мантию. Это они еще лицо магистра не видели, спасибо Претемнейшей!

– Я, пожалуй, тоже схожу... в библиотеку, – выдавила соседка... то есть Иоланда и торопливо принялась убирать со стола.

На Айлин никто из троицы очень старательно больше не смотрел, и она почувствовала себя непривычно и отчего-то гадко. От девиц просто веяло страхом и брезгливостью, будто она, Айлин Ревенгар, какая-то ядовитая гадина, только и ждущая возможности укусить!

Интересно, а можно ли попросить переселить ее в другую комнату, подальше от Иоланды и ее подружек?

И тут ей пришла в голову по-настоящему жуткая мысль: а вдруг теперь на нее так будут смотреть все? Она вспомнила глаза матушки, когда Артур кричал на Айлин в гостиной. Глаза, в которых стыли зеленым льдом ужас и брезгливое отвращение, будто вместо дочери леди Ревенгар увидела гадюку или крысу... Тогда Айлин убедила себя, что ей показалось, не могла матушка так на нее смотреть! Конечно, она все равно любит свою дочь, пусть даже такую неудачную. Но... В глазах невоспитанных девиц Айлин видела слабое подобие того взгляда, и когда за Иоландой и ее подружками закрылась дверь, оказалось, что одиночество – это не так уж плохо. Оставшись одной, можно забраться на кровать с ногами, обнять колени, уткнувшись в них лицом, и долго-долго говорить себе, что все будет хорошо. Так долго, что почти получится поверить в это.

* * *

Грегор вернулся к вечеру, причем такой злой и хмурый, будто Фрагана снова перешла границу. Старой, еще юношеской, привилегией являться без доклада он не пользовался, предпочитая нарушать дух этикета, а не его букву. Вот и сейчас, дождавшись, пока проводивший его камердинер выйдет, замер у двери, скрестив руки на груди и являя собой воплощенную мрачность. Черный с серебром камзол, гербовых цветов Бастельеро, но выглядящий трауром, волнистые волосы, собранные на затылке в простой короткий хвост, жесткие складки у красивого рта, испорченного вечно сжатыми губами... Из драгоценностей только дворянская цепь и два перстня, магический и родовой, по сравнению с пышно разряженными придворными – вызывающе мало! Малкольм любопытно поднял брови: интересно, что сегодня нашло на старого друга? Не то чтобы он рассчитывал, что посещение Академии поднимет Грегору настроение, но и подобного эффекта никак не ожидал.

Неужели так подействовало предложение заняться, наконец, продолжением рода? Малкольм даже почувствовал что-то вроде угрызений совести. Конечно, так открыто давить на Грегора не стоило: все Бастельеро отличаются неимоверным упрямством и сопротивляются до последнего, но...

Малкольма словно кошка царапнула за сердце когтистой лапой – вспомнилось то, что Грегор в их прошлую встречу сказал про пятнадцать лет. Нехорошо вышло. Пусть он ни в чем перед этим упрямцем не виноват, но у него самого старший сын уже всерьез заглядывается на девочку, а младший его догоняет. И младшие принцессы недавно заговорили... А Грегор до сих пор один, однолюб клятый!

«Я же волнуясь за тебя, болван, – с привычной грустной нежностью подумал он. – Положим, род на тебе не прервется. Твой отец, несмотря на возраст, еще вполне мог бы обзавестись ребенком, а то и двумя. И кузены у тебя имеются. Да и тридцать пять лет – это совсем не возраст для мага старой крови. Одаренные богами и в пятьдесят могут зачать здоровых детей, а потом еще успеют увидеть взрослых внуков, но сколько же можно страдать по несбыточному?»

Пауза затягивалась. Грегор сдался первым: видимо, ему было что сказать.

– По приказанию вашего величества, – скрежетнул он, – я остаюсь в столице.

«Неожиданно, – признал Малкольм. – Зная тебя, дорогой друг, я бы скорее предположил, что ты сбежишь на границу сегодня же ночью. Что же такого случилось в Академии?

Отвратительно, сколько важного и интересного минует короля только потому, что происходит за высокими стенами Ордена! Но не женишься же ты, в самом деле?»

– Пока не женюсь, – так же размеренно сообщил Грегор, словно подслушав его мысли. – Дела передам Райнгартену завтра же, ему давно пора на повышение. Разумеется, если нет возражений! – изволил он вспомнить, что главнокомандующего, вообще-то, назначает король.

– Прекрасная мысль, – согласился Малкольм. – Да садись ты, вздумал церемониться! Вина или приказать подать ужин? Ну и что заставило тебя остаться?

– Благодарю, не голоден. Мне навязали кураторство, – процедил Грегор, послушно присаживаясь в кресло напротив и движением головы отказываясь от стоящего на столе кубка, за которым потянулся Малкольм. – Факультативный курс по боевой некромантии! Дюжина бестолковых адептов, и это не считая смеси сумасшедшего дома и борделя среди моих драгоценных коллег! Только представь: грядущие выборы нового зеленого магистра, крысы в Архивах, а в Совете – истеричная алхимичка и разумник-простолодин, и все, даже Архимаг, делают вид, что дела идут как надо. Р-распустились! Малкольм, им не преподаватели нужны, а хорошие сержанты, не меньше дюжины.

– Хорошо, – согласился Малкольм, изо всех сил стараясь не рассмеяться – ну кто бы сомневался, что Бастельеро и в стенах Академии останется верен себе и армейскому уставу. – Я поговорю с Архимагом. Дела Ордена меня, конечно, не касаются, но наверняка сейчас попросится в отставку немало офицеров с магическим даром. Нужны же в вашу Академию берейторы, преподаватели фехтования и прочего эдакого? Чем платить им пенсию, предложу жалованье в дополнение к тому, что даст Орден. Что-то еще?

Угадал. Грегор нахмурился еще сильнее, глубоко вздохнул и постучал по столу пальцами, отбив начальные такты марша.

– Нужно ограничить использование порталов. Поставить на учет все, включая частные, контролировать каждую активацию и использовать порталы только в крайнем случае, самом крайнем, когда речь идет о спасении жизни или прямых интересах государства, ты понимаешь меня?

– Нет, – честно сказал Малкольм, имея в виду не предельно ясное требование старого друга, а странность и откровенную невозможность этого требования. – Во-первых, как ты себе это представляешь? Хорошо, описать все порталы труда не составит... Я хочу сказать, что в принципе это возможно. И давно уже следовало сделать, здесь ты прав. Но контроль активаций? И я уже не говорю о том, что любой достаточно сильный маг может поставить себе личный портал, верно?

– С магами я сам разберусь, – угрюмо пообещал Грегор. – Но стационарными порталами придется заняться тебе. Отдай приказ, и пусть выполняют, ты король, в конце концов.

– Да что тебе в голову взбрело? – взмолился Малкольм, уже понимая, что дело наверняка окажется серьезным, но старательно надеясь, что так на Грегоре сказываются всего лишь последствия ранения.

Бастельеро, очевидно, только этого вопроса и ждал. Он снял с пояса аккуратную серебряную тубу, открыл ее и разложил на столе бумаги, исчерканные малопонятными символами и странными загогулинами. Единственным, что Малкольму удалось опознать, была руна «Север» наверху одного листа.

– Это – карта боевых действий, – сообщил Грегор с такой глубокой убежденностью, что Малкольм постыдился задавать вопросы и лишь молча пожалел армейских картографов, которым пришлось иметь дело с мэтром-командором Бастельеро. – Магия, Малкольм, изменяет структуру мира. Особенно боевая магия, которая требует большого количества силы одновременно. Мир, к счастью, способен восстановиться сам по себе, если дать ему для этого время. Но здесь... – Грегор указал куда-то в центр листа, и Малкольм только по россыпи синих пятен опознал Озерный край на фраганской границе. – Здесь мы использовали такое количество боевых и стихийных заклинаний, что ткань мироздания истончилась, как ветхая рубашка. Магические искажения расходятся от этого очага, словно круги по воде – от брошенного камня. Порталы же создают в материи, из которой состоит мир, столь сильные возмущения, что если не ограничить их использование хотя бы лет на десять, то через те же десять лет мы получим полноценный Прорыв!

«И только-то?!» – чуть не спросил Малкольм, но все-таки удержался, слишком уж озабоченным выглядел Грегор.

Хотя с чего бы? Про Прорывы слышали все, даже полные профаны в магии, вроде него. Ну да, время от времени по неизвестной причине открывается особенный портал, из которого выбирается несколько демонов – злобных тварей, не принадлежащих этому миру. Но обычно с ними справляются маги-боевики и некроманты, потом стихийники запечатывают портал, и на этом все заканчивается. Последний прорыв случился лет сорок назад, и хотя Малкольм не сомневался в интуиции своего главнокомандующего, но лишать страну одного из важнейших путей сообщения он все-таки готов не был.

– Послушай, мы же не впервые ведем войну, используя боевиков. И порталы в Дорвенанте не закрывали еще ни разу, – возразил он. – Возможно, ты излишне сгущаешь краски? И есть шанс, что все обойдется?

– Попробуй сесть на раскаленную сковороду, – ядовито-любезно предложил Бастельеро. – И посидеть на ней пару часов. Возможно, у тебя будет шанс не обжечься?

Малкольм вздохнул. Аллегии у Грегора получались неизменно яркими и убедительными. И все-таки – закрыть порталы, которые связывают весь Дорвенант и внутри, и даже с другими государствами! Ох, сколько же будет сложностей... Легко говорить Бастельеро, что королю стоит лишь приказать! Может, в армии это и работает, но не в обычной жизни. Надо сегодня же отдать Грегоровы бумаги канцлеру, пусть покажет их коронным магам. Хвала Благим, что на Ангуса Аранвена можно положиться в чем угодно, истинное сокровище, а не канцлер. Зануда, конечно, но тут уж ничего не поделаешь, такая у него должность... Определенно, если кто-то и сумеет в этом деле разобраться, то лишь Аранвен! А разобравшись, посоветует, как подойти к делу, чтоб не взбунтовались ни торговые гильдии, от которых за использование порталов течет в казну немалый ручеек золота, ни

дворяне, которым вечно кажется, что их исконные права и вольности ущемляются. Всех бы их к Барготу, дурных крикунов...

– Ладно, – неохотно пообещал он. – Я подумаю, что тут можно... Орденом, полагаю, займешься ты? Благодарю Семерых, что после победы над Фраганой нам с тобой могут простить многое. Хоть и не все. Кстати, через месяц, к Зимнему Солнцестоянию, мы с Беатрис даем королевский бал в твою честь. И не кривись, твое присутствие обязательно настолько, что даже не обсуждается.

Он с мстительным удовлетворением полюбовался, как Грегор в самом деле морщится, будто хлебнув уксуса вместо вина, и слегка сжалился:

– Ну что ты, в самом-то деле? Никто тебя не отдаст на растерзание созревшим девам и их почтенным матушкам. Разве что самую малость. Грегор, ты десять лет не был при дворе и вернулся героем. Криспин мечтает с тобой познакомиться, мальчишка бредит войнами и великим мэтром-командором, прогнавшим фраганцев... Сделай одолжение, утешь моего наследника, что совершил не все подвиги и на его долю тоже что-то осталось. Да и двору следует показаться, пусть хорошенько запомнят, кому Дорвенант обязан победой и на ком держится мой трон. А потом можешь снова закопаться в свои склепы и бумаги – слова не скажу.

Глава 5. Новый мэтр академии

Ночь прошла соответственно дню, то есть отвратительно.

Грегор долго не мог уснуть, удивляясь: в армейской палатке, укрывшись старым прожженным одеялом, засыпал и в грозу, и в метель, и под стоны раненых из устроенного рядом лазарета. А дома, в роскошной спальне родового особняка, на белейших накрахмаленных простынях, о которых столько мечтал десять лет, он ворочался, напоминал себе, что завтрашний день будет еще тяжелее и надо бы отдохнуть, и даже с отчаяния использовал совершенно детский способ: попытался сосчитать умертвий, прыгающих через кладбищенскую ограду.

Не помогло.

Двухсотое умертвие вместо прыжка улеглось рядом с могилой и подло притворилось упокоенным.

«Барготова задница!» – выругался Грегор, встал, запалил свечу и пошел в кабинет. Если не спится, надо поработать. Тратить время впустую – дарить его врагу, это скажет любой толковый солдат!

А заметки об аномалиях все равно требуется привести в порядок, Малкольм на них вчера посматривал как-то странно. Будто непонятно, что у Грегора не было времени на каллиграфию! Карты, расчеты... Он занялся ими в последние пару месяцев, когда уже стало ясно, что изгнание фраганцев – дело считанных недель. Три года! Всего три года полной власти над армией понадобились, чтобы отбросить месьоров туда, откуда они пришли, и только до скрежета зубовного было жаль семи лет, потраченных на то, чтобы взять командорский жезл.

Ну и где теперь эти крикуны, вопящие, что не дело отдавать армию под начало мага? Что его идеи о взаимодействии боевиков с некромантами и стихийниками рискованны до безумия, а сам он – юнец, получивший чин главнокомандующего только благодаря дружбе с королем? Теперь-то они восхваляют мудрость и талант мэтра-командора Бастельеро, а он сам никогда не сможет забыть, сколькими жизнями оплачены эти проклятые семь лет, когда армией командовал его светлость Корсон. Военачальник старой школы, мать его... Барготу в невесты. Упрямый баран, неизменно отвергавший все предложения Грегора лишь потому, что «вы слишком молоды и неопытны, дорогой мой мальчик...»

Грегор в раздражении смял подвернувшийся под руку исчерканный лист, глубоко вздохнул и все-таки заставил себя взять перо. Он пережил Корсона и оказался прав! Он победил, а теперь нужно выдержать еще одну войну с теми, кто не видит опасности порталных аномалий. Иначе десятилетнее фраганское нашествие покажется Дорвенанту пустячными неурядицами!

Примерно в три часа пополудни заметки были переписаны, а Грегор понял, что теперь, пожалуй, сможет уснуть и без всяких умертвий.

Глаза закрылись сами собой, стоило только улечься в постель, но тут же кто-то требовательно загрохотал по парадной двери особняка...

«Убью, – подумал Грегор, сам не зная, кого имеет в виду, нерадивых слуг, которые не торопятся открывать и вообще позволяют будить их лорда, или неурочных гостей? – Нет, кто вообще является с визитами в такое время?! Подниму и еще раз убью!»

Все же убить стоило слуг, потому что открывать никто из них так и не пошел. Грегор снова поднялся и, ругаясь уже во весь голос, спустился на первый этаж, дошел до двери, распахнул ее...

Дыхание перехватило, он замер, не в силах поднять руку, чтобы прикрыть глаза, словно в них ударило солнце. Растерянный, беспомощный, оглохший и ослепший ко всему, кроме нее, той, что стояла за порогом. Женщина? Волосы? Глаза? Лицо? Все это были только слова, беспомощно пытающиеся назвать то, что человеческим языком не выразить. Она могла бы выглядеть иначе – или не выглядеть никак. Явиться студеным порывом ветра, обжигающим и ледящим насквозь. Мучительным тоскливым предчувствием, трогаящим сердце за несколько мгновений до пропущенного удара. Сладким забвением, о милосердии которого молят многие, но немногие устаиваются.

Но она оказала ему милость – и пришла в обычном человеческом облике. Темные волосы, убранные в высокую, слегка старомодную прическу. Бледное лицо с тонкими чертами, как у скорбящих мраморных дев на надгробьях. Глаза, полуприкрытые неожиданно тяжелыми веками, и оттого не блестящие, а похожие на черный бархат. Строгое платье из ткани цвета ночного неба, тяжелой и переливающейся мягкими отблесками, наглухо закрытое – только белеет лицо над высоким воротником, и в тон ему – кисти рук с длинными, тонкими, белоснежными пальцами без колец. Да еще выглядывают из-под краешка подола носки черных атласных туфелек.

Грегор узнал ее сразу, хотя никогда не видел во плоти и лицом к лицу: Претемная является своим Избранным в зеркалах. И очень редко – в виде человека...

Высокая тонкая бровь даже не изогнулась в недоумении – приподнялась едва уловимо, и Грегор поспешно преклонил колени. Опустил глаза почтительно и благоговейно, но не удержался, вдохнул горьковатый аромат каких-то осенних цветов, палой листвы, влажной земли... Голова закружилась, словно он летел куда-то вниз, а по спине пробежал мороз, и тоскливо заныло сердце. Никто никогда не говорил ему этого, но откуда-то Грегор точно знал: так будет пахнуть на кладбище, когда мраморная памятная доска в фамильном склепе Бастельеро пополнится еще одним вылитым в бронзе именем – его собственным.

– Не скоро... – то ли шепнул ему на ухо тихий женский голос, то ли донеслось дуновением ветра, как мгновением ранее на Грегора повеял запах его последнего покоя.

«На все воля Ваша», – подумал он, не размыкая губ, и только тогда осознал, что – вот болван! – не удосужился одеться. Занят был, видите ли, на слуг злился... Собираясь погнать неизвестного невежу к демонам! А теперь приходится стоять перед Госпожой в одной рубашке и длинных панталонах. Да еще и босиком. Позор какой! Просто немыслимый, невозможный, непереживаемый...

Претемнейшая тихонько рассмеялась – от ее смеха кровь в жилах Грегора застыла острыми осколками льда и тут же снова растаяла. А потом Госпожа протянула к нему, беспомощно замершему, руку и погладила по растрепанным со сна волосам.

– Ты радовал меня все эти годы, мальчик, – сказала она обычным женским голосом, теплым и мелодичным. – И я принесла тебе подарок. Заботься о нем хорошо!

Сглотнув ком в горле, Грегор облизал пересохшие губы, открыл рот, еще не зная, что сказать, но говорить не пришлось.

Та, кому он присягал в жизни и смерти, исчезла, растворилась в воздухе, оставив тонкий, горьковатый и уже совсем не страшный запах осенних цветов, а на том месте, где она стояла, появилась коробка. Большая, доходящая Грегору почти до плеча коробка, обтянутая темным шелком и перевязанная пышным фиолетовым бантом. Бантом!

Грегор потряс головой: явление Претемнейшей, подарок, бант – все это совершенно не умещалось в сознании! – и осторожно тронул коробку кончиками пальцев. Потом попытался качнуть...

– Ой! – сказала та знакомым детским голосом.

«Что за бред здесь творится?» – отчаянно подумал Грегор и проснулся от деликатного стука.

Пока он открывал глаза, пытаясь понять, где находится, стук повторился.

– Милорд! Вы просили разбудить вас на час раньше обычного, – воззвал за дверью спальни камердинер. – Ваша мантия доставлена и готова к примерке.

«Мантия! Барготова мать...»

Вскочив, Грегор растер виски пальцами и встряхнул головой, выбрасывая из мыслей, а заодно и из памяти все, что привиделось ему в насмешливом кошмаре. Ну нельзя же всерьез подумать, что сама Претемнейшая явилась, чтобы принести ему подарок, словно любящая родственница! И еще этот голос из коробки... Такой знакомый... Нет, все это был сон – и не более! И где там камердинер с тазом для умывания, бритвой и свежим бельем?! Через полчаса зеркало с издевательской ясностью отразило то, что Грегор и без него давно подозревал: для карьеры преподавателя он не создан никоим образом, начиная с приличествующей мэтру Академии одежды. Мантия, пошитая лучшим столичным портным, сидела... странно. Не то чтобы криво, но совсем не так, как на магистре Эддерли. Или на любом другом преподавателе.

«Ничего, привыкну, – упрямо подумал Грегор. – В конце концов, это как мундир. Надо – значит надо!»

И сделал шаг.

И второй – к шкафу. На третьем шаге остановился, содрал барготову мантию и швырнул на кресло.

«Не надену! – подумал он злобно. – Перетерпят меня и без мантии! Пойду в мундире, по крайней мере, он не путается в ногах!»

И посмотрел на родной повседневный мундир армейского некроманта, черный, с густо-фиолетовыми поясом, обшлагами и петлицами, почти с нежностью. Это вам не непонятная тряпка, больше похожая на ночную рубашку престарелой тетушки! Да и верхом в этой их мантии не поедешь – не дамское же седло заказывать под эту... юбку!

А ревнители традиций пусть хоть удавятся!

До Академии Грегор добрался без приключений.

А вот попасть в нее оказалось решительно невозможно! Прямо перед воротами стояла повозка, груженная одним-единственным ящиком, и как раз сейчас какой-то мужик, похоже, возчик, пытался спихнуть его с повозки.

Ящик выглядел огромным, не меньше половины телеги. Крепко сколоченные доски – а Грегор часто видел работу армейских плотников и знал в ней толк – были сверху дополнительно укреплены массивными брусками.

Кроме возника, вокруг ящика суетилось еще двое здоровяков, то ли конюхи, то ли еще какая прислуга. К грузу они относились с явной настороженностью, даже с почтением. И не зря. Внутри ящика что-то глухо хрипело и тяжело билось о стенки.

«Однако! – заинтересовался Грегор. – Умертвие привезли, что ли? Или вурдалака?»

Прислуга Академии почему-то к воротам не спешила, и Грегор тоже прошел бы мимо, если бы его не окликнули с истовой надеждой в голосе:

– Дозвольте обратиться, ваша милость!

«Бывший солдат», – рассеянно отметил про себя Грегор и обернулся.

Четверка взирала на него как на спасителя. С благоговением.

– Обращайтесь, – разрешил Грегор, и возчик, вытянувшись во фрунт, поспешно заговорил:

– Изволите видеть, мы тут посылку доставили! Для ихней юной светлости от лорда Ревенгара, значит. А как ее позвать – не знаем. И тутошней прислуги что-то нету.

«Р-распустились!» – уже привычно подумал Грегор, а потом вскинул бровь и глянул на ящик внимательнее, а заодно и на возчиков. Действительно, здоровяки одеты в серое с красной оторочкой, наверное, Дориан взял на службу кого-то из своих бывших солдат.

– Для адепки Ревенгар?

Хм, интересно, какова вероятность, что в Академии учится еще одна девушка из этого же рода? Пожалуй, стремится к нулю. Ну и что ей могли привезти? Пони? А хрипит, потому что простудился по дороге? И возчики по этой же причине держатся подальше – боятся, что их обчихают!

– Известных животных в пределы Академии ввозить запрещено, – сообщил Грегор, подходя ближе.

Сам он такого правила не помнил, но если его и не существовало, то стоило ввести!

И добавил вслух:

– Открывайте!

– Дык... может, не надо, ваша ми... светлость! – безошибочно повысил его в титуле возчик. – Оно ж того... кроме хозяйки, никого признавать не хочет! А мы вот вам досочку оторвем, если посмотреть желаете!

Сбитая парой ударов верхняя боковая доска отлетела, и в сторону Грегора немедленно высунулась огромная лапа. Костяная. То есть натурального звериного скелета! Изжелтатые когти венчали пястную кость, размерами вполне сравнимую с ладонью самого Грегора, а то и побольше.

«Это собака? Или медведь?!»

В подтверждение его мыслей в ящике снова бухнуло, и доски подозрительно затрещали. Лапа спряталась, зато в темном проеме мелькнул кусок черепа, и горящий красный глаз уставился на Грегора. Глаз глядел плотоядно и с искренней надеждой, что или человек подойдет поближе, или ящик удастся доломать и выбраться на свободу. А уж оно, которое внутри, найдет, как этой свободой распорядиться!

– Гм... – сказал Грегор. – Пожалуй, дальше не открывайте. Хозяйку, говорите, слушается? Анимированный скелет, значит?! Когда Бреннан вскользь об этом упомянул, Грегор почему-то решил, что пробуждение фиолетовой силы у юной леди закончилось, как почти всегда бывает в таких случаях. Нечаянно поднятые останки волкодава просто обязаны были вскоре упокоиться сами собой, как только изначально влитая в них энергия иссякла. Какого Баргота эта зверюга так активна? И какого Баргота и всех его демонов Дориан не вызвал кого-то из работающих в городе некромантов, чтобы зачистить результаты опытов своей дочери?!

С другой стороны... Он еще раз посмотрел на опасно качающийся ящик и признал, что рядовой маг с таким, пожалуй, может и не справиться. Но в Академию-то зачем слать эту гадость?! Дориан что, всерьез считает, что девочка оставит вот... это... себе?

Дармоеды из прислуги Академии наконец-то появились, и он тут же послал одного за адепткой Ревенгар, а второго – за комендантом, чтобы объяснил, почему на воротах нет дежурного, а заодно освежил для Грегора устав Академии в той части, что касается содержания домашних питомцев. Вроде бы всякая мелочь, вроде котов, ручных крыс и птичек в клетке, во время его учебы правилами допускалась... Но что-то подсказывало Грегору, что с собакой таких размеров будут... сложности. И не только потому, что собака, в сущности, дохлая.

Милая зверушка тем временем увлеченно выламывала доски, периодически выглядывая из ящика и осматривая площадку – не разбежались ли люди. Наверное, беспокоилась, что останется без обеда. Умертвия, правда, не едят, но по старой памяти пытаются, предварительно загрызая жертву или разрывая ее в клочья. Отличные клыки, между прочим! Белые, блестящие, совсем не потемневшие от времени! Тварь щелкала ими с опасным воодушевлением и почти преуспела с третьей доской, когда у ворот показалась запыхавшаяся и растрепанная адептка Ревенгар. Переодеться в мантию она еще не успела, поэтому бежала, придерживая подол длинного зеленого платья, толстые рыжие косы, опять разлетевшись, били девчонку по спине, а щеки порозовели.

Умертвие, почуяв хозяйку, захрипело особенно надсадно и громко, а возчики побелели, глядя, как боковая стенка ящика разлетается на куски. Один из обломков долетел до Грегора и упал возле его ног, потому что Грегор отработанным движением вскинул щит. Успел подумать, что надо прикрыть адептку, – на всякий случай...

– Пушок! – крикнула безумная девчонка и широко распахнула руки.

Огромный собачий скелет одним длинным прыжком метнулся с повозки в ее объятия. Не удержавшись на ногах, девчонка села прямо на дорожку, восторженно визжа и делая вид, что отбивается, а бывший невийский волкодав – чем еще это чудище могло быть при жизни?! – барахтался в ее руках, бестолково махал лапами и пытался облизать ее с ног до головы отсутствующим языком, но вместо этого только громко стучал челюстями.

Совершенно безумная картина!

«Пушок, значит, – невольно отступая на шаг, подумал Грегор. – Интересная логика. Если там есть хоть одна шерстинка, то я – иллюзорник! Почему Пушок-то?!»

Возчики, резонно решив, что дальнейшее их не касается, торопливо разворачивали повозку, пытаясь успокоить хрипящую от ужаса лошадь. Трое старшекурсников-целителей, возвращающихся из города, глянули на происходящее и обогнули сцену по широкой дуге, шмыгнув в дверь рядом с воротами. Над липами вдоль дороги истошно надрывались птицы, и Грегор вдруг вспомнил слова Волански на Совете, чуть ли не впервые допустив, что иллюзорники могут делать и настоящие предсказания. Только вот понимание веселого у них сильно отличается от общепринятого!

– Адептка Ревенгар! – окликнул он, намереваясь сообщить, что умертвие в Академии уместно лишь в качестве наглядного пособия, но никак не в общежитии!

И наткнулся на сияющий от счастья взгляд.

– Лорд Бастельеро... то есть, простите, мэтр! Мне же можно оставить Пушка, правда? Он совсем тихий и смирный, честное слово!

«Претемная... – как-то даже беспомощно подумал Грегор, глядя то на девочку, то на разломанный ее тихим и смирным питомцем ящик. – Девочке придется провести здесь двенадцать лет! Вдали от родителей и брата, какими бы они ни были, от всего, что она знает и любит. Она же просто хочет собаку... И видят Семеро, даже от умертвия куда меньше вреда, чем от крыс в Архивах! А каков потенциал, если она не просто анимировала эту псину, но и привязала ее к себе? Конечно, вряд ли кто-то здесь отнесется благосклонно к ожившему скелету... Но это, скажем прямо, их личные сложности».

– Можно, – сухо сказал он вслух. – Только учтите, что за его поведение отвечаете вы. Если ваше умертвие причинит вред кому-то из адептов или преподавателей, спрошу я с вас. Вы меня поняли, Ревенгар?

Совершенно счастливая леди с не менее счастливым умертвием, если про умертвие в принципе можно так сказать, уже двинулись к воротам Академии, и тут на сцене появилось новое действующее лицо – глава Фиолетового факультета собственной персоной. Грегор вздохнул. Ну конечно, возмущение темных энергий при появлении «Пушка» сразу долетело до утонченного чутья опытного магистра. «Нехорошо получилось, – с некоторым смущением подумал Грегор. – Слишком привык, что имею право любое дело решить по собственному усмотрению, потому что король – далеко, а никого другого, смеющего мне указывать, нет. Но если Эддерли отменит разрешение, которое я уже дал...»

Приветливо кивнув Грегору, Эддерли с интересом, подозрительно напоминающим восторг, воззрился на дивную парочку. Адептка Ревенгар немедленно вспомнила о манерах, потупила глазки и сделала реверанс. Умертвие же, проявив незаурядный для подобного существа разум, попыталось спрятаться за хозяйку и сделаться как можно незаметнее. С тем же успехом матерый кабан мог попытаться укрыться за березкой, но попытку Грегор оценил. И магистр некромантов – тоже.

– Хм... – сказал Эддерли. – Однако! Не изволите ли объяснить, мой дорогой Грегор, что здесь происходит? По возможности я хотел бы получить сразу две версии. Одну – настоящую, а вторую – чтобы успокоить глубокоуважаемый Совет.

Глаза Айлин, сообразившей, что у нее все-таки могут отобрать игрушку, снова стремительно наполнились слезами. Впрочем, девочка благоразумно промолчала, только переводила с Грегора на Эддерли и обратно умоляющий взгляд.

– Если позволите, магистр, я ограничусь одной версией, – с каменным лицом сказал

Грегор. – Всеобъемлющей. Адептка Ревенгар проводит эксперимент. Как видите, созданное ею умертвие обладает рядом уникальных качеств.

– Вы имеете в виду, – понимающе подхватил Эддерли, – что оно еще никого не загрызло, и есть надежда, что не сделает этого впредь?

Девочка открыла рот, наверное, хотела пуститься в уверения, что «Пушок» – милейшее и безобидное создание, но Грегор посмотрел на нее предостерегающе, а затем снова обратился к иронично улыбающемуся Эддерли.

– Судя по тому, что я видел, – сообщил он тем же убедительным тоном, каким обычно докладывал Малкольму, почему месьоры оказались там, где их никто не ожидал, – данный объект действительно не агрессивен. Он признает хозяйку, не бросается на окружающих и в целом ведет себя как...

– Обычная собака? – подсказал Эддерли.

Грегор с некоторым облегчением кивнул.

– Скажите, юная леди, – обратился магистр к Айлин. – А вы могли бы сотворить подобное с животным поменьше?

Грегор с отстраненным интересом задумался: хватит ли у девчонки ума понять, о чем ее спрашивают? Если сейчас она скажет, что может создать маленькое умертвие, Эддерли наверняка упокоит столь хлопотную тварь неудобных размеров. И, возможно, всем от этого будет только лучше... Если не думать, как он сам и его слово отныне станут выглядеть в глазах девочки.

– Нет, милорд магистр, – замотала головой девчонка и смущенно добавила: – Я не знаю, как он получился таким. Я... нечаянно его сделала. Но он действительно меня слушается и никого не обижает. За кошками только гоняется.

– Ну что ж, – сожалеюще заметил Эддерли. – Тогда, полагаю, мы должны дать вам возможность понаблюдать за этим... экземпляром. Мэтр Бастельеро, под вашу ответственность!

«Кто бы сомневался! – подумал Грегор. – Но слава Претемной, что обошлось».

– Совету я скажу, – задумчиво продолжил Эддерли – что имеет место эксперимент по взаимодействию некросозданий и живых существ в естественной среде. Нужно только предупредить магистра Кристофа, пусть проведет разъяснительную беседу с Красным факультетом, иначе взаимодействие окажется... хм... ярким, но коротким.

Умертвие, внимательно слушавшее магистра, – как будто могло что-то понять! – просунуло голову под руку девчонки, прижавшись к ней, словно настоящий живой пес. Выглядело это страшно, однако странно умиротворяюще. Мэтр Эддерли одарил их рассеянной улыбкой и снова посмотрел на Грегора.

– К слову, дорогой мэтр Бастельеро! Вам что, не успели пошить мантию?

– У меня практический курс, – начал Грегор, осторожно подбирая слова. – Как вы, должно быть, помните, работать на кладбище в мантии весьма... э... неудобно.

– Скажите прямо – вы в ней путаетесь! – фыркнул Эддерли.

– Нет! – возмутился Грегор. – Просто я слишком привык к мундиру. Я, в конце концов, все еще офицер Его величества!

Эддерли безнадежно махнул рукой.

– Что ж, полагаю, это я смогу объяснить нашим ревнителям традиций, – согласился он. – И будьте любезны перед занятиями зайти к моему секретарю за сегодняшним расписанием. А после занятий я вас жду для обсуждения учебных планов.

И мстительно улыбнулся.

* * *

Через пять минут общения с секретарем Грегор пожалел, что согласился на уговоры Архимага. Через четверть часа уверился, что стратегию сражения придумать было куда легче, чем разобраться во всех этих учебных планах, методиках преподавания и прочем, не иначе как изобретенном лично Барготом, бессмысленном бумагомарательстве.

Еще через полчаса задумался, не легче ли будет все-таки выбрать всего одну жену, а не дюжину адептов для факультатива!

«Чушь какая! – тут же одернул он себя. – Адепты – это, по крайней мере, временно! А бумаги... Баргот с ними, разберусь! Если уж это удастся Уинн...»

– Вот что, – прервал он секретаря, как раз начавшего вдохновенно вещать о необходимости и важности ежедневных планов занятий. Уже по второму кругу, между прочим, и без малейшей конкретики. – Покажите мне список адептов моего курса, образец плана занятия, коль скоро он так необходим, и, ради Претемной, помолчите хотя бы пять минут!

Список адептов Грегор Эддерли пытался вручить ему еще вчера, и Грегор его даже читал, но беспокойная ночь и столь же беспокойное утро начисто стерли из его памяти все двенадцать имен. За исключением разве что адепки Ревенгар. Грегор всерьез подозревал, что если он и попытается о ней забыть, безумная девчонка найдет, как о себе напомнить! Один только ее «Пушок» чего стоит!

Секретарь оскорбленно замолчал и положил перед ним два мелко исписанных листа с вежливостью, подчеркивающей глубину его обиды лучше любых слов. Даже жаль, что до

обид секретаря Грегору было куда меньше дела, чем до списка поступивших в его распоряжение adeptов!

Первым в перечне значился Саймон Эддерли, adept пятого курса и староста факультета. Если верить записям, талантливый и старательный юноша полных шестнадцати лет, закончивший с отличием предыдущие четыре курса. Не верить оснований у Грегора не было: Эддерли – старый род с такой же старой магией, некромантия у них в крови. Кроме того, когда твой учитель поручает тебе собственного сына, это... пожалуй, льстит. За юным Эддерли в списке шли adept Донелли – третий курс, выраженная склонность к проклятиям, adept Морстен – пятый курс, прекрасный резерв и личная рекомендация мэтра Денвера, adept Аранвен – шестой... Аранвен? Сын канцлера Ангуса Аранвена или какая-то боковая ветвь? Этот вопрос он задал секретарю и получил сухое учтивое подтверждение, что adept Дарра Аранвен в самом деле является наследником рода Аранвенов. Что ж, сразу двое юношей из Трех Дюжин – это прекрасно! Судя по характеристикам, Эддерли помог выбрать действительно лучших.

Одиннадцать имен в списке были мужскими. Двенадцатой значилась adeptка Ревенгар, первый курс. Единственная девица. И самая младшая.

– ...Ревенгар? – раздался за дверью взбудораженный мальчишеский голос.

Грегор отодвинул список, прикрыл глаза и с силой потер невесть с чего заломившие виски. А ведь он еще не приступил к работе – но свою головную боль уже знает по имени совершенно точно! Что эта девчонка еще натворила?

И почему, интересно, adeptы позволяют себе орать под дверью секретаря?

– Ну да, – подтвердил за дверью второй голос, чрезвычайно довольный и уверенный. – Во-от такенный скелет! Зубищи – во! Хочешь, спроси сам, она сейчас у целителей...

«Умертвие! Надо было его все-таки упокоить... – мелькнула бессвязная мысль, тут же сменившаяся кристально-ясной: – Узнаю, что с Ревенгар, и упокою!»

– Мэтр Бастельеро? – удивленно окликнул секретарь. – Куда вы? Мы ведь не обсудили планы занятий!

– Потом! – бросил Грегор.

До планов ли тут, когда прямо у него под носом умертвие напало на adeptку! Да магистр Эддерли его самого упокоит! Убьет, поднимет и упокоит – и будет, пожалуй, прав! Стоявшие под дверью юнцы, лет тринадцати-пятнадцати, не старше, шархнулись в стороны, пропуская Грегора. Молодцы, правильно понимают, что не надо заслонять дорогу преподавателю, особенно, если он так явно куда-то спешит!

* * *

– Adeptка Ревенгар, – выдохнул он, распахнув дверь мэтра Бреннана. – Жива?

Мэтр Бреннан, мирно сидевший за столом с чашкой пахнущего на всю комнату приправами шамьета, поперхнулся.

– Дорогой Грегор, – хрипло проговорил он, поспешно поставив чашку на стол и откашлявшись. – Что за странные идеи возникают у вас с утра пораньше? Доброе утро, к слову. Присаживайтесь. Не желаете ли шамьета?

– Доброе утро, мэтр, – машинально ответил Грегор, заметив вдруг, что пожилой целитель выглядит подозрительно безмятежным. – Мне сказали, что adeptка Ревенгар у вас...

– И вы подумали, что она вязалась в дуэль с тремя боевиками, – понимающе кивнул мэтр Бреннан, как-то сразу успокоившись. – Как вы в свое время. Или, тоже как вы, сорвалась с карниза при попытке забраться на крышу Академии? Ну-ну, не сверкайте глазами, я же не рассказываю о ваших юношеских подвигах нынешним adeptам. Да и не я один их помню – это на случай, если вы вдруг решите, что мертвые не болтают, – он ехидно улыбнулся, и Грегор не смог не улыбнуться в ответ, а Бреннан продолжил уже серьезнее. – Нет, дорогой мой. Вы, вероятно, забыли, но вчера у магистра Морхальта случился удар, и юная леди сочла нужным навестить деда.

– Сочла нужным... что? – переспросил Грегор, чувствуя себя... прямо скажем, болваном. Надо же было решить, что умертвие напало на хозяйку! Да скорее ненормальная девчонка нападет на бедное умертвие!

– Навестить деда, – повторил мэтр Бреннан спокойно. – Так, знаете ли, принято. Навещать заболевших родственников. Или коллег. Некоторые, не поверите, даже просто знакомых навещают или присылают справиться об их здоровье.

«Только лекций об этикете мне не хватало!»

– Понимаю, – процедил Грегор. – Что ж, простите за беспокойство. Кстати, как себя чувствует магистр Морхальт?

Мэтр Бреннан нахмурился.

– Трудно сказать... Кажется, удар отнял у магистра ноги. Подозреваю, что и память: он не узнает коллег, заговаривается... Магистр Роверстан утверждает, впрочем, что прогноз благоприятен.

– Магистр Роверстан? – переспросил Грегор, поднялся с кресла и подошел к окну. – Прошу прощения, я как-то упустил момент, когда он сменил цвет искры с белого на зеленый...

Мэтр Бреннан фыркнул, снова взяв чашку, и сообщил:

– Видите ли, дорогой мой Грегор, апоплексический удар, поражая мозг, непременно оказывает влияние на разум. А это, как вам известно, специализация Белого факультета. – И, посерьезнев, добавил: – Дункан – выдающийся маг, лучший разумник в своем поколении. Он очень нам помог! Притом, вы, наверное, не знаете, но они с магистром Морхальтом были довольно близки, Дункан долгие годы изучал медицину под руководством магистра, часто бывал у него дома и прекрасно знает...

Грегор скривился и отвернулся к окну. Слушать шум лип на ветру и вопли птиц было куда приятнее, чем похвалы Роверстану, который, оказывается, просидел у постели бывшего наставника всю ночь. Ну и что? Значит, увидел в этом какую-то для себя пользу, потому что в искреннее почтение и благодарность между этими двумя не верилось. Глупость это – доверять разумнику! Вспомнилось наведенное дружелюбие в зале Совета, Грегор поморщился, обещая себе непременно найти хороший амулет от ментального воздействия...

...И едва не зашипел! Упомянутый магистр нагло торчал едва ли не у самого окна! И не один: совсем рядом, просто непозволительно близко, виновато смотрела в землю адептка Ревенгар, а Роверстан, старательно изображая то ли сочувствие, то ли снисходительность, поглаживал ее по плечу. Девчонка же кусала губы и явно не знала, как отделаться от мерзавца!

Глава 6. Наглядное пособие леди Ревенгар

До начала занятий оставалось целых два часа... или всего два? Ой, наверное, все-таки «всего два» – слишком много нужно было успеть.

Во-первых, устроить Пушка, который успокоился, перестал сверкать глазами – из красных они стали приятного синего цвета – и снова вел себя как приличная собака, пусть и не обычного собачьего вида. Ну и что? Зато он ласковый и умный! К тому же совсем не капризный и может жить под кроватью! «А гулять с ним я буду после ужина, когда адепты разойдутся по комнатам, так он точно никого не напугает!» – решила Айлин.

Во-вторых, следовало получить форму. Спасибо юному лорду, то есть, разумеется, адепту Эддерли, который прямо на листе с расписанием указал, где это можно сделать. Хорошо, что у некромантов такой замечательный староста – учтивый, заботливый... Айлин вспомнила смуглое лицо, светлые волосы, убранные в простой хвост, веселый и чуть насмешливый взгляд. Жаль, что адепт Эддерли никогда не бывал у них дома. Хотя... если бы и бывал, что ему было бы за дело до Айлин? Эддерли – совсем взрослый юноша, а она... Нет, ничего такого она не думает, разумеется, но если бы у нее появился такой славный друг или подруга! Наверное, было бы не так тоскливо вспоминать о доме.

Она вздохнула, погладила Пушка, скользя ладонью по колючему костяному хребту, пес извернулся, ткнулся мордой ей в руку и тихонько зашипел. Лаять Пушку было нечем, он и эти-то странные звуки умудрялся издавать неизвестно каким образом, но Айлин уже привыкла и не променяла бы Пушка ни на одну собаку, пусть и самую лучшую в мире. Ну вот, а в-третьих, совершенно необходимо навестить милорда Морхальта! Честно говоря, это стоило сделать в первую очередь, но не идти же к целителям с Пушком, вдруг его кто-нибудь напугает, и что он тогда может натворить? Айлин понятия не имела и очень не хотела это узнать!

Или сначала получить форму? Да, наверное, именно так... Получить форму, переодеться и заодно оставить Пушка в комнате... Отлично! Где там склад?

* * *

Склад оказался в подвале общежития. Подвалы Айлин не любила, хотя подвалы Ревенгаров, конечно, обследовала еще в детстве, и те, что располагались в столичном особняке, и те, что в поместье. Выглядели они совершенно одинаково и очень скучно: узкие коридоры, серые стены, сложенные из крупного камня, и такой же пол, тусклый желтый свет масляных ламп, скорее подчеркивающий темноту, чем отгоняющий ее, и тяжелый, какой-то промозглый воздух. И запах сырой пыли...

Подвал Академии оказался совершенно другим! Спустившись в него, Айлин восторженно завертела головой, рассматривая местные чудеса. Под высоким сводчатым потолком ярко горели белые и желтые стеклянные шары, наверняка магические! И воздух здесь был совсем не спертый, а очень даже свежим. Наверняка в стенах спрятаны эти... ну как их? Ах да, вентиляционные колодцы! И сами стены – аккуратно выбеленные, чистенькие, а на первой же развилке Айлин увидела закрепленные таблички-указатели! Стрелка влево – «прачечная». Вправо – «склад» и «швейная». Надо же, как здорово придумано!

Пушка указатели тоже заинтересовали, он подбежал к тому, что справа, принохался, фыркнул и зачем-то задрал лапу на стену.

Ох... Зачем-то! Вот же невоспитанное существо!

– Пушок! Нельзя!

Пушок оглянулся и моргнул, тоже по-своему: спокойное синее свечение его глаз на секунду погасло и снова загорелось с явным недоумением, как показалось Айлин.

– Лапу можно задрать на улице, – сказала Айлин как можно строже, вспомнив, как говорил с собаками псарь в поместье. – В помещении – нельзя. Неприлично. Понятно?

Пушок обиженно опустил морду, поджал хвост и подошел к Айлин, всем видом выражая понимание и раскаяние. Действительно, сделать он ничего такого в силу своей природы не мог, но очень хотел – просто по старой памяти. Айлин потрепала его по шее.

– Хороший пес!

Пушок радостно вскрикнул и прихватил ее руку пастью.

– Потом поиграем, – пообещала Айлин. – Сначала дело. Нам направо!

Склад прятался за первой же дверью по коридору. Открыв ее, Айлин оказалась в небольшой комнате, снова очень светлой, хоть и без единого окна. Вдоль стен зачем-то стояли длинные скамьи, а в центре комнаты – массивный письменный стол, покрытый затейливой резьбой. На столе Айлин заметила толстенную книгу, очень похожую на ту, которую вел управляющий в их поместье. Но управляющий записывал доходы и расходы, а что записывают здесь?

Она перевела взгляд на сидящую за столом пожилую даму в коричневой мантии без всякой отделки и торопливо сделала реверанс. Опять выставила себя совершенно невоспитанной особой – засмотрелась по сторонам и забыла о манерах! А еще соседку упрекала...

– Доброе утро, миледи! Адептка Ревенгар, Фиолетовый факультет.

Строгое лицо дамы чуть смягчилось.

– Доброе утро, милая. Приятно видеть, что юная девица не забывает о манерах. Ваша форма здесь.

Дама, совершенно проигнорировав Пушка, открыла ящик стола и извлекла из него объемный сверток, перевязанный хитро скрученным фиолетово-красным шнуром.

– Две длинных мантии, – перечислила она ровным голосом. – Две пары обуви соответственно времени года, зимнюю получите позже вместе со всеми. Короткая туника и штаны для практических занятий. Нижние сорочки и панталоны – четыре штуки. Вещи сдаются в прачечную дважды в неделю. Новая форма выдается раз в полгода. Раньше – в случае крайней необходимости. Если потребуются подогнать что-то по росту, отправляйтесь к швеям, это следующая дверь по коридору. До встречи, адептка Ревенгар.

– Благодарю вас, – пролепетала Айлин, снова сделала реверанс, попятилась к двери и почти выпала в коридор, едва успев прихватить с собой Пушка.

Туника и штаны? Ей придется носить штаны?! Что скажет матушка, если узнает! А отец? А что подумают о ней соученики? Или здесь так принято? Айлин честно попыталась вспомнить, видела ли в коридоре хоть одну девочку в штанах, и не смогла. Практические

занятия? Какие они могут быть у некромантов? Неужели придется ходить... на кладбище? Но даже в этом случае, чтобы леди – и штаны... ох, как же странно!

Пушок озадаченно посмотрел на нее и пихнул в сторону выхода. Умный пес. Правильно, о местных странностях можно подумать потом, а пока – переодеться и к целителям.

* * *

В комнате Иоланда укладывала волосы. На столике громоздились стеклянные флаконы и флакончики, глиняные баночки, две щетки, гребень, куча шпилек с разноцветными головками, ленты и даже искусственные цветы. Как и вчера пахло выпрямителем для волос, причем так сильно, что щипало в глазах.

Вот интересно, зачем ей столько всего? Ах да, ведь вчера кто-то говорил, что у них первая лекция с разумниками! Вот странно-то! Неужели магистру Роверстану нравятся пучки ярко-розовых шелковых цветочков, растущих над головами адептов, словно на клумбах? Хотя какая разница, что нравится магистру? Он старый, как эти глупые девицы вообще могут о нем вздыхать?! Еще и борода... Ладно бы только усы, папенька их тоже носит, и это красиво, но борода сейчас совершенно не в моде! Тетушки рассказывали, что их величество бреет лицо начисто, и большинство дворян ему в этом подражает. Наверное, в Академии совсем другие порядки?

Сзади процокали по полу когти – Пушок осматривался.

Иоланда бросила на Айлин опасливый и снова брезгливый взгляд... и вдруг вскочила на кровать. Вытаращила глаза и пронзительно, во весь голос завизжала, тыкая пальцем в сторону Айлин.

«Чего это она?» – озадаченно подумала Айлин. Пушок сердито запыхтел – он не любил громких звуков.

– Это!!! – наконец удалось разобрать в потоке воплей. – Это чудовище!!! Убери отсюда немедленно, слышишь?!!!

«Сама ты чудовище, – обиделась Айлин. – И вопишь, как банши! Да Пушок еще ни разу и зубом никого не тронул!»

– Это Пушок, – старательно и очень спокойно сказала она вслух. – Моя магическая работа. Он тебя не тронет. И будет жить здесь.

Полубовавшись на стремительно багровеющее лицо соседки, хватающей воздух ртом, Айлин почувствовала себя сполна отомщенной за вчерашнее. Матушка всегда говорила, что злорадство – недостойное леди чувство. А тетушка Элоиза, улыбаясь, уточняла: «Зато какое приятное!» Мысленно согласившись с ней, Айлин небрежно добавила:

– Мэтр Бастельеро разрешил. И магистр Эддерли – тоже. Пушок! Твое место – вот, под моей кроватью. Сторожи ее и тумбочку, там мои вещи. Понятно?

Пушок, вильнув хвостом, скользнул под кровать и заворочался там, щелкая и постукивая костями. А Айлин, решив больше не обращать на Иоланду внимания, плюхнулась поверх покрывала и принялась распаковывать сверток.

Мантия оказалась не серой, как у соседки, а почему-то черной. И отделка выглядела... странно. Цвет некромантов – фиолетовый, это известно любому несмышленьшу. И у Саймона, и у других встреченных ею адептов этого факультета воротники и манжеты мантий были однотонными, красивого фиалкового оттенка. Но для Айлин фиолетовые воротник и манжеты дополнительно отделали ярким алым шнуром. Пояс, лежавший в свертке поверх мантии, тоже был двухцветным, фиолетово-алым, плетеным из шнура в четыре косы. Очень броско, пожалуй, даже эффектно, но и странно! Может быть, это потому, что она должна заниматься и с некромантами, и с боевиками?

Айлин разворошила сверток полностью, покраснела при виде штанов, но убедилась, что и вторая мантия, и туника отделаны совершенно одинаково. Хорошо, что хотя бы сорочки просто белые! Кроме всего прочего, под сорочками нашелся платок. Не носовой, а большой, такой, что, наверное, можно было бы завязать вместо шарфа. И действительно в фиолетово-красную клетку! Интересно, зачем он? Вот бы спросить. Но не Иоланду – это точно! Может, Саймон знает? Или мэтр Бреннан?

Иоланда наблюдала со своей кровати. Смотрела пристально и неприязненно, кривила губы и раздувала ноздри, ну прямо как ярящаяся лошадь. Не нужно быть предсказателем, чтобы понять: если у нее будет возможность сделать Айлин что-то плохое – обязательно сделает.

Айлин вздохнула, свернула запасную мантию, тунику, сорочки и платок. Сунула в тумбочку и велела:

– Пушок, сторожить!

И принялась стягивать платье. Интересно, как на ней будет сидеть мантия?

* * *

Она сама не знала, чего ей хочется больше: чтобы ее пустили к милорду Морхальту, или чтобы не пустили. С одной стороны, не навестить родного деда – это недостойно! С другой – ведь она совсем его не знает! Даже не знает, как к нему обращаться! «Согласно этикету! – решила она. – Матушка говорит, что если не знаешь, как себя вести, веди как полагается».

И все-таки – пустят ее или нет? Кстати, куда? Может быть, милорда Морхальта увезли к нему домой? Наверное, мэтр Бреннан знает. Вот его и следует искать! Только где?

У кого бы спросить? Айлин завертела головой, надеясь найти в пустом коридоре общежития хоть кого-нибудь. И почти тут же увидела, как из-за поворота вынырнула знакомая фигура в темной мантии. Отлично!

– Доброе утро, адепт Эддерли! – вежливо поздоровалась она, успела сделать реверанс и удивленно ойкнула, когда староста факультета в три шага оказался рядом с ней, обхватил за плечи и повертел в разные стороны.

– Доброе утро, Ревенгар! Отлично выглядишь! – радостно сообщил он. – Это правда, что тебе из дома прислали умертвие и оно сожрало дежурного? И что теперь ты собираешься натравить его на боевиков? О, прости, то есть исследовать их взаимодействие?

– Нет! – возмутилась Айлин. – Ну... Пушка и правда привезли, но он вовсе никого не ел! Он вообще никого не обижает!

Эддерли скептически хмыкнул, но улыбаться не перестал.

– Красные умрут от зависти, – мечтательно сообщил он. – Ну ладно, а куда ты идешь? До занятий еще час! А завтрак подают только после второго урока.

– Мне нужно найти мэтра Бреннана, – заторопилась Айлин. – Не знаешь ли ты, где он может быть?

– Конечно, знаю! – Саймон одобрительно улыбнулся. – Это правильно, что ты ко мне обращаешься, я тут знаю все. Прямо отсюда сворачиваешь направо, спускаешься по лестнице на четыре пролета, потом – налево и прямо до еще одной лестницы. Там спускаешься еще на два – и вот оно, больничное крыло. Туда можно и из парка попасть, но отсюда быстрее. А кабинет мэтра Бреннана – пятая дверь с правой стороны. – И, бросив на нее быстрый взгляд, уточнил: – Может, тебя проводить?

Айлин замялась. С одной стороны, ей хотелось, чтобы проводили. С другой же... Саймон ведь явно куда-то шел! Невежливо отвлекать соученика, мало ли, какие у него планы? Леди не должна быть навязчивой!

– Пожалуй, не стоит. Благодарю за помощь!

Она снова присела в реверансе, а Саймон разочарованно вздохнул:

– Ну, как хочешь. Тогда увидимся на первой лекции. Удачи!

«И еще раз благодарю, – подумала Айлин, сворачивая за угол. – Удача мне наверняка понадобится!»

К собственному удивлению, больничное крыло она нашла легко. Наверняка благодаря подробному объяснению Саймона! Через несколько минут Айлин уже стучала в пятую дверь с правой стороны, предусмотрительно выкрашенную в зеленый – цвет Милосердной Сестры и ее служителей.

Дверь открылась, и усталый, взъерошенный, в помятой мантии – будто в ней и спал, или со вчера не ложился – мэтр Бреннан улыбнулся Айлин.

– Доброе утро, дитя мое, – сказал он мягко. – Что привело вас ко мне?

Айлин стало стыдно. Что, если она разбудила целителя? Вдруг он действительно не спал всю ночь? Но теперь просто развернуться и уйти – это было бы слишком неприлично! Мало того, что потревожила, так еще и напрасно!

Она поспешно сделала реверанс.

– Доброе утро, мэтр Бреннан, простите, что побеспокоила вас, – выпалила она, от неловкости глядя не на целителя, а в пол. – Я хотела бы навестить милорда Морхальта, если это возможно...

– Вашего деда... – протянул мэтр Бреннан таким странным голосом, что Айлин, забыв про смущение, взглянула на него.

Целитель вздохнул.

– Вы, конечно, можете навестить милорда магистра, – сказал он, как показалось Айлин, нехотя. – Но, юная леди, будьте готовы к тому, что он вас не узнает. Или не сможет с вами говорить. Или не захочет...

Айлин закивала. Разумеется, она ведь не маленькая, она хорошо понимает, что милорд Морхальт болен! И что он может не хотеть никого видеть – тоже!

Мэтр Бреннан вздохнул еще раз.

– Хорошо, дитя мое. Идемте.

Айлин на минуту показалось, что это уже было. Вот только вчера мэтр Бреннан так же шел рядом с ней по длинному коридору, только тот, вчерашний, не был выкрашен в нежный зеленый цвет, и там не пахло легкой травяной горечью. И милорд Морхальт вчера был еще здоров...

Мэтр Бреннан остановился у одной из дверей, ободряюще улыбнулся Айлин и кивнул.

– Входите, дитя мое. Надеюсь, ваш визит взбодрит магистра.

Комната за дверью – палата, вспомнила Айлин, это называется палата! – оказалась просторной. И светлой не от магических светильников, а от солнца, любопытно заглядывающего в высокое окно.

За окном шелестели липы и отчаянно заливались птицы, а в палате, как и в коридоре, свежо и горько пахло травами. И грозой.

Айлин смущенно замерла у порога – милорд Морхальт был не один. Опираясь на подушки, он полусидел в постели, укрытый по грудь одеялом, его взгляд блуждал по палате, а спиной к двери на стуле возле самой кровати сидел высокий черноволосый мужчина в белой мантии. Совсем такой же белой мантии, как та, что пострадала вчера на Совете! О, Претемная... может, это другой разумник? Благие Семеро, пожалуйста, пусть это будет кто-нибудь другой!

– Амелия... – негромко сказал разумник, немного наклонившись к больному. – Брайд...

Элоиза... Элоиза? – повторил он словно неуверенно и тут же продолжил: – Мэйв...

Гвенивер...

«Да это же имена матушки и тетушек, – поняла Айлин. – Но... зачем? Зачем он их называет?»

– Экс-с-с... – прошипел еле слышно больной. – Не... не...

– Мэйв? Гвенивер? – очень мягко и с едва уловимой вопросительной интонацией продолжал человек в белом. – Ирэн... Колетта... Родрик... – перешел он к именам кузенов и кузин Айлин. – Артур...

Айлин даже попятилась, уперлась лопатками в дверь, и в тот же момент взгляд милорда Морхальта остановился на ней.

Айлин сглотнула. Мутно-зеленые, как стоячая вода в пруду, глаза больного показались ей абсолютно бессмысленными. Он моргнул и медленно, как-то неумело улыбнулся ей.

– А... Гвен...

В голосе тоже не было ничего от вчерашнего шипения. Чистый голос, ясный, только очень слабый. Но почему «Гвен»? Неужели ее приняли за матушку?

Мужчина в белом обернулся, и Айлин замерла от ужаса – это все-таки был магистр Роверстан. Ой...

Магистр улыбнулся. Вовсе не зловеще, а просто приветливо и тепло, отчего тут же стало еще страшнее, и шутка тетушки Элоизы про злопамятность показалась не такой уж и смешной.

– Доброе утро, милая леди. Вы пришли навестить деда? – голос у него тоже был мягким и теплым.

В точности, как вчера, как будто она и не устроила такого... такого...

Айлин сглотнула и кивнула. Магистр легко поднялся и подошел к ней.

– Я рад, – сказал он негромко и очень серьезно. – Надеюсь, это ему поможет. Навещайте его, леди. Говорите с ним. Это очень важно, поверьте, когда кто-то навещает тебя в лазарете.

– Я... непременно...

– Я рад, – повторил магистр. – Не буду вас смущать. Проходите, поговорите с дедом. Прошу вас!

Он кивнул на стул, с которого только что поднялся сам, и Айлин пошла к кровати. На подгибающихся ногах, под совершенно бессмысленным взглядом старика – назвать его дедом ей сейчас не удавалось даже в мыслях.

– Гвен, – повторил милорд Морхальт и схватил ее за руку.

Ладонь у него была холодная, шершавая и неприятно сухая, губы шевелились, как будто он говорил что-то еще, чего она не слышит, а глаза слезились. У Айлин сжалось сердце, а еще очень захотелось вырвать руку и убежать куда-нибудь подальше.

Зачем она вообще сюда пришла!

– Бросили меня, – пожаловался милорд Морхальт странно-плаксивым голосом. – Все бросили, разъехались. Домой не показывается... Ты не Гвен? Я вижу, я все вижу! Не Гвен! – Он скрипуче захихикал и погрозил Айлин пальцем. – Кто ты?

– Я Айлин, – шепнула она, обмирая от тягостной жути. – Гвенивер – моя матушка...

Старик мелко-мелко закивал, из уголка перекошенного рта у него вытекла капля слюны.

– Внучка! Получается, внучка... А ты – маг? Я вижу! Хорошая девочка. Гвен тоже хорошая девочка, только забыла меня совсем, домой не едет... а ты приедешь? Ты приезжай. Не бросай меня. Все бросили, ты не бросай...

– Я...

– Спать хочу, – доверчиво признался милорд Морхальт. – Ты иди, Гвен. Я спать буду. Проснись, а ты здесь.

Он закрыл глаза и наконец разжал пальцы. Айлин попятилась к двери, стараясь ступать как можно тише, и налетела спиной на что-то – или кого-то? – и чуть не закричала, но чья-то твердая теплая ладонь прикрыла ей рот.

А вторая рука сжала плечо, развернула так, что Айлин почти уткнулась лицом в белую мантию.

– Тихо, тихо, девочка, не плачьте, – шепнули ей. – Пойдемте-ка. Пойдемте отсюда.

Магистр толкнул дверь и вывел Айлин из палаты. И тут же отступил, склонив голову.

– Прошу прощения, юная леди... адептка Ревенгар. Я должен был подумать, что вы никогда не видели последствий апоплексического удара.

«Воспитанная леди должна заверить, что все в порядке, – подумала Айлин. – Воспитанная леди должна принять извинения и... о Претемная, воспитанная леди не оказалась бы здесь!»

– Милорд... – начала она, удивилась тому, как тонко и сдавленно звучит ее голос, кашлянула и торопливо поправилась, вовремя вспомнив, что Роверстан не простой преподаватель: – Милорд магистр, дедушка... теперь так будет всегда?

Глава разумников посмотрел сочувственно.

– Я не знаю, милое дитя... простите, адептка Ревенгар. Вероятнее всего, милорда Морхальта удастся вылечить, но полностью ли?

Он качнул головой, и светлый камушек в золотой серьге, украшающей правое ухо магистра, весело блеснул на солнце.

– Пойдемте, не будем стоять у двери. Ваш дед нуждается в долгом отдыхе.

– Он принял меня за матушку, – сказала Айлин, следуя за магистром.

Почему-то он вел ее не туда, откуда она пришла, а в дальний конец крыла. Очень хотелось спросить, куда же они идут, но язык не поворачивался – вдруг магистр сочтет это неучтивостью?

Роверстан, не останавливаясь, кивнул.

– Я часто видел вашу почтенную матушку до ее замужества с вашим отцом. Само очарование... Вы очень на нее похожи, неудивительно, что милорд Морхальт вас спутал. Когда вы пришли, я как раз напоминал ему имена его дочерей и внуков, чтобы определить, как далеко зашло поражение мозга. Увы... Такой светлый разум – как жаль!

Он толкнул тяжелую дверь, самую последнюю в крыле, и в глаза Айлин брызнуло солнце. Вот он, оказывается, выход в парк, о котором говорил Эддерли! Но зачем магистр повел ее сюда? И нет, конечно, Айлин не думает ничего такого... то есть совсем-совсем не думает, но почему-то ей вдруг захотелось, чтобы рядом был Пушок. Ну просто... ему бы здесь понравилось, наверное? А самой Айлин было бы чуточку спокойнее. Нет, конечно, она не

боится! Просто... наедине с мужчиной... неприлично же... Или к преподавателям это правило этикета не относится? Но тогда непонятно, зачем ей собака, ведь бояться здесь нечего, а Пушок не гувернантка и не компаньонка. Ох, что-то она совсем запуталась!

– У вас скоро начнутся занятия, – улыбнулся Роверстан. Но ведь Айлин не спросила вслух? Или он читает мысли? – А вы взволнованы и напуганы. Вам просто необходимо хорошенько подышать. Да и мне тоже, – добавил он.

Айлин стало стыдно. Магистр, наверное, жутко устал, пока лечил ее дедушку, а она... дура!

– Простите, милорд магистр, – выдавила она, опустив голову. – Ваша мантия... вчера... я не хотела, честное слово, оно как-то само...

– Мантия?.. – переспросил Роверстан и... рассмеялся. Вовсе не обидно, негромко и очень заразительно. – Ради Странника, милая леди, я вовсе не сержусь! Скажу честно, несколько пятен на мантии – сущая безделица в сравнении с тем, что вы нам показали. Вот только... – Он наклонился к Айлин и понизил голос почти до заговорщицкого шепота: – Позвольте спросить, чем вас смутило или напугало мое маленькое безобидное волшебство? Я ведь пытался всего лишь успокоить и подбодрить вас.

Айлин прикусила губу. Говорить не хотелось, но магистр Роверстан смотрел с таким искренним интересом! И, кажется, действительно не злился. То есть совершенно точно не злился, раз поклялся Странником! Всем известно, что Странник следит за теми, кто призывает его в свидетели, и, нарушив эту клятву, можно на всю жизнь потерять удачу.

– А... я боюсь змей, – призналась она, снова уставившись в землю.

Магистр закашлялся.

– Змей?

Айлин виновато кивнула.

– Вчера, перед тем как стакан взорвался, я увидела змею... извините, милорд. Змея была огромной, белой, жуткой и совершенно отвратительной, особенно когда поднялась на хвосте, став почти ростом с Айлин, раздула капюшон и оскалилась. Айлин и ударила, не ждая же, когда она бросится? И выставила себя на посмешище. И магистра Роверстана – тоже.

– О... – задумчиво прищурился разумник. – Как любопытно... Позвольте?

Айлин недоуменно взглянула на магистра, удивляясь, что именно она должна позволить? Разумник же пристально вгляделся в ее глаза.

– Как любопытно, – повторил он через мгновение. – Змеи – символ нашего факультета, но обычно вместо них видят искры или туман... Впервые вижу, чтобы магию разума воспринимали именно таким образом.

– Магию разума? – растерялась Айлин, и магистр кивнул.

– Весьма... неудобное восприятие. Но не расстраивайтесь, милое дитя, юной девице бояться змей вовсе не постыдно.

И он ободряюще погладил ее по плечу, чуть задержав на нем ладонь.

Айлин смутилась: у них дома такое было не принято. Перед тетушками и другими гостями следовало присесть в реверансе, отцу и матушке – поцеловать руку, и иногда, когда отец был в хорошем настроении, он в ответ целовал их с Артуром в лоб. Матушкины поцелуи доставались только Артуру, и Айлин давно не обижалась на это, она ведь и правда не заслуживала их своим поведением.

Разве что тетушка Элоиза всегда вела себя как вздумается и каждый раз при встрече обнимала Айлин, целовала в щеки, а иногда даже сама заплетала ей волосы. Но то – тетушка Элоиза, а магистр... это же совершенно другое дело! Это... это... неправильно это!

– Уважаемый коллега, будьте любезны убрать руку, – лязгнуло откуда-то из-за спины. – Вы же видите, что юной леди неловко.

Айлин обдало жаром. Мэтр Бастельеро! Это же точно он, его голос! И, кажется, не на шутку разгневан. Наверное, на нее? Ох, вот потому матушка и сердилась на нее постоянно: леди ни в коем случае не должна попадать в неловкое положение! Неважно, что она этого не хотела, в любом нарушении этикета всегда виновата она, если позволила мужчине допустить хотя бы мысль, что с ней можно так себя вести!

Айлин поспешно отступила в сторону, искоса взглянув на мэтра Бастельеро. Тот стоял в паре шагов и разглядывал холодно и неприязненно, однако не Айлин, а почему-то магистра

Роверстана. Черный мундир некроманта рядом с белоснежной мантией разумника вдруг показался зловещим, как воронье оперение. И птицы...

До этого они весело щебетали на деревьях, а тут разом смолкли, и отчетливо повеяло холодным ветерком, на котором старые липы зашептались совсем иначе, жутковато... И сразу же все прекратилось! Так быстро, что Айлин ошеломленно вздохнула – конечно же, ей показалось.

– Что вы... уважаемый коллега, – улыбнулся Роверстан, и улыбка эта показалась Айлин странной, как будто ненастоящей. – Отчего же неловко? Разве юная леди может подумать обо мне плохо?

Говорил он с мэтром Грегором, но смотрел на Айлин. Пристально, испытующе. И под этим взглядом Айлин смутилась совсем. Конечно, прикосновение было неподобающим! Но ведь магистр всего лишь хотел ее успокоить, сам же сказал. А еще он помог дедушке и даже не рассердился из-за мантии. И вообще – добрый и достойный человек! Что, если он оскорбится? Но все же...

«А что бы сказала тетушка Элоиза?» – задумалась Айлин. Почему-то тетушка всегда знала, что сказать в самых сложных разговорах, и теперь, стоило представить ее рядом, как ответ получился сам собой.

– Ни в коем случае, – улыбнулась Айлин и вежливо склонила голову. – Достоинства магистра Роверстана общеизвестны и неизменно восхищают всех адептов.

Со стороны мэтра Бастельеро послышался странный звук – словно мэтр поперхнулся. Айлин вскинула голову, бросила на некроманта опасливый взгляд – и с удивлением увидела, как тот сдерживает улыбку: уголки его губ подрагивали, крылья носа трепетали, а глаза, кажется, немного потеплели. А вот с лица магистра Роверстана улыбка словно стекла, и выглядел он почему-то обескураженным. Неужели она сказала что-то неприличное вместо учтивости? Вечно у нее так!

– Идите, Ревенгар, – сжалился над ней мэтр Бастельеро. – У вас вот-вот начнется лекция.

Глава 7. Скелеты тайные и не очень

Грегор вошел в аудиторию, испытывая странное чувство. Он не сразу понял его источник, а сообразив, весело удивился: никогда ему не думалось, что с преподавательской кафедры аудитория выглядит настолько иначе! Двенадцать пар глаз напряженно смотрели на него, и Грегор оглядел их, как свой штаб перед началом военного совета. «Ну, хоть что-то знакомое, – чуть растерянно подумал он. – Если аналогия верна полностью, то трое-четверо страдают пылкими порывами, которые придется сдерживать, еще парочка здесь лишь потому, что их вызвали, двое или трое намерены делать карьеру, еще один, как минимум, будет доносить своему покровителю о каждом моем слове. А то и два... И... ах, Баргот побери! Леди же.

Может быть, брать ее на курс было не такой уж хорошей идеей? Единственная девочка среди неполной дюжины юных разгильдяев! Пусть она и младше, но неизбежно начнется распускание хвоста, затем последуют петушинные бои, ахи-охи, интриги, записочки и букеты... и непременно дурацкие подвиги в честь прекрасной дамы. Хорошо, если не самоубийственные.»

И ведь обязательно последуют, что он, себя в этом возрасте не помнит, что ли?

Он еще раз глянул в огромные зеленые глазищи, взирающие на него в ответ с робким трепетным обожанием. Девчонка забила в самый дальний угол последнего ряда и, хотя сидела, идеально выпрямившись, как и положено леди, но все равно была чуть выше плеча самому невысокому из адептов. И выглядела настолько юной, трогательной и невинной, что Грегор пообещал себе: «Устроят безобразие, жеребцы стоялые, – пожалеют».

Это была последняя посторонняя мысль, которую он себе позволил, а потом теплое дерево кафедры само нырнуло под его ладони, и в аудитории стало еще тише, словно это было возможно, а Грегора окатило знакомым азартом, требующим взять то, что происходит, в свои руки, свернуть и изогнуть, как надо, обладать, вести и править. Вот это ощущение он знал и любил с детства. Именно оно толкало пробовать старые заклятия, помеченные в

книгах кроваво-алым: «Не применять! Опасно!» Оно вело в нападение, когда остальные умоляли отступить, заставляло бросить вызов троем вместо одного...

Иногда Грегор боялся этого требовательного чувства, но никогда не пожалел о том, что оно принесло в его жизнь. «Справлюсь», – подумал он со спокойной холодной уверенностью, словно иначе и быть не могло, усмехнулся уголком рта и бросил в напряженное гулкое безмолвие аудитории:

– Одни из вас думают, что пришли учиться магии. Это не так. Другие, поумнее, хотят узнать, как выжить в бою. Это тоже неверно. Пусть выживают другие, если вы им это позволите. Вы должны научиться побеждать.

Он еще раз обвел взглядом аудиторию и отметил зарождающийся огонек понимания у троих... нет, четверых человек. Отлично, этих стоит взять на заметку. Сбрасывать со счетов остальных Грегор не собирался, он слишком хорошо знал, что незримая, но крепкая связь между наставником и учеником, как между командиром и солдатом, иногда возникает не сразу, требуя долгого доверия, заслуженного кровью. Но тем, кто сразу вручал ему власть над собой, благоволил особенно. Ревенгар, кстати, среди этих четверых не было, она смотрела на него внимательно, сузив глаза, но выражение в них он пока не мог распознать.

– Запомните, – продолжил он медленно и размеренно, чтобы каждое слово падало как можно тяжелее. – Ваша цель – вырвать победу у врага. На войне, на дуэли, просто в соперничестве или вражде – неважно, вы ни единого мига не должны сомневаться в том, что правы. Пусть противник думает, что хочет, но победа всегда принадлежит вам, ее просто нужно взять.

Те четверо, которых он отметил сразу, смотрели яркими и уже почти влюбленными глазами – семья упало на подходящую почву. Саймон Эддерли был среди них и едва ли не первым. По левую руку от него хмурился и глядел исподлобья высокий юноша лет семнадцати-восемнадцати с тонким бледным лицом и знаменитыми бледно-золотыми волосами Аранвенов – второй адепт из Трех дюжин, попавший в группу. Вылитый отец... Впрочем, Аранвен женился на своей кузине, так что в кого из родителей юноша пошел внешностью, и не угадать. С этим, Грегор как-то сразу понял, будет сложно. Аранвены славятся недоверчивостью и, порой, странными суждениями. Он скользнул взглядом по мальчишке, как же его, старое имя какое-то... и посмотрел дальше.

Справа от Эддерли, на том же первом ряду, сидели двое, неуловимо-похожие друг на друга отсутствием дворянской стати, откровенно простоватыми лицами, даже позой.

Наклонившись вперед и ловя каждое его слово, юноши смотрели то ли напряженно внимательно, то ли заискивающе. У одного, правда, глаза вроде бы поумнее, однако... Грегор внутренне поморщился. Разумеется, в Академии все равны. Дворяне, купцы и простолюдины, потомственные маги и только проявившие дар в первом поколении. Но нельзя же всерьез утверждать, что происхождение не имеет значения! Он и так проявил снисходительность, взяв сразу двух простолюдинов на курс, где всего двенадцать человек. Что ж, не будут успевать – выгонит, да и дело с концом.

– Ни единого мига, – повторил он.

Свежий шрам на животе закололо и потянуло тупой досадной болью, напомнив, что просто верить – недостаточно. Даже самым смелым и безупречно уверенным в себе иногда... прилетает. Стрела, заклятие или удар в спину – неважно. Слишком многие на памяти Грегора погибли от избытка самоуверенности. И как объяснить этим желторотым птенцам, где проходит граница между дерзкой отвагой и безумием? О да, конечно, каждый чертит ее для себя сам. Но все-таки...

Приготовленный рассказ о сражении при Фарнельском озере, выигранном лишь благодаря блестящей подготовке дорвенантских магов, вылетел у Грегора из головы так безнадежно, будто он сам в той битве даже не участвовал. А ведь не просто сражался – он-то ее и спланировал, подготовил до последней якобы не важной мелочи! И – видит Претемная! – там было чему поучиться. Но эти мальчишки – адепты, а не солдаты. Притом некроманты, а не боевики. Им вряд ли придется водить в бой солдат, разрабатывать тактические приемы и видеть цену своих промахов. Некроманты, конечно, служат, но редкие из них поднимаются до высоких чинов.

Он сам – первый главнокомандующий Дорвенанта, носящий мундир с фиолетовой оторочкой. Для всех вокруг мэтр-командор Бастельеро не знает сомнений, страха или

желания отступить, но себе самому и Претемнейшей – не соврешь. Он часто ошибался, и эти ошибки стоили дорого. Сомнения – иной раз еще дороже. Но чего он никогда не боялся – так это ответить за все, что делал. Наверное, об этом и стоит сказать. Это первое, чему должны научиться те, кого он не постыдится назвать своими учениками, продолжением своих знаний и воли.

– Сегодня мы будем говорить о смертельных проклятиях, – сказал он, чувствуя, как во рту разливается горечь, хотя вроде бы не от чего. – Я не стану учить вас их накладывать – это тема других занятий. Ни накладывать, ни снимать, ни распознавать. Просто расскажу историю.

«Не такую уж старую историю, – мог бы добавить он, – но сделаю вид, что она случилась, как и положено всем страшным сказкам, в незапамятные времена. Это единственная поблажка, которую я себе позволю. Интересно, кто-нибудь поймет? Эддерли и Аранвен – возможно, наследников предупреждают о темных местах в чужих родословных. Ревенгар? Вряд ли. Слишком юна и притом девушка, а леди от таких непристойных рассказов положено беречь. Остальные, даже дворяне, все-таки не из Трех Дюжин и ни за что не догадаются. Ну и хорошо».

– Давным-давно в некоем старинном роду, – начал он, тщательно подбирая слова, – у главы семейства было двое детей: сын-наследник и младшая дочь. Дети были чрезвычайно привязаны друг к другу, просто образец родственной любви...

Горький привкус во рту стал заметно сильнее, Грегор сглотнул и отстраненно подумал, может ли это быть дальним последствием? Все-таки столько непростительных и богохульных слов было сказано тогда, что стоит неосторожно пробудить старую память, и она ядом потечет в крови, отравляя тело.

Вся дюжина смотрела на него внимательно и спокойно, лишь у Аранвена фамильные темно-серые глаза чуть расширились. Так быстро понял? Хотя нет, у них там собственная недавняя история с еще не зажившими ранами.

– Случилось так, что девочка родилась чрезвычайно одаренной в отличие от брата. Это бывает, и... – Он поймал застывший, вспыхнувший отчаяньем взгляд уже других глаз, ярко-зеленых, подавил не ко времени проснувшуюся злость и ровно продолжил: – И ничего особенного в этом нет. Всем разумным людям известно, что магия – дар, ниспосланный Благими богами. Именно они выбирают, в ком зажечь искру, и не людям судить их выбор. Итак, девочка родилась одаренной некроманткой, но была слаба здоровьем, и отец, сам некромант, попросил у Ордена разрешения обучать ее дома...

«И Орден разрешил, разумеется. А почему нет?» – продолжил Грегор про себя, словно раздвоившись. Одна его часть безмятежно рассказывала, подбирая самые удачные выражения и интонацию, будто последние лет десять он не дрался с обнаглевшими месьорами, а полировал эту самую кафедру ладонями, читая лекции бесконечным курсам. Вторая – корчилась от боли, глотая горькую кровь, подступившую к горлу. Но эту вторую половину себя он давно загнал в самую глубину души, укрывая, словно магическими щитами, то ледяным спокойствием, то безудержными вспышками гнева, то расчетливым и одновременно безрассудным желанием всегда делать все так безупречно, как нужно. Королю, Дорвенанту, Ордену...

– Юная магесса росла, получая должное образование, весьма качественное, прошу заметить, – продолжил он. – И подавала немалые надежды в области некромантии. А ее брату тем временем нашли невесту из очень достойного рода, равного по положению семье жениха. Девица была столь красива, добродетельна и хорошо воспитана, что юноша принял волю отца с радостью – и разве могло быть иначе?

На этот раз почти все адепты отозвались понимающими взглядами: действительно, не могло. Воля отца – закон для сына, тем более наследника. Даже парочка простолудинов чуть заметно кивнула в унисон – им такое тоже было понятно. Только Аранвен едва заметно поморщился и нахмурился еще сильнее.

– Войдя в дом супругой наследника, девушка всем сердцем полюбила семью мужа. Слова, кроме горечи, начали отчетливо отдавать еще и гнилью. «Могильной, – привычно определил Грегор и добавил для самого себя, уже не понимая, какой частью личности: – Любопытный эффект... Жаль, исследование не написать – материала мало».

– Его отца и мать, принявших ее ласково... И, разумеется, сестру. По возрасту они были близки, и молодая жена искренне надеялась обрести в золовке подругу и любящую родственницу. Золовка, казалось, отвечала ей тем же. Сущая идиллия, верно? Как вы полагаете, Дарра? – вспомнил он наконец странное имя Аранвена.

– Я полагаю, милорд мэтр, – с безупречной холодной учтивостью отозвался тот, – что, будь оно идиллией, вы не стали бы рассказывать эту историю на лекции о смертельных проклятиях.

Грегор коротко кивнул, как сопернику, отразившему удар, и позволил себе тень улыбки. Да, милорды магистры, вот это и есть – кровь! И стоит задуматься, так ли правы были древние маги, позволившие простолюдинам проходить полный курс обучения? Из них ведь потом всякое... вырастает.

– Но со временем супруга стала замечать, что братская любовь ее мужа к младшей сестре носит несколько... болезненный характер. Они много времени проводили вместе, и брат очень ревностно следил, чтоб его сестра не общалась ни с кем из молодых дворян, хотя среди них были весьма интересные партии для замужества. Когда семье стали поступать брачные предложения, наследник был неизменно против, каждый раз находя причины для отказа. Иногда – вполне веские, но иногда... – Грегор усмехнулся и пожал плечами. – Старинные рода часто скрывают непристойные секреты, однако в этот раз тайну сохранить не удалось. Когда юная супруга поняла, что ее подозрения оправдываются самым возмутительным образом... она не сдержалась...

«Дура. Молоденькая, безоглядно влюбленная в собственного мужа, преданная им и той, которую она искренне приняла как сестру. Разгневанная, потрясенная тем, что считала омерзительным, и по праву считала, конечно, только кому от этого легче?»

– К счастью, первым и единственным, кому она рассказала, стал ее свекор. Он, к его чести, даже не мог допустить мысли о подобном позоре и был потрясен не меньше...

«И тоже был дураком, – услужливо подсказал тот, второй, выглядывая из мрака памяти. – Ему бы пригласить хорошего разумника – иногда даже эти... особи бывают полезны – и заставить девчонку обо всем забыть, а с сыном хоть поговорить сначала. Он же сорвался глупо и истерично. Влюбленной новобрачной не то чтобы простительно, однако понять ее можно. Мужчину, главу рода, королевского некроманта, Баргот его побери... Его – нет. Во всем, что случилось дальше, его вина!»

– Глава рода, разумеется, счел себя обязанным прекратить эту непристойность. Он сообщил сыну, что его сестра немедленно отправляется в дальнейшее поместье под строгий надзор и выйдет оттуда исключительно к свадебному алтарю. И, конечно, устройством ее судьбы отныне станут заниматься только родители, брату же запрещено видеться с ней, писать ей или передавать подарки, словом – общаться любым способом. Пожизненно. Наследник смирился с решением отца, но не его сестра. Вину она, как ни странно, не отца, и, уж конечно, не брата, а золовку. Вдобавок, несчастная оказалась в положении и вскоре родила ребенка, которого у нее тут же забрали и отдали в семью брата. Сами понимаете, в старых семьях своей кровью не разбрасываются, это слишком большая ценность. Юная некромантка, то ли обезумев после родов, то ли просто в отчаянии, покончила с собой темным ритуалом, собственной кровью и смертью прокляв жену брата и весь ее род. О проклятии, впрочем, стало известно не сразу. За дюжину лет у наследника и его супруги так и не появился сын. Родились одна за другой три дочери, но все трое не дожили и до двух лет. Тогда глава рода осмотрел невестку и обнаружил проклятие. Приемный сын попытался утешить леди, которую считал родной матерью, но она прогнала его.

«Почему не умер ты? – зазвенел в ушах у Грегора отчаянный женский голос. – Почему – мои малышки? Лучше бы ты умер, а они – они жили бы! Уйди, провались к Барготу, проклятое отродье, видеть тебя не могу...»

– От потрясения у мальчика пробудился дар Претемной Госпожи. Напоминаю, ему было двенадцать – самый возраст. Выплеск был столь силен, что его приемная мать погибла. Но мальчик остался жив и впоследствии стал главой рода как единственный наследник по прямой линии. Проклятье же ушло в род его матери, затаившись там...

Он осекся, понимая, что едва не сказал слишком много. Конечно, семья Мэрли не слишком распространяется, кто и за что проклинал их так, что теперь у Мэрли выживают лишь два

старших сына, а прочие дети умирают во младенчестве. Позволить проклятому роду продолжаться – то ли великодушие, то ли изысканная пытка...

Адепты таращились на Грегора так, словно боялись пропустить хоть слово. Все двена... то есть одиннадцать. Ревенгар смотрела расстроено и жалобно, словно лекция хоть как-то касалась ее самой!

«Наверняка наворотила себе драму в трех актах с прологом и эпилогом, – подумал Грегор с досадой. – Вот Эддерли, сразу видно, понял, о чем шла речь, а эта... леди...»

– Адептка Ревенгар, – окликнул он. – Что важного вы узнали из сегодняшней лекции?

Девчонка вскочила с места, растерянно заморгала, как Грегор и ожидал, вцепилась пальцами в стол и неуверенно пробормотала:

– Что самые сильные проклятия накладываются на крови и смерти, мэтр Бастельеро!

– Так, – кивнул Грегор, проглотив обреченное: «Не многое же вы поняли, дитя». – Это все? Темно-русый круглолицый простолудин с первого ряда – адепт Морстен, кажется, – обидно хмыкнул, и Грегор отметил, что в следующий раз нужно будет спросить его. Потому что недостойно потешаться над однокурсниками. Эддерли покосился на соседа осуждающе, Ревенгар же вспыхнула, прямо как вчера в библиотеке, задрала нос и отчеканила:

– Нет, милорд мэтр. Еще я узнала, что самое важное в проклятиях – не забыть подумать перед наложением!

Морстен поперхнулся новым смешком, Эддерли вздрогнул, посадив в свитке крупную кляксу, кто-то свистяще выдохнул. Одиннадцать пар глаз усталились на Грегора выжидающе и... испуганно? Похоже на то. Впрочем, нет, всего десять. Дарра Аранвен обернулся и глянул на девчонку с удивленным одобрением. Следом за ним в ту же сторону покосился и Саймон Эддерли.

– Вот как, – медленно кивнул Грегор, с интересом наблюдая, как румянец на щеках Ревенгар выцветает, сменяется пронзительной бледностью, а пальцы вцепляются в крышку стола.

Взгляд она все же не опустила, зато еще сильнее расправила плечи и вскинула подбородок. А вот Дориан всегда отводил глаза первым, не то что его дочь!

Грегор усмехнулся.

– И вы правы, адептка. Добавлю лишь, что обдумывать свои действия – общее правило не только для наложения проклятий, но и для любых других чар. А также прочих... действий. Надеюсь, это запомнят все. Можете сесть.

Адепты вразнобой закивали, Ревенгар перевела дыхание и робко улыбнулась. Грегор набрал воздуха, чтобы все-таки перейти к рассказу о Фарнельской битве – пусть на этой лекции прозвучит и что-нибудь приятное, радующее слух...

Тяжелая дверь аудитории распахнулась, будто ее хорошенько пнули. Грегор удивленно повернулся – взглянуть, кто это позволяет себе столь яркое появление, – и почти не удивился, увидев на пороге ярко-желтую мантию магистра Волански. Судя по всхлипам, сопению и странному цокоту, за спиной магистра иллюзорника скрывался кто-то еще.

– Доброе утро, коллега, – бодро поприветствовал Волански начерченную на доске пентаграмму, ловко миновав взглядом Грегора. – Я к вам по делу!

– Доброе утро, магистр, – согласился Грегор, думая, что всего несколько минут назад утро и впрямь было добрым. – Чем могу помочь?

Словно отвечая на вопрос, из-за спины иллюзорника вышел «Пушок». Процокал когтями до самой кафедры, сел рядом с ней и постучал хвостом по полу, уставившись на Грегора. Любопытно, что сейчас его глаза светились не алым, как в их первую встречу, а ярко-синим – гораздо приятнее, пожалуй. Адепты восторженно зашептались, Саймон Эддерли так и вовсе наклонился вперед, чуть не вывалившись из-за стола, а Ревенгар побледнела до обморочной синевы.

– Это существо на вас напало? – обреченно уточнил Грегор.

Волански замахал руками.

– Что вы, ни в коем случае! Дело вовсе не в нем! Но не могли бы вы объяснить, что мы видим здесь?

И шагнул в сторону, давая увидеть до этого скрывавшееся за его спиной существо.

«А действительно – что?» – искренне озадачился Грегор, присматриваясь. Пожалуй, подобного ему встречать еще не приходилось! Более всего оно походило на упитанную мышь-полевку, только ростом с человека, стоящую на задних лапах и сплошь покрытую густой светлой шерстью. Мохнатым был даже нос, длинный и увенчанный черной круглой мочкой. Разве что глаза существа выглядели человеческими – голубыми и заплаканными. Интересно, какое заклинание могло дать подобный эффект? Грегор внимательнее взглянул на «полевку», на мэтра Волански, на чем-то страшно довольного «Пушка» – и усмехнулся. – Судя по всему, – сообщил он, слегка повернувшись к адептам, – мы видим результат непростительного легкомыслия. Если не ошибаюсь, кое-кто попытался наложить иллюзию на умертвие – обратите внимание и запомните эту грубейшую ошибку! – не учитывая, что совмещение чар требует точнейших расчетов. В результате чары отразились на их же создателя. Возмутительная небрежность!

– Не-е-е-е! – прорыдала «полевка», метнув ненавидящий взгляд на «Пушка», а потом – на последнюю парту, где замерла Ревенгар. – Я... Я все правильно сделала! Я все пра... все посчитала по формуле, как в учебнике, я...

– По формуле?! – прервал Грегор. Претемная, ну какая же глупость! Чему только учат этих иллюзорников? – А нестандартность объекта вы учили?

Вместо ответа «полевка» всхлипнула.

Грегор кивнул.

– Не учили. Почему-то я не удивлен. Адепты, записываем задание для самостоятельной работы. К следующему занятию выясните, в чем нестандартность данного объекта. Самостоятельно, господа адепты! Расспрашивать об этом Ревенгар я запрещаю! И рассчитайте взаимодействие с ним. По одной формуле каждый, учитывая особенности умертвия. А теперь кто скажет, что можно сделать прямо сейчас?

– Упокоить? – азартно предложил сын магистра некромантии.

– Кого именно? – уточнил Грегор, старательно глядя только на мило улыбающегося адепта Эддерли и делая вид, что не слышит сдавленного всхлипа с последней парты.

– Ну не уникальное же умертвие, мэтр Бастельеро! – весело возмутился юный нахал. – Тем более что формулу я еще не рассчитал!

Помолчал, внимательно глядя на «полевку», кажется, забывшую, как дышать, затем – на Волански, вдумчиво рассматривающего кафедру, и зловеще добавил:

– А вот в иллюзиях я не разбираюсь. Это вообще снимается?

«Полевка» придушенно пискнула, закатила глаза и рванула ворот мантии. Обычной, как оказалось, серой мантии с желтой отделкой. Шерсть растворилась в воздухе.

Грегор одобрительно улынулся.

– Запоминаем, господа адепты. Иллюзия развеивается, если маг теряет концентрацию. Это относится к иллюзорникам и разумникам, остальные работают с материальными силами и объектами. В данном случае наваждение слетело от страха. Адепт Эддерли, высший балл за находчивость. А вам... – Он холодно взглянул на иллюзорницу. – За невнимательность и небрежность – три часа работ в Архиве.

– Но... – заикнулась та, хлопая удивительно глупыми глазами, и взвыла: – Магистр Волански!

Грегор поднял бровь.

– Четыре часа. Вы согласны, коллега?

– А?... – Взгляд иллюзорника метнулся от кафедры к доске и обратно. – Архивы – это правильно... Ступайте, дитя мое.

Дождавшись, пока девица, всхлипывая, выскочит в коридор, он шепнул Грегору:

– Было весело. – И, неожиданно посерьезнев, добавил: – Но вы уж доработайте это животное, коллега. Чтобы адепты не шарахались.

И направился к выходу.

«Не хочется признавать, – мрачно подумал Грегор. – Но, кажется, старый шарлатан прав. Бывают же и у него разумные мысли!»

Он обвел аудиторию взглядом. Адепты алчно рассматривали «Пушка». Умертвие игнорировало их интерес с таким величественным равнодушием, какому не помешало бы поучиться некоторым лордам. А на лицо его хозяйки возвращалась краска.

– Лекция окончена, господа, вы свободны, – сообщил Грегор и, полюбовавшись на торопливо вскочивших и зашептавшихся адептов, добавил: – Ревенгар, задержитесь. Девчонка на какую-то секунду замерла на месте, кивнула и снова села. Юный Аранвен обернулся и бросил на нее внимательный взгляд, прежде чем выйти из аудитории. Остальные потянулись за ним, то и дело оглядываясь на «Пушка».

Дверь за последним юнцом захлопнулась с глухим стуком, и Ревенгар наконец подняла глаза. Отчаянного вызова в них больше не было, только тревога.

«Не предупредила соседку, создала опасную ситуацию... И речь идет все-таки не о почти безобидном анимированном скелете, как счел мэтр Бреннан, а о полноценном умертвии! И все это за одно только утро. Пожалуй, в совокупности заслуживает не каких-то четырех часов в Архивах, а недели дежурств на кухне!»

– Ваше умертвие придется доработать, – сказал вместо этого Грегор, пообещав себе, что это в последний раз и только потому, что ум и храбрость следует поощрять, а отвечая ему, Ревенгар проявила и то, и другое. – Оно способно выполнять команды?

– Да, – пролепетала девчонка. – Мэтр Бастельеро, Пушок не виноват, честное слово! Я ему сказала сидеть под кроватью, он бы не напал на Иоланду! Он всегда слушается!

Грегор вздохнул.

– Успокойтесь, адептка. Я сказал «доработать», а не «упокоить». В конце концов, вашим соученикам еще делать задание с его участием!

Ревенгар растерянно моргнула и вдруг улыбнулась широко и радостно, и от этой улыбки у Грегора где-то на две ладони выше недавней раны разлилось тепло, изумительное и странное.

– Спасибо, – шепнула она.

– Поблагодарите позже, – буркнул Грегор, все-таки досадуя на самого себя. Баргот знает, что с ним творится! – Можете идти. А ты, – прибавил он, взглянув на умертвие, – пойдешь со мной, ясно?

«Пушок» постучал хвостом по полу. Как показалось Грегору – радостно.

* * *

Мастерскую указал секретарь Тернер, в первый момент сдержанно возмущившийся, не иначе, заподозрил, что его знаниями хотят воспользоваться в личных целях. Но стоило только Грегору веско уронить: «Наглядное пособие для факультатива», – как секретарь почтительно подобрался, изменился в лице и мгновенно написал нужный адрес.

Фиолетовый факультет заказывал чучел едва ли не чаще Красного – в конце концов, что там интересного сделают боевики! Помнится, лет двадцать назад все тот же Дориан Ревенгар, красуясь перед какой-то девицей, ударил чистой силой по чучелу горгульи, выбил несчастной тварью окно и получил в наказание три часа работ на конюшне. Горгулюю подобрали дежурные, выправили погнувшееся при падении крыло и вернули на место. Всего-то!

Другое дело некроманты! Чучел анимировали, проклинали, одушевляли, а иногда и просто крали, в основном для того, чтобы ночью разместить где-нибудь рядом со спальней девочек.

А вот Дилан, старший сын магистра Эддерли и один из немногих друзей Грегора, умудрился влюбиться в Этайн Аранвен, некрасивую скромницу и заучку с Голубого факультета. Зачем алхимичке понадобились клыки упыря, Грегор уже забыл, но то, как они с Диланом старательно выдирали зубы из упыриных чучел, врезалось в память. Грегор тогда сомневался, нужна ли девице полная пригоршня этого добра, а Дилан возражал, что ничего, запас будет...

Этайн старание оценила. Они с Диланом обвенчались, едва дождавшись окончания Академии, и прожили в любви и согласии целую неделю – до самого начала войны.

Дилан – шальной отважный дурень, совсем не в рассудительного отца – погиб во втором же бою, а Этайн... Дарра Аранвен должен хорошо помнить сестру, и не зря его коробит при рассказах о любви. Узнав о смерти Дилана, Этайн шагнула в окно на верхнем этаже башни Аранвенов. Говорят, с таким же безмятежным и светлым лицом, с каким давала перед алтарем обет любить мужа... Грегор поморщился, отгоняя нехорошие мысли.

Толкнул тяжелую дверь под кованой вывеской с синим щитом и колбой, снова поморщился от навязчивого звяка дверного колокольчика и шагнул в мастерскую.

Поморщился в третий раз – от резко-терпкого запаха алхимических зелий. Мастер-артефактор, сухой жилистый старик в синем камзоле, с дворянской цепью и крупным сапфиром в орденском перстне, понимающе усмехнулся.

– Доброго дня, коллега. Чем могу помочь?

– Мне нужно чучело, – кратко объяснил Грегор и кивнул на умертвие.

«Пушок» вел себя на удивление прилично: не отходил ни на шаг, бдительно посматривал на стоящее в углу мастерской чучело медведя, выполненное с изумительным мастерством, и время от времени глухо похрипывал. Кажется, это должно было означать предупреждающий рык. Интересно, если анимировать этого медведя и сравнить их, кто победит? Грегор с некоторым сожалением отогнал недостойные взрослого человека и преподавателя мысли. Хотя было бы это его собственное умертвие...

– В основе – это существо. Подвижность следует сохранить.

«Пушок» зевнул, открыв очень клыкастую пасть, сел на пол и попытался почесать задней лапой за ухом, кость глухо постучала о кость, подтверждая, что умертвие изобретательно в старании казаться настоящей собакой.

Подумав, Грегор добавил:

– Пусть оно будет пушистым.

«Должна же эта дурацкая кличка хоть как-то соответствовать реальности!»

Мастер, надо отдать ему должное, не удивился. Или хотя бы сделал вид. Окинул умертвие быстрым цепким взглядом, кивнул самому себе, потер переносицу и снова взглянул на Грегора.

– Могу предложить шкуру белого вольфгардского волка. Большая редкость, но у меня в запасах найдется две-три штуки – одной на него явно не хватит. Обработана особым образом: не горит и не гниет от воды, защищена от моли и кожеедов. А для наполнителя... – Он задумался, потом продолжил: – Пожалуй, подойдет только алхимическое волокно. Да, определенно! Оно упругое, и ваш... зверь сможет двигаться совершенно свободно. К тому же с ним чучело будет весить не больше обычной собаки подобного размера, а также не деформируется со временем... – И, дождавшись кивка Грегора (волк так волк, какая разница?), буднично закончил: – Семьдесят золотых. Оплата вперед.

«Ничего удивительного, – невольно подумал Грегор, доставая кошель, – что некоторые семьи разоряются. При таких-то ценах! А если бы он был крупнее раза в два?»

Он вспомнил, что жалование преподавателя составляет пятнадцать золотых в месяц, и ведь кто-то умудряется жить на эти деньги! Хорошо, что главе рода Бастельеро можно работать в Академии исключительно ради удовольствия, а не для вульгарного заработка.

Артефактор невозмутимо поклонился, небрежно смахнул семь золотых десятков в ящик стола и еще раз оценивающе взглянул на «Пушка».

– Неделя, коллега. Я немедленно закрываю лавку, вызываю всех ассистентов и... Да, определенно, ваш заказ будет готов через неделю.

Глава 8. Магистры, адепты и канарейка

Выйдя из аудитории, Айлин облегченно вздохнула и вдруг почувствовала, что ноги у нее подкашиваются. Ф-ф-ф-фух! Трудно даже сказать, кого она боялась больше, милорда мэтра Бастельеро или милорда магистра Волански? Хотя мэтр Бастельеро все-таки уже свой... Ну, то есть некромант! А магистр Волански – брр-р-р! Этот его глаз!

Громкий долгий удар колокола разнесся по коридору, и Айлин встрепенулась. У нее же следующее занятие! Она попыталась вспомнить расписание, отругав себя за то, что забыла его в комнате... Кажется, там что-то было про историю. Точно – история Ордена! Как интересно, наверное! Деяния могущественных магов и магесс, чародейские войны, великие заклания... Но куда же идти? И... с кем она будет заниматься? Милорд, то есть мэтр Бастельеро, вел занятия у совсем взрослых юношей, Айлин там чувствовала себя... ну, если не лишней, то маленькой и глупой уж точно.

– Ревенгар, у тебя следующая лекция на первом этаже! – окликнул, пробегая, Эддерли. – Аудитория номер двенадцать.

Айлин благодарно сделала реверанс, едва не запутавшись в непривычно узком подоле мантии, но адепт Эддерли уже скрылся за углом. Какой он все-таки милый! Запомнил ее расписание!

Отыскав нужную лестницу, она спустилась на три этажа вниз и сразу поняла, что здесь точно заблудится! Коридор уходил вдаль не в двух направлениях, как наверху, а сразу в четырех! И на дверях аудиторий не было никаких номеров, только странные пометки, в которых Айлин с ужасом опознала старинные руны. Но... она их не изучала!

Она растерянно огляделась по сторонам и тут – о чудо! – заметила нескольких мальчиков и девочку в таких же мантиях, как у нее, но с чисто фиолетовой отделкой. Юные адепты стояли у дверей аудитории и негромко разговаривали, иногда поглядывая на Айлин. Ну да, наверное, это тот самый первый курс, с которым ей и предстоит учиться. Слава Претемнейшей, она не будет единственной девочкой. Ой, а вот и еще одна подошла... Теперь присоединиться к компании, где есть еще две девицы, этикет точно разрешал! Глубоко вздохнув, Айлин набралась смелости и пошла туда, стараясь не думать о том, что с Иоландой, например, подружиться не удалось. Но, возможно, это сама Айлин все-таки сделала что-то неправильно? Матушка часто говорила, что она совершенно не обаятельна и не умеет себя держать в обществе. А тетушки, кроме тети Элоизы, взирали так сочувственно!

Подойдя, она присела в старательном, безупречно выверенном реверансе, придерживая кончиками пальцев мантию, и только было открыла рот, чтобы поздороваться...

– Смотрите-ка, – резким голосом произнесла высокая черноволосая девочка, неприязненно глядя на Айлин. – Неужели леди выпалась и решила нас навестить?

«А матушка сказала бы «почтить своим присутствием», – мелькнуло в голове Айлин, но она тут же опомнилась.

– Что, простите? – переспросила она, выпрямившись.

– Пропускать занятия, говорю, нехорошо, – как-то гадко усмехнулась девочка, растянув уголки широкого, как у лягушки, рта. – Или вам, ледям, законы не писаны?

– Не ледям, а леди, – растерянно поправила Айлин и тут же поняла, что на самом деле ошиблась не незнакомая девчонка, а она сама.

Наверное, стоило промолчать. Правильно матушка говорит, что воспитанная девица никогда никого не поправляет. Потому что в глазах девчонки зажегся совсем уж злой огонек, а ее спутники, трое мальчиков и ничем не примечательная, серая как мышка девочка, посмотрели на Айлин осуждающе.

– Лее-еди... – протянула девчонка и фыркнула. – Ну и где же леди была, пока нас учили, какой вилкой мясо тыкать, а какой – рыбу?

– У вас было занятие по этикету? – так же растерянно уточнила Айлин. – Но я не пропускала! Я была у мэтра... у милорда мэтра Бастельеро! Тоже на занятиях. А вы... разве не знаете, какой вилкой пользоваться?

Черноволосая, кажется, онемела от удивления, остальные смотрели еще более неприязненно. Но что она такого сказала? Неужели можно в этом возрасте не знать, как пользоваться приборами? И искажать слова, словно... словно... да у них в особняке даже прислуга себе такого не позволяла! Кто не умел правильно говорить, предпочитал помалкивать, чтобы не получить выговор от экономки или дворецкого.

Колокол ударил снова, избавляя ее от необходимости как-то выпутываться из этой странной и неприятной ситуации, дверь, рядом с которой они стояли, раскрылась, и черноволосая вошла первой, задрвав нос и окатив Айлин презрительным взглядом. Вслед за ней вошли остальные пятеро, причем даже мальчики не пропустили Айлин вперед!

Она осталась стоять у входа, пораженная таким неслыханным нарушением этикета, а сзади подошло еще несколько мальчишек, прошмыгнувших мимо и любопытно ее оглядевших. Еще трое остановились рядом, то ли ожидая, пока она войдет, то ли недоумевая, почему этого не делает. У Айлин на миг отлегло от сердца: все-таки это не она такая невоспитанная, а просто кто-то действительно не знает, как себя вести, как ни трудно в это поверить. В двенадцать лет!

Она уже собралась все-таки войти, одарив тех, кто ее пропускал, улыбкой, как учила матушка, но тут ее за плечо тронули, а сзади послышался уже знакомый каждой бархатной ноткой голос:

– Милая леди... то есть адептка Ревенгар, конечно. Рад видеть вас на моих занятиях. Вы пропустили первые три месяца, но ничего страшного, догоните по учебнику. Вам ведь уже выдали книги?

– Д-да... – пролепетала Айлин и все-таки ухитрилась присесть в реверансе, одновременно развернувшись к магистру Роверстану и отступив на полшага от двери. – Благодарю за заботу, ми-милорд!

– Всегда рад помочь, – благосклонно кивнул Роверстан, глядя на нее весело блестящими глазами. – А сейчас, может быть, все-таки пройдем в аудиторию?

Он приглашающе повел рукой, показывая, что пропускает Айлин вперед, и слегка поклонился. Как взрослой даме!

Едва не задохнувшись от смущения, Айлин юркнула в проклятую дверь и опомнилась, только очутившись за последним с краю столом. Сидящая рядом «мышка» глянула на нее и напоказ отодвинулась, даже учебники убрала подальше, задрав острый носик и поджав тонкие губки. «Ну и пусть! Не очень-то и хотелось, – уныло подумала Айлин, понимая, что и эта попытка завести подруг с треском провалилась. – А зато тетушка Элоиза говорит, что лучше ни с кем не дружить, чем со всякими глупыми... курицами – вот!»

Она открыла толстую тетрадь, одну из дюжины, выданных ей вместе с книгами, взяла красивое магическое перо, подарок матушки, сделанный ею в тщетной надежде, что Айлин станет писать хоть немного красивее. И приготовилась записывать.

Магистр Роверстан прошел по проходу между столами, легко вскочил на высокий подиум и встал за кафедру. Айлин ожидала увидеть какие-нибудь записи, как у наставников, учивших их с Артуром дома, но магистр ими пренебрег. Он обвел аудиторию с притихшими адептами взглядом и заговорил...

Перед Айлин, как живые, вставали образы Великих магистров древности, Архимагов, создавших Орден таким, каким он пребывает и по сей день. Мудрые, могущественные, добродетельные и дальновидные, они вели Орден к процветанию, создав его устав и определив традиции, превратившие магов в силу, с которой должны считаться даже короли.

– Сто двадцать лет назад, при Великом магистре Дариусе Аранвене, – рассказывал Роверстан, и адепты едва дышали, завороченные его голосом, – Орден едва не претерпел первый раскол. Аранвен первым предложил принимать в Академию адептов не только дворянского происхождения, но и простолюдинов, если их искра достаточно сильна для обучения. Это была великодушная и, безусловно, гениальная мысль, но в то время она показалась слишком смелой. Совет Ордена пять лет обсуждал предложение Великого магистра Аранвена, но на последнем голосовании мнения глав магических гильдий разделились. Трое из них, магистр Корсон, магистр Кастельмаро и магистр Эддерли поддержали проект Аранвена. Но против них выступили четверо остальных, и поскольку сам Архимаг не мог принимать участия в голосовании за собственную идею, его предложение провалилось. Увы, это затормозило развитие Ордена и...

– Простите! – услышала Айлин чей-то писк и только тогда с ужасом поняла, что это она сама подняла руку. – М-м-милорд магистр?

– Да, адептка?

Роверстан несколько не рассердился, что его прервали, он с благосклонной улыбкой посмотрел на Айлин, к которой обернулись все, сидящие впереди.

– Вы сказали, что трое проголосовали за предложение и четверо – против, – пояснила Айлин, сплетя пальцы на коленях под столом и стиснув их почти до боли. – Но это семеро, а в Ордене восемь гильдий. Кто-то не стал голосовать?

– Вовсе нет, – раздался за спиной Айлин, приближаясь от двери, еще один голос, тоже знакомый и бесконечно язвительный. – Просто магистр Роверстан еще не рассказал вам, что в те времена, о которых он повествует с таким красноречием, маги разума не были частью Ордена. Они тогда поклонялись Барготу, видите ли.

– Барготу? – выдохнула девочка-мышь, сидящая рядом, и на глазах побледнела.

Во взглядах адептов-мальчишек и черноволосой девчонки, уставившихся теперь мимо Айлин на вошедшего в комнату мэтра Бастельеро, читались восхищение, ужас, любопытство...

– Мой дорогой коллега совершенно прав, – безмятежно отозвался из-за кафедры магистр Роверстан.

Глянувшей на него Айлин показалось, что улыбка разумника слегка, самую малость, поблекла, но голос остался таким же спокойным и глубоким, а взгляд – безмятежным. Он улыбнулся вошедшему некроманту и поприветствовал его кивком.

Мэтр Бастельеро вернул четкий поклон, который наставник по этикету называл «малый поклон равному», и встал у стены, скрестив руки на груди. Темно-фиолетовый камень в его перстне мага показался черным, гораздо темнее глаз мэтра, сверкающих из-под нахмуренных бровей чистой небесной синевой. А магистр Роверстан – Айлин покосилась на него украдкой – носит перстень и серьгу со светлыми камнями, хотя глаза у него чернее ночи. Ну перстень – понятно! У магистра и мантия белоснежная, согласно цвету факультета. Но серьга с камнем? Хотя ему идет, черноволосым и смуглым белое к лицу... О, Претемная, о каких глупостях она думает!

Айлин поспешно уткнулась в записи, где красовалось всего несколько строчек – позор какой! А ведь на грифельной доске, висевшей на стене за спиной магистра, во время его рассказа появилась дюжина строк с именами и датами, написанными мелом. Сами собой! Настоящее волшебство, и какое полезное. Вот бы научиться так!

– В то время Белый факультет еще не был создан, – продолжил Роверстан, вновь легко овладев вниманием адептов, – и это, конечно, являлось большим упущением Ордена. Безусловно, мои собратья поддержали бы Великого Магистра Аранвена, ведь только благодаря его выдающемуся уму и великодушию многие из вас смогли поступить в Академию. Поблагодарим мэтра Бастельеро за ценное уточнение!

– Всегда к вашим услугам, – процедил некромант.

Айлин разрывалась от желания обернуться к нему и увидеть, с каким же лицом можно говорить так, что вежливая фраза лязгает, будто клинок, столкнувшийся с другим лезвием.

– Могу я вам чем-то помочь, коллега? – жизнерадостно поинтересовался Роверстан.

– Магистр Эддерли сказал, что в этой аудитории лежат преподавательские планы Фиолетового факультета.

Айлин все-таки обернулась и увидела, как лорд Бастельеро окинул шкафы у стены мрачным взором. Будь она понадобившейся бумагой, под таким взглядом сама выскочила бы наружу, лишь бы не утруждать мэтра поисками.

– Да-да, конечно, – еще жизнерадостнее и любезнее отозвался магистр Роверстан. – Пятый шкаф, третья полка сверху. И если вам понадобятся какие-то разъяснения, дорогой мэтр, не стесняйтесь обращаться, я с радостью помогу! Вам, должно быть, непросто приспособиться к мирной жизни и особенностям преподавания после всех этих лет... вдали от Академии и цивилизованных мест. Да и живые адепты – это все-таки... не тот рабочий материал, к которому вы привыкли.

– Не премину воспользоваться, – снова лязгнул мэтр Бастельеро, ухитрившись влить в эти три слова столько яда, что у Айлин закололо в висках, словно на кладбище.

Роверстан кивнул ему с той же благосклонной улыбкой, которой одаривал адептов, и, пока мэтр шел к указанному шкафу, изумительный голос полился снова, рассказывая, как после еще двенадцати лет обсуждений уже при следующем Великом магистре, которым стал преемник Аранвена, стихийник Корсон, в Академию все-таки стали допускать адептов недворянского происхождения...

Дверь в коридор хлопнула за спиной Айлин, и она будто очнулась, принявшись спешно покрывать тетрадный лист ужасными каракулями – даже магическое перо ничуть не помогло. Ну и ладно, все равно ни с кем делиться записями она не собирается.

* * *

Прошла всего неделя в новой роли, а Грегор горячо, почти иступленно сожалел, что не может вызвать Дункана Роверстана на дуэль. Магическую или простую – все равно! Увы, и этикет Академии, и устав Ордена любые поединки между преподавателями строго запрещали. И если этикет лорд Бастельеро еще мог послать к Барготу, то пренебречь уставом бывший мэтр-командор Бастельеро никак не мог себе позволить. Вот и оставалось

лишь мечтать, с каким удовольствием он бы добрался до клятого наглеца, как нарочно излучавшего при виде Грегора дружелюбие и почти радость. Хотя почему – как?

Разумеется, он делал это нарочно!

Впрочем, от разумника Грегор ничего другого и не ожидал.

Гораздо хуже было то, что возможный Прорыв как будто никого не беспокоил!

Поговорить с Великим магистром Грегору, правда, удалось, причем уже на третий день после памятного Совета, но и только. Кастельмаро выслушал его с таким благодушным видом, как будто речь шла о чем-то невыразимо приятном, вроде присоединения Фраганы к Дорвенанту на правах колонии, а потом уточнил:

– И вы полагаете, что Прорыв могут спровоцировать порталы?

– Не только порталы, – поспешно уточнил Грегор. – Любой достаточно сильный магический выплеск. Но, конечно, в том месте, где ткань мироздания достаточно истончилась. А порталы делают ее нестабильной по своей природе, увеличивая возможность Прорыва.

Кастельмаро покивал, снова задумавшись о чем-то, рассеянно погладил оранжевый луч звезды на медальоне Великого магистра и бросил в пространство:

– Райнгартен, мальчик мой, зайдите ко мне.

Грегор даже обрадовался: Райгартен – стихийник, он-то сразу поймет его опасения, а вдвоем убедить Архимага будет куда проще.

Радовался он недолго.

Райнгартен объявился в кабинете через четверть часа – бегом, что ли, бежал? Или случайно оказался рядом? Чуть поклонился Грегору и вопросительно взглянул на Кастельмаро.

– Великий магистр?

– Этьен, дорогой, – улыбнулся Архимаг и подтолкнул к стихийнику записи Грегора. – Возьмите это и как следует изучите. Потом подготовьте докладную с изложением ваших выводов. И не затягивайте, на следующем Совете мы поставим вопрос порталов на голосование.

Райнгартен снова поклонился, взял записи и спокойно вышел прочь.

– Голосование? На следующем Совете? – переспросил Грегор, дождавшись, когда дверь закроется, и трижды напомнив себе об этикете, уставе Ордена, должном почтении к Архимагу и обычной вежливости. – Великий магистр, вы хотите отдать право на решение людям, которые ничего в этом не понимают? Алхимичке? Иллюзорнику? Или артефактору, чья гильдия с этих порталов кормится?!

– Ну-ну, Грегор, не преувеличивайте, – с прежним благодушием махнул рукой Кастельмаро. – Вы и сами, дорогой мой, все-таки некромант, а не стихийник. В ваши расчеты могла вкратиться ошибка. Или совсем маленькая оплошность, да... А Совет гильдий – разумные люди, и я уверен, мы сможем принять правильное решение. Вы же не хотите сказать, что не доверяете сливкам Ордена, а?

«Ни на ломаный медяк! – очень хотел сказать Грегор. – Да я гнилого солдатского сухаря не дам за большую часть этих разумных людей, а уж позволить им вершить судьбу всей страны... Кастельмаро, старый вы прохвост, неужели не видите, что ваше время ушло?! Вы хотите покоя, вам совсем не нужны дразги в Совете и неприятные вопросы от артефакторов и стихийников, у которых внезапно упадут прибылки от порталов.

А что вскоре по всему Дорвенанту откроются дыры, из которых полезут потусторонние твари, в это вы просто не верите и верить не хотите! И вам плевать, что закрывать эти дыры придется, как обычно, боевикам, нам и тем же стихийникам, которых вы сейчас подставляете под удар. Может быть – закрывать собой. Вы Великий магистр, Архимаг, талантливый, почти гениальный мастер, чьи работы – гордость Ордена, но вы слепы, слепы, слепы... И я ничего не могу сделать с этим, пока семилучевая звезда на вашей груди. С вами – ничего. Но со всем остальным – попробую, не будь я Бастельеро!»

Ни единого слова из этого он, разумеется, не сказал: кто и когда его слушал, пока действительно не пахло жареным? Совсем как Корсон и его штаб! Снисходительные взгляды, любезные улыбки... Дежурные учтивости – из уважения к его роду и дару Избранного Смерти, но не его уму и таланту. Что вы, разве может быть главнокомандующим мальчишка тридцати с лишним лет, что он понимает? Стоит ли слушать его забавные, но бредовые планы? И понадобился почти полный разгром основных

сил Дорвенанта, позорный, нелепый разгром, чтобы не нашлось никого, согласного сменить рухнувшего с сердечным приступом Корсона.

О да, разбитая и истощенная армия этим опытным старикам оказалась не нужна, ею они воевать не умели! А он сумел! И выдрал свою первую победу при Фарнелле! А там уже Малкольм встал на дыбы, швырнул очередной чернильницей в кого надо и проорал, что вот он воевать не умеет – потому и не лез не в свое дело столько лет, а если кому-то хотелось побеждать – так надо было подхватывать командорский жезл и знамя над телом Корсона, а не приходить на готовые победы, мать вашу всей Барготовой свитой! И Грегор остался командором. Да, у его первой победы был отчетливый привкус преступления, но ведь он хотел как лучше! Корсон губил армию и Дорвенант, а Грегор их спас.

Но здесь не солдатский лагерь, а стены Орденской Академии, и Капельмарк, пусть старый и утративший былую хватку, это все равно далеко не Корсон, из куража никогда не носивший даже защитных амулетов – зачем они ему среди всегда готовых прийти на помощь магов? Впрочем, вряд ли амулеты способны прикрыть от Избранного Смерти, а фамильные проклятья Капельмарка, как известно, не определяются... Но не в этом случае. В Академии, позволь себе Грегор подобное безумие, их распознают именно по отсутствию личного почерка.

И потому Грегор просто поклонился и вышел, стиснув зубы в пока еще бессильном бешенстве, но уже прикидывая, что и кому следует сказать, чтобы на грядущем Совете добиться хоть частичной победы.

* * *

Ровно через неделю Айлин с ужасом поняла, что так больше продолжаться не может. Еще немного – и она или попадет в лазарет, или с позором запросится домой. Но там отец и матушка, Артур... Нет-нет, только не это! Да лучше она зачехлит, как героиня любимого романа тетюшки Амелии, и на смертном ложе попросит оставить ее в Академии в качестве лабораторного пособия! Айлин всхлипнула, тиская в ладонях большое красное яблоко – сегодня утром ей в комнату принесли большую коробку со сладостями и фруктами от тетюшки Элоизы.

«Дорогая Айлин, – гласила записка, приложенная к подарку, – я ненадолго уезжаю в провинцию, но, вернувшись, обязательно навещу тебя. Будь умной и стойкой. Помни, что я очень горжусь тобой...»

Красивые буквы свивались в ровные строчки, которых не постыдился бы даже учитель каллиграфии, но будь они написаны так же коряво, как пишет сама Айлин, все равно остались бы самым прекрасным письмом на свете. Хоть кто-то гордится Айлин и даже понимает, как ей нелегко – иначе не было бы слов про стойкость.

Бережно сложив записку, Айлин спрятала ее под подушку, чтобы потом еще раз перечитать перед сном, и взялась разбирать коробку дальше. Конфеты и яблоки она сразу убрала в тумбочку, благо на ней лежали чары сохранения съестного, и можно было растянуть лакомства надолго.

Еще в коробке нашлись пять бутылочек с жидким душистым мылом для тела и волос – из лучшей алхимической лавки! – флакон духов, набор для рукоделия со всевозможными нитками, иглами, ножничками и очаровательный бархатный кошелек с гербом Ревенгаров, набитый серебряными и медными монетами. Тетюшка подумала обо всем!

А венцом присланного оказались три модных фраганских журнала, которые даже в столице было не достать. Наверное, любоваться ими не совсем хорошо, раз Дорвенант воевал с Фраганой столько лет, но в том и беда, что в Дорвенне ничего подобного нет, да и фраганская мода – всем известно – самая красивая в мире. Айлин такой журнал видела всего раз в жизни, его привезла ей все та же тетюшка Элоиза, но налетели кузины, потом – тетя Амелия и тетя Мэйв... И когда Айлин очень учтиво спросила о судьбе подарка, то получила выговор и нотацию, что дорвенантские леди подобной гадостью не интересуются. Яркие журналы Айлин мстительно положила на тумбочку сверху, а потом наблюдала, как Иоланда вьется вокруг них, словно моль над любимым отцовским чулком. Глаза соседки выражали попеременно вожделение, страдание и искреннюю влюбленность... Но просить у Айлин журналы она так и не стала!

Зато сделала ответный ход, и на следующий день в комнате появилась огромная позолоченная клетка, которую парень из прислуги подвесил прямо над кроватью Иоланды.

В клетке сидел крупный желтый кенар с хохолком и недовольно косился на всех черными бусинками глаз. Под восхищенными взглядами созданных Иоландой подруг он тщательно вычистил перья, разгреб рассыпанный на полу клетки корм, щедро сдобрив им постель внизу, а потом запел! И спокойные дни в комнате кончились. Ночи, кстати, тоже. Айлин вздохнула, впилась зубами в хрустящее яблоко и мрачно посмотрела вниз из окна комнаты, прикидывая, сколько осталось времени до урока фехтования. И ведь не отвертеться от него! То есть она могла бы уклониться от занятий фехтованием как некромантка, но, увы, для боевиков они были обязательны, невзирая на возраст и пол. Она же никогда не держала в руках рапиру! Длинные и тяжелые штуковины с массивными рукоятками и хищно блестящим лезвием Айлин пугали. А еще она опоздала на три месяца, и даже те из первокурсников, кто, подобно ей, фехтовать не умел, за это время чему-то научились. У Айлин же не получалось ровным счетом ни-чего!

За спиной мелодично и очень громко заорал кенар... Тетя Амелия часто играла на клавесине, и Айлин без труда узнала арию Невесты из оперы «Итлийская принцесса» – самого модного представления в прошлом сезоне. Она даже не вздрогнула, только вздохнула еще мрачнее. Проклятая птица знала двенадцать мелодий. Двенадцать! И по уверениям мэтра-стихийника, ее чаровавшего, с легкостью могла выучить еще пару дюжин новых. Но тогда Айлин ее все-таки приберет, не дожидаясь, пока это сделает тоже измученная Иоланда. Купеческой дочери не повезло даже сильнее, кенар ее искренне полюбил и каждое появление хозяйки встречал радостными воплями, прыжками по клетке и немедленным исполнением очередной арии, марша или рондо...

Айлин доставалось меньше, но и она совершенно перестала высыпаться, потому что ночь и день птичка не различала, не помогал даже плотный платок на клетку. Ох, кошмары забери того мага... и папеньку Иоланды, не пожалевшего денег на роскошный подарок дочери... и саму Иоланду... и, главное, барготовы уроки фехтования, на которые Айлин шла каждый раз как на казнь. Да! Она научилась ругаться, пусть пока и про себя. И виновата в этом гадкая, проклятая, бар-р-р-готова рапира!

От расстройства она съела яблоко вместе с огрызком, не оставив даже косточек. У них в поместье такие не растут, а матушка предпочитает груши, и яблоки к столу покупаются очень редко, только для шарлотки. Но это ведь не то! Они должны хрустеть на зубах, а сок – наполнять рот. М-м-м-м...

Второе яблоко Айлин мужественно не стала брать. Она спрыгнула с подоконника, быстро переделась в короткую тунуку и штаны, уже не смущаясь неподобающим леди видом, и выскочила из комнаты. Вслед ей кенар засвистел фраганский «Марш бретера» – точно издевается, гадость желтая!

Глава 9. Урок фехтования

Чтобы получить усовершенствованное чудище леди Ревенгар, Грегору пришлось завернуть к артефактору по дороге в Академию. На этой неделе факультатив в расписании поставили после обеда, чтобы на него успевали все адепты, и это было даже удобно: прямо с утра Грегор самого себя с трудом переносил, что уж говорить о дюжине разновозрастных шалопаев. А выпавшийся и пообедавший Избранный Смерти гораздо безопаснее для окружающих.

Артефактор его ждал. Стоило карете, взятой исключительно из-за умертвия, подъехать к лавке, карауливший возле нее мальчишка бросился внутрь, и дверь незамедлительно распахнулась перед вышедшим из экипажа Грегором.

– Рад видеть вас, милорд, – чопорно поклонился старик.

Грегор вернул поклон и с интересом огляделся. Ну и где это чудище? И, кстати, где медведь, стоявший здесь в его прошлый визит? Грегор почти решил купить его, отвезти в Академию и вспомнить старые навыки анимирования чучел. Исключительно ради тренировки адептов, разумеется!

Артефактор, заметив его взгляд, сокрушенно покачал головой.

– Ищите медведя? – догадливо спросил он. – Увы-увы... один из моих подмастерьев не уследил, и гордость нашей коллекции пала жертвой вашего... хм... зверя. Разумеется, его я не стал вносить в счет – это целиком наша оплошность.

– Счет? – недоуменно поднял одну бровь Грегор, помня, сколько с него уже содрали.

– Разве вам не хочется узнать, на что ушли средства? – в свою очередь удивился артефактор. – Я всегда предоставляю клиентам подробнейший отчет.

– Оставьте, – махнул рукой Грегор. – А... заказ?

Старый маг хлопнул в ладони, дверь позади него эффектно распахнулась, и на Грегора вылетел огромный ворох чего-то белого, чуть не сбив с ног. Грегор едва устоял, а ворох крутился перед ним и вокруг, доставая до пояса, падал на спину, переворачивался и елозил по полу, бил в воздухе огромными лапищами, и теперь было понятно, что оказались тот медведь полноценно анимированным, ему и тогда, пожалуй, не поздоровилось бы!

– Эм... – сказал Грегор, немного отступая, но было уже поздно: черный мундир безнадежно усеяло множество длинных белых волосков от гарцующего по комнате зверя.

– мех выпадать не будет, – поспешил заверить артефактор. – Это остаточное явление от его избытка. Как видите, зверь, согласно вашим пожеланиям, весьма... пушист.

Грегор про себя категорически не согласился. Зверь был чудовищно, почти непристойно лохмат! Шкуры волков явно оказались зимними... Кто-то заботливо расчесал мех на боках и спине умертвия, и тот спадал, закрывая брюхо, роскошными волнами, но во что превратится вся эта красота от первого же дождя! А если зверюга еще в лужу влезет... Успокоившись, Пушок – теперь уже настоящий, по праву носящий это имя – сел, уставившись на Грегора. Черной у него была только мочка носа, изумительно правдоподобно выполненная непонятно из чего. Разве что глаза, светясь потусторонней синевой, выдавали неестественную природу собаки... Умертвие раскрыло пасть и вывалило набок алый язык.

– Обратите внимание, – с законной гордостью сказал артефактор, – пасть и морда как настоящие, не отличить. Костяные накладки и прочнейшая кожа! Собственные когти слегка подгнули, и мы сделали их копию из лучшей оружейной стали. Не сотрутся много лет, а потом и заменить можно будет. Но я уверен, что отремонтировать этот экземпляр доведется разве что моим внукам.

– Блестящая работа, – сдержанно признал Грегор, представив, что эти когти способны сделать с... да с кем угодно! – Поистине виртуозная. Надеюсь, оплаты хватило на все расходы?

– Оплаты? Ах, милорд, – небрежно повел рукой в воздухе артефактор, глядя на Пушка умиленно, как отец на долгожданного наследника. – Выполнить такой уникум – честь и радость для любого мастера! Поверьте, предложите мне взяться за это бесплатно, я бы и сам не пожалел никаких денег на материалы, не говоря уж о работе. И кто знает, может, еще и вам приплатил бы за дозволение...

Он ехидно глянул на онемевшего от возмущенного удивления Грегора и с сухим смешком добавил:

– Но не можем же мы оскорбить ваш род, предположив, что Бастельеро не способен оплатить свою прихоть? Верно, милорд?

Пушок, сидящий у ног Грегора, еще шире раскрыл пасть, будто улыбаясь, и Грегор обреченно выдохнул и кивнул: признать поражение от достойного противника он умел, а здесь его оболванили, как мальчишку. Ар-р-тефакторы! Ну, хоть медведя этот хитрый старый скупердяй лишился, пустяк – а приятно!

* * *

К открытой тренировочной площадке в саду – преподаватель фехтования мэтр Вильмар обещал проводить занятия здесь до самого первого снега! – Айлин примчалась последней. Соученики уже были на месте: мальчики, разобрав рапиры с деревянного щита, закрепленного на самом краю площадки, разминались, а бесцветная хрупкая Лионора, к которой прозвище Мышка прилипло крепче настоящего имени, стояла в дальнем углу площадки – мэтр Вильмар почему-то разрешил ей не фехтовать, а просто присутствовать на занятиях.

Черноволосая Ида, простолюдинка с половиной итлийской крови, как раз выбирала рапиру. Она заметила Айлин первой и недобро усмехнулась, а Айлин мысленно застонала. Если

мэтр Вильмар опять велит сражаться парами... а он ведь наверняка велит, каждый урок этим заканчивает! Тогда Айлин придется встать с Идой, а та куда сильнее! И ловчее. И вообще...

– Опаздываете, Ревенгар, – резко бросил мэтр Вильмар, заметив Айлин лишь на мгновение позже Иды.

– Простите, мэтр, – вздохнула Айлин, но Вильмар только рукой махнул, что значило: «Не тяните время».

Айлин подошла к деревянному щиту и, как всегда, замерла на мгновение – какую взять? Ее соученики и даже Ида рапиры выбирали. Случалось, снимали одну, делали несколько пробных взмахов – и возвращали на место, а самой Айлин все рапиры казались одинаковыми: тяжелыми, слишком уж длинными и неудобными. И все-таки она каждый раз надеялась, вдруг случится чудо и удастся увидеть какую-то разницу? И, может быть, тогда у нее все получится?

Чудо снова не произошло, рапиры одинаково насмешливо блестели под ярким холодным солнцем, и Айлин со вздохом взяла ближайшую.

– Сегодня – только поединки, – сообщил мэтр Вильмар, дождавшись, пока адепты подойдут к нему. – Разбиваемся по парам... как обычно.

Айлин подавила вздох. Кто бы сомневался! Как обычно – это снова с Идой. Может, и правильно, ведь если она не может справиться с девочкой, то о поединке с мальчишками и думать нечего! Но, но...

Она повернулась к Иде, подняла рапиру, приветствуя противницу, – приветствию перед поединком мэтр Вильмар почему-то придавал очень большое значение – и внутренне содрогнулась, когда Ида сверкнула глазами и прямо-таки вцепилась в рукоять.

Что будет дальше, Айлин знала даже слишком хорошо. Ида сорвалась с места, не давая времени вспомнить, как должна выглядеть правильная первая фехтовальная позиция... ой, или вторая? Совершенно вылетело из головы.

Вот Ида о позициях совершенно точно не думала. И об изяществе, с которым, по словам мэтра Вильмара, следует фехтовать, тоже. Рапира в ее руках молотила почти как скалка, и тот, кто подумал бы, что скалка – это не оружие, сильно ошибался! Айлин успевала только пятиться и почти наугад тыкать специально затупленным острием во все стороны, изредка угадывая, откуда придет очередной удар. От тяжести клинка рука онемела, два... нет, три... ой, уже четыре удара по ней же довершили дело, Айлин позорно пропустила еще три выпада Иды, а потом споткнулась обо что-то и полетела на мелкий светлый песок площадки. Ладонями вперед, выронив оружие и некрасиво растопырившись, но сразу сжавшись в комочек, подобрав под себя руки и ноги в тщетной попытке прикрыться. А толку? Все равно все это видели, и от ближайшей пары мальчиков донесся смешок. Ида что-то сказала над самой ее головой, слова Айлин не разобрала, но кто-то, – может быть, Лионора? – издевательски рассмеялся.

«Рапиру не подниму!» – мелькнула беспомощная и отрывочная мысль. Айлин стиснула зубы и медленно встала, отряхнула песок с коленей. А она еще думала, что штаны – это неприлично! Что бы она сейчас делала в мантии?! Ничего... Подумаешь, рука... Айлин – Ревенгар! И ее отец воевал с фраганцами, а там точно никто не спрашивал: «Можете ли вы, лорд Ревенгар, поднять рапиру?»

– Продолжим? – окликнула она Иду со старательной небрежностью, пусть та и не думает, что Айлин сдалась!

Не дождется!

Ида только глазами сверкнула. Показалось – удивленно, а потом Айлин снова перестала видеть и Иду, и соучеников, и площадку – только блестящий клинок перед самыми глазами. Ей даже начало удаваться парировать! Два, три, четыре удара! А потом чужой клинок вдруг исчез, Айлин успела только удивиться – куда? – и тут же ткнул в колено. Нога подломилась, перед глазами снова оказался песок. Мелкой, незначительной, но очень обидной болью вспыхнула щека, и снова заныла правая рука от локтя до ладони.

Не дождутся!

Айлин оперлась на левую, выдохнула и начала подниматься. Не дождутся, не...

– Ревенгар!

Прямо перед глазами появились высокие, по самое колено, черные сапоги мэтра Вильмара. Айлин почти обрадовалась. Может, мэтр поменяет пары? Ну вдруг, он же видит, что с Идой...

– Барготовы... – Мэтр Вильмар закашлялся. – Клянусь Семерыми, Ревенгар, как можно быть настолько неуклюжей? Такого себе не позволял ни один адепт из вашего рода! Да встаньте вы, наконец...

От обиды загорелись уже обе щеки. Вовсе она не неуклюжая, просто... просто...

И вообще, откуда мэтру Вильмару знать, что позволяли себе другие Ревенгары? Ну ничего, сейчас Айлин всем покажет... вот сейчас, только перестанет дрожать рука, и... и...

Мэтр Вильмар возвел глаза к небу и тяжело вздохнул.

– Можете передохнуть, – буркнул он и добавил уже для Иды: – Очень достойно, Морьеза. Вы тоже можете отдохнуть. А потом продолжайте!

И отошел к мальчишкам.

Айлин проводила мэтра взглядом и подавила очередной тяжелый вздох. Почему, ну почему дома ее не учили фехтованию?! Может, сейчас она могла бы хоть сравняться с остальными соучениками... Конечно, будь здесь Артур, он бы им всем показал, его-то наставник не переставал хвалить, и отец одобрительно улыбался, а иногда сам брал рапиру и немного фехтовал с Артуром, светящимся от гордости. Айлин тогда стояла где-нибудь в сторонке и любовалась, какие легкие, отточенные, красивые у них обоих движения... Как несправедливо, что здесь видят самую бесталанную из Ревенгаров! Но это все равно не повод сдаваться.

Она снова обернулась к Иде. И снова подняла тяжелую, будто ее из свинца отливали, рапиру...

– Мэтр же велел отдыхать, – протянула та каким-то странным голосом и глянула непривычно задумчиво.

– Благодарю, – выдохнула Айлин. – Я не устала. Продолжим?

Рот Иды сжался в уже привычную ниточку, а глаза стали, как обычно, недобрыми.

Наверное, тот другой взгляд Айлин просто почудился.

И все началось опять: два-три-пять отбитых удара, блеск перед глазами, еще один удар с неожиданной стороны – песок перед глазами – песок во рту – песок за воротником – подъем...

– ...Ревенгар! – услышала Айлин как сквозь вату.

Кажется, прошла вечность. А может быть, две вечности. И на нее уже никто не нападал.

Тяжело дыша, она повернулась на голос, сморгнула и наконец увидела в нескольких шагах преподавателя.

– Урок окончен, – повторил он. – Верните на место рапиры и можете быть свободны.

– Да, мэтр Вильмар! – откликнулась Ида и поспешила к щиту.

Айлин только завистливо посмотрела вслед – как же легко она двигается! И это после такого урока...

У щита она оказалась последней. И правильно закрепить рапиру тоже удалось не сразу – та постоянно норовила упасть!

Закрепив, наконец, барготову железяку, Айлин отступила от щита и огляделась. Соученики под предводительством мэтра Вильмара уже покидали площадку, последними шли Ида с Лионорой.

Словно почувствовав ее взгляд, Ида обернулась, криво усмехнулась и протянула:

– До встречи, лее-е-еди!

Айлин вымученно улыбнулась в ответ. Хорошо им всем! Фехтование у первокурсников – последний урок, а вот у самой Айлин через два часа практическое занятие у мэтра Бастельеро. Ох, хорошо хоть там не будет рапир!

Она сердито отвернулась от щита и зашагала к выходу с площадки. И остановилась.

«Первейшие добродетели мага, – зазвучал в мыслях голос мэтра Бастельеро так явственно, словно некромант стоял за ее спиной, – терпение, трудолюбие и упорство. Не постыдно, если у вас, господа адепты, не получается что-то с первого раза. Постыдно отступить после всего лишь сто первого...»

До практикума по некромантии оставалось целых два часа! Можно было успеть в купальню, смыть пыль и вытряхнуть набившийся под тунику песок. Можно было вернуться

в комнату, где ждало отложенное утром второе яблоко. Можно было добраться до столовой и выпить горячего травяного отвара. Или – до крыла целителей, где попросить мазь от ушибов...

Айлин встряхнула головой, зажмурилась, развернулась на месте и подошла к щиту.

Протянула руку к своей ужасно криво закрепленной рапире.

Если у нее не получается на уроке – она попробует сама! Так, по крайней мере, никто не засмеет.

Солнечный луч скользнул по лезвию, и оно насмешливо блеснуло прямо ей в глаза, на пару мгновений ослепив. Ну и... Ничего, Айлин еще всем докажет!

Стиснув еще теплую рукоять в ладони, она повернулась к ближайшему манекену – эти соломенные куклы мэтр Вильмар использовал для работы в одиночку – и замерла. Через площадку прямо к щиту с оружием шел глава разумников.

Выглядел он так непривычно, что Айлин на миг забыла обо всем!

Вместо обычной белой мантии магистр был облачен в белую же рубашку, золотистые замшевые бриджи с широким кожаным поясом и точно такие же высокие сапоги, как у мэтра Вильмара. Только не черные, а светлые. И никакого камзола!

Айлин закусила губу. Кажется, позаниматься не выйдет: если магистр пришел пофехтовать, хотя зачем бы ему рапира, ведь он разумник? – то мешать невежливо!

«Ничего, – подумала она. – Позанимаюсь завтра. И послезавтра, и послепосле... пока не получится!»

Приседать в штанах было бы ужасно глупо, кидаться ставить рапиру на место – тоже, поэтому Айлин решила ограничиться поклоном и подождать, пока преподаватель возьмет оружие. И сразу же уйти.

Но вместо того, чтобы выбрать одну из рапир, магистр Роверстан остановился рядом, не дойдя до щита каких-нибудь двух шагов.

– Адептка Ревенгар? Рад видеть вас, – улыбнулся он. – Однако вы меня удивляете. Я полагал, урок фехтования у вашего курса уже закончен?

– Я... прошу прощения, милорд магистр, я как раз собиралась уходить, – пролепетала Айлин, опустив глаза в землю.

– В самом деле? – весело удивился магистр. – А мне отчего-то показалось, что вы как раз собирались позаниматься самостоятельно. Неужели я ошибся?

– Я могу позаниматься потом и вовсе не хочу вам мешать, – объяснила Айлин, не поднимая глаз.

– Площадка так велика, что вы, милое дитя... простите, адептка Ревенгар, определенно никак мне не помешаете, – заверил магистр Роверстан и осекся. – Поднимите голову, – потребовал он через мгновение совершенно другим голосом – таким, что Айлин беспрекословно подчинилась.

Магистр протянул руку и коснулся ее щеки самыми кончиками пальцев как раз там, где была ссадина. Нахмурился.

– Вы упали на уроке?

– Я... – Айлин сглотнула. Признаваться в собственной неуклюжести совершенно не хотелось! – Нет, магистр! То есть да, но... Понимаете, я...

– У вас некоторые сложности с фехтованием, не так ли? – очень мягко спросил Роверстан, и Айлин пристыженно кивнула.

Когда о ее неуклюжести сказал мэтр Вильмар, она только обиделась, а вот сейчас стало невыносимо стыдно: и правда, Ревенгар, которая не умеет фехтовать! Что скажет отец, если узнает...

– Не переживайте так, – ободряюще произнес Роверстан, и Айлин бросила на него недоверчивый взгляд.

Неужели магистр ее не осуждает?

– Но мэтр Вильмар сказал...

– Мэтр Вильмар... – прервал магистр, и Айлин показалось, что сказать он хотел что-то резкое, но закончил вежливым: – Несомненно, отличный фехтовальщик. Однако вы пропустили начало занятий и всего лишь нуждаетесь в дополнительных индивидуальных уроках.

Он нахмурился, но вовсе не сердито, а так, словно бы что-то обдумывал, и вдруг улыбнулся. Подошел к щиту, снял первую попавшуюся рапиру, даже не взглянув на нее, и отсалютовал Айлин.

– Прошу вас, адептка Ревенгар.

– Но...

Айлин огляделась. Кроме нее самой и магистра, на площадке не было ни души, зато в отдалении, за изрядно облысевшими к осени кустами, прогуливалась целая стайка адептов. Это, наверное, прилично? Да, наверняка! И все же, у магистра ведь были какие-то планы?

– Но? – Роверстан недоуменно изогнул бровь. – Милая леди... то есть адептка Ревенгар, разумеется... вы ведь не хотите сказать, что не верите в мои способности к фехтованию?

– О нет, милорд магистр! – отчаянно запротестовала Айлин и почти тут же разглядела, что собеседник едва сдерживает улыбку.

Ох, но не отказываться же снова, вдруг его это оскорбит? И все-таки – если Айлин не могла сладить даже с Идой... Она тяжело вздохнула и подняла рапиру в приветствии.

И снова мир перед глазами начал стремительно сужаться: сначала пропали соломенные манекены, потом – деревянный щит за спиной магистра и сам магистр – пока не осталась только блестящая полоса металла перед глазами, а в ушах не завизжали, сталкиваясь, клинки...

– ...Вильмар, недоумок Барготов! – услышала Айлин сквозь лягз.

И стало тихо.

Блестящая полоса снова превратилась в рапиру, совершенно неподвижно замершую в руке магистра Роверстана. Спустя еще миг Айлин удалось рассмотреть и лицо разумника – внимательно-озабоченное. И, наверное, «недоумок» ей просто послышался, ведь, кроме магистра, сказать это было бы некому? А он никогда не злится, и не мог этот яростный голос принадлежать ему!

Но если магистр не сражался, то откуда же был металл перед глазами и лягз в ушах?

– Позвольте, я возьму вашу рапиру, – сказал Роверстан столь спокойно и доброжелательно, что Айлин окончательно уверилась, что та ругань ей просто послышалась, и отдала оружие с облегчением.

Магистр перехватил оба клинка за лезвие одной рукой, поблагодарил кивком и продолжил, задумчиво пощипывая холеную короткую бородку:

– Очевидно, заноза неприятия сидит в вашей душе немного глубже, чем мне показалось. Но не расстраивайтесь, милое дитя, избавиться от нее вовсе не сложно. Только как бы нам обойтись без прямого воздействия, учитывая ваши... видения змей... Скажите, вы любите читать?

Айлин растерянно кивнула. При чем здесь чтение? Какое оно имеет отношение к фехтованию?

– Д-да, милорд магистр, я... романы про приключения, и еще...

– О любви, – подсказал разумник, и Айлин кивнула, заливаясь краской. Признаваться в этом почему-то было ужасно стыдно. – Ну-ну, милая леди, вовсе не нужно так смущаться! Нет ничего прекраснее и естественнее этого чувства... Однако речь не об этом. Часто герои романов страдают из-за любви, но все же не отказываются от нее. Подумайте о фехтовании подобным образом...

Айлин растерянно заморгала. Ничего общего у любви, описанной в итлийских и фраганских романах, с Барготом придуманным фехтованием она не находила.

– Напрасно, – усмехнулся магистр, вот сейчас точно прочитав ее мысли. – В бою и любви человек раскрывается с равной полнотой и глубиной. Схватка может причинить боль – но может подарить и радость.

Он вздохнул, Айлин же окончательно залилась краской.

Разве могут преподаватели говорить о таком? Разве это не стыдно? Но... это ведь о фехтовании?!

Роверстан стоял так близко, что это почти нарушало правила приличия, но все-таки оставалось на самой их грани. Высоченный, широкоплечий, уже не похожий на преподавателя в своем щегольском фехтовальном костюме, и только золотой перстень с белым камнем на смуглой руке, сжимающей рапиры, блестел, невольно притягивая взгляд. А потом камешек в его сережке, словно отзываясь перстню, поймал солнечный луч, сверкнул

прямо в глаза Айлин, заставляя зажмуриться, и голос разумника зазвучал вдруг со всех сторон сразу:

– Поверьте, важна не только радость победы, но и восторг от поединка с достойным соперником. Полюбите рапиру, милое дитя, полюбите вашего противника – и вы победите. Дразните его, ускользайте, играйте с ним и ни в коем случае не бойтесь, ведь вам нечего бояться!.. – и неожиданно сменил тон. – А теперь поговорим о практической части. Вот – возьмите.

Айлин открыла глаза, машинально схватила ткнувшуюся прямо в ладонь рукоять и поразилась – клинок почему-то перестал оттягивать руку. И все было прекрасно видно! Не только рапиру, но и щит, и песок площадки, и манекены... Как же замечательно! Может быть, это такая особенная магия разумников?

– Совсем другое дело, не правда ли? – улыбнулся магистр Роверстан. – Только не сжимайте так кисть. Представьте, что вы держите в ладони птицу. Не выпускайте ее, но и не душите. Айлин на секунду показалось, что в руке и правда оказалась птица. Кенар Иоланды, к примеру, – и она торопливо ослабила пальцы.

Клинок в руке мэтра Роверстана совершил странное, немыслимо быстрое движение – и рукоять вдруг вырвалась из ее ладони. Рапира упала на песок.

– Слишком много воли, – спокойно объяснил разумник. – Поднимите.

Айлин подчинилась и покрепче сжала пальцы на рукояти, обещая себе, что в этот раз рапиру у нее не выбьют!

Но магистр и не попытался это сделать. Его следующий удар пришелся по самому лезвию, и Айлин даже удалось его отбить! Правда, рука заныла, но это – сущие мелочи!

– Теперь слишком мало свободы, – продолжил Роверстан так ровно и доброжелательно, будто читал лекцию в аудитории. – Напряженная рука устает куда быстрее. Два-три удара – и отнимется.

– А как же правильно, милорд магистр? – растерялась Айлин.

– Полагаю, проще и быстрее всего будет показать, – задумчиво протянул разумник и воткнул свою рапиру острием в песок. – Подойдите и позвольте вашу руку...

Словно замороженная, Айлин шагнула к нему и почувствовала запах, но не мужских духов, которыми пользовались отец с Артуром и некоторые взрослые гости, а чего-то совсем иного.

Кажется, ладан... Да, точно, его воскурляли на практических занятиях по некромантии. А еще – сандаловое дерево. Из него была сделана любимая шкатулка матушки, и Айлин иногда позволялось принести в гостиную шпильки или зеркало, а она каждый раз чуть задерживалась в спальне, с удовольствием вдыхая насыщенный, теплый, еле уловимо сладковатый аромат сандала... А еще хвоя и трубочный табак, только не зажженный, а тот, который отец насыпал в трубку, разминая пальцем, и он пах резковато, но вкусно...

Голова у Айлин на миг закружилась от этой смеси, а внутри стало горячо, и она попыталась отшатнуться, но магистр взял ее за локоть и запястье, очень учтиво, но твердо поставив прямо перед собой.

Где-то близко звучали голоса, кто-то смеялся в саду и читал вслух стихи, Айлин услышала отрывок из классической поэмы, которую учила еще дома...

– Не бойтесь, юная леди, – услышала она рядом и сверху низкий голос магистра, мгновенно перекрывший все прочие звуки. – Магессе не пристало бояться. Ни рапиры, ни... чего-либо другого.

Его пальцы на ее коже были твердыми и горячими, Айлин сглотнула и замерла, чувствуя, как Роверстан вкладывает в ее ладонь эфес, сжимает на нем ее пальцы своими, а потом поправляет запястье, придавая ему чуть уловимый изгиб. Тяжелая рапира потянула руку вниз, но магистр не позволил этого, удержав локоть и запястье Айлин на одной линии, и едва заметно наклонился ближе...

– Вот так, молодец, – еще мягче и ниже сказал Роверстан, и Айлин показалось, что его голос скользнул по ней с ног до головы, как парадное бархатное платье, вздумай она вдруг надеть его без рубашки и бархатом внутрь. – У вас отлично получается...

* * *

Для умертвия зверь адептки Ревенгар и вправду был подозрительно умен. Всю дорогу он смирно пролежал у Грегора в ногах, и лишь покинув карету, весело заскакал по дорожкам

Академии, прикидываясь обычной собакой. Несколько раз Грегор встречал удивленные и восхищенные взгляды, обращенные на Пушка, но с расспросами никто не приставал. Зато и страха этот огромный комок меха больше не вызывал. Любопытно, между прочим, чем он питается?

Обычные умертвия не могут подолгу существовать именно из-за этого: мертвое тело не способно переваривать пищу. Те, которых создают маги, подпитываются их энергией, но если бы девчонка привязала тварь к себе и в этом смысле, то давно валялась бы в лазарете с истощением: сил на такую огромную и активную зверюгу должно уходить немерено. Любопытно, очень любопытно...

Он попытался на ходу просмотреть магические потоки, сплетающиеся в умертвии, но то бестолково крутилось, мешая, и Грегор досадливо пообещал себе заняться этим позже.

Кстати, можно и адептам предложить эту задачку, пусть поломают головы.

Несносно прыгучий зверь вдруг замер прямо на ходу, подняв лапу и не опустив ее на дорожку. Потом, правда, осторожно поставил, склонил голову набок, словно прислушиваясь... Чем, у него же ушей нет! Эти меховые лоскуты не в счет.

Грегор глянул – они как раз шли мимо тренировочной площадки. Но происходящее там закрывала спинами стайка адептов в мантиях трех-четырех разных факультетов сразу.

Так... Дуэль, что ли? Другой причины привлечь внимание такого количества девиц к фехтованию он придумать не мог. Ну-ну... Если это кто-то из его подопечных...

На Грегора ни одна из адептов, будто замороженных зрелищем, даже не оглянулась – пришлось велеть посторониться. Пушок протиснулся следом, а Грегор шагнул на край полянки – и сам замер.

Огненно-рыжие волосы, светлое личико над темной короткой туникой, тонкая фигурка. С мальчишкой не перепутать даже в штанах, юноши держатся иначе. Ровная напряженная спина... И рядом, так тесно, что вот-вот коснется ее бока бедром... Какого Барготова демона!

От возмущения у Грегора на миг потемнело в глазах, потом он понял, что ничего неприличного посреди белого дня и на тренировочной площадке происходить не может. Разумеется, он просто ставил ей руку! Держал тоненькое белое запястье, почти скрывшееся в огромной смуглой лапе, и объяснял про верный угол и положение ладони на эфесе. Но какого клятого Баргота?

Даже наклонившись, Роверстан был настолько выше девочки, что она почти упиралась макушкой в его бородку. И длинная прядь, выбившаяся из жгуче-смоляного и на вид жесткого, как конская грива, хвоста, касалась ее щеки, но Ревенгар будто не замечала ничего – она сосредоточенно смотрела на свою руку, эфес, пальцы Роверстана... И только щеки атели, скрыв веснушки и предательски выдавая смущение.

Да он с ума сошел, жеребец арлезийский?! Ей же двенадцать!

Грегор шагнул на поляну, еще не зная, что сделает. Что вообще можно сделать на глазах у дюжины девиц, томящихся по этому распутнику, как весенние кошки, чтобы не задеть честь Ревенгар?! Пальцы потянулись к эфесу шпаги... и наткнулись на пояс. Он ехал в Академию, а оружие профанов здесь допускается лишь на уроках фехтования! Проклятье...

Грегор едва не сделал его настоящим, но тут мимо него протиснулся дурацкий меховой сугроб и поскакал прямо к Ревенгар. Мгновенно отмерев, девчонка сама вывернулась из рук Роверстана, восторженно и совсем по-детски взвизгнула, вцепилась в умертвие и принялась его тискать, обнимая, целуя в нос, хватая за уши, лапы, хвост...

Слава Претемной! Девчонка с умертвием умчалась на другой край площадки, и за одно это Грегор согласен был оставить несносного зверя в Академии. Сзади разочарованно защебетали, удаляясь, девичьи голоса, а Роверстан...

Он проводил девочку взглядом и повернулся к уже оказавшемуся рядом Грегору. Хорошо повернулся, плавно и в меру быстро. И рапира, воткнутая возле его сапога в песок, вдруг показала на диво уместной, несмотря на затупленный кончик. Ничего, Грегор бы его и такой отделал!

– Мэтр Бастельеро?

Черные глаза уставились на Грегора с холодной... досадой? Будто на жука, что заполз в свежевыверченную звезду и смазал символы.

– Не потрудитесь ли объяснить, м-магистр, – в последний миг вспомнил Грегор о рангах, – что вы здесь делаете?

Густые черные брови Роверстана взметнулись в притворном, конечно, недоумении.

– А я должен перед вами отчитываться... мэтр?

Он пару мгновений смотрел на кипящего от ярости Грегора, потом слегка усмехнулся в усы и безмятежно сообщил:

– Представьте себе, даю урок. Это место, если вы, дорогой коллега, не заметили, нарочно предназначено для данных занятий.

«Дуэли запрещены, – напомнил себе Грегор, не успокаиваясь, но и не позволяя гневу взять верх над разумом. – А Роверстан от них всегда уклонялся, так что же он теперь... Нельзя срываться, нельзя... Ты же не уступишь простолюдину?»

– О, это я заметил, – бросил он холодно. – Правда, не представляю, зачем благородное искусство фехтования именно вам? Белой гильдии, говорят, хватает отточенного разума? А лично вы и вовсе прославились другими... достоинствами... – с наслаждением вспомнил он нечаянную остроуту девчонки Ревенгар, по невинности даже не понявшей, как метко она уязвила Белого магистра.

Но Роверстан, вместо того чтобы оскорбиться, снова усмехнулся и напоказ отвернулся от Грегора, наблюдая за другим краем площадки, где носился черно-белый вихрь с проблесками рыжего.

– Кстати, – не удержался Грегор, смотря туда же, – не опасаетесь, что вам эти достоинства как-нибудь в темном переулке обломают пополам? Чем тогда будете поражать, магистр?

– О, поверьте, – рассеянно отозвался Роверстан. – Даже лишившись половины, я вполне обойдусь оставшейся. Хватит, знаете ли, и длины, и умения. А вы, мэтр, уж не хотите ли проверить, как я управляюсь... с клинком? Весьма неожиданные... вкусы.

– Вы... – яростно выдохнул Грегор, сжимая ладонь и почти чувствуя в ней не существующий эфес. – Будь вы дворянином, я бы вас вызвал!

– Для этого одному из нас пришлось бы покинуть Академию, – невозмутимо сообщил Роверстан. – Чего лично я делать не собираюсь.

– Прячетесь за Кодекс?

– При моем росте прятаться за что-то? Совершенно безнадежное занятие. Но знаете, дорогой Грегор...

Он наверняка увидел, как Грегора передернуло от такой фамильярности, но с тем большим удовольствием продолжил, слегка понизив голос:

– Пожалуй, я бы исполнил ваше давнее желание и согласился на дуэль. Не на шпагах, разумеется, и не магией – преподавателям не к лицу нарушать правила, соблюдения которых мы требуем от адептов...

– На чем? – нетерпеливо бросил Грегор, с трудом отводя взгляд от Ревенгар.

Девчонка устала носиться, присела на скамью и выбирала из шерсти умертвия репья, уложив лохматую голову себе на колени. До двух стоящих почти плечом к плечу и смотрящих в ее сторону мужчин ей не было никакого дела. И хвала Претемной за это – не хватало еще впутать ребенка.

– На остротах, – улыбнулся Роверстан, и Грегор вдруг понял, что разумник взбешен не меньше него самого, только скрывает это лучше, но голос слишком низок и тягуч. –

Правда, боюсь, на подобную дуэль вы тоже придете безоружным.

Он отступил на шаг, указал взглядом на пустой пояс Грегора, подхватил рапиру и одним движением ловко вбросил ее в крепления на щите. Безупречно небрежным движением... А потом покосился на Грегора и добавил с издевательской учтивостью:

– Какое счастье, милорд, что с фраганцами вы воевали не своим остроумием, а другим оружием, более вам свойственным. Страшно представить, что бы иначе случилось с Дорвенантом. Мое почтение.

Несколько мгновений Грегор, стиснув зубы, смотрел в удаляющуюся спину, обтянутую светлой рубашкой, и ненавидел изо всех сил. Позволь он себе хоть часть этой ненависти выпустить, Роверстан бы и до утра не дожил. Но Бастельеро не убивают в спину. Поэтому проклятый разумник ушел, а Грегор заставил себя проглотить горячий колючий ком так и не сорвавшегося с губ проклятья и подумать о том, что здесь только что произошло.

Глава 10. Кровь на снегу

– На три счета, милорд и миледи, с самого начала!

Мастер Эварист, учивший еще их отца и специально вызванный из Дорвенны, чтобы отшлифовать танцевальное искусство молодых Вальдеронов, оправил кружевные манжеты с таким небрежным изяществом, что Аластор снова молча позавидовал. Вот у него жесты никогда не выходят плавными и словно бы нечаянными. Даже поклон слишком резкий и быстрый, а уж такие мелочи...

– Не отвлекайтесь, юный лорд! – строго напомнил мастер Эварист. – Раз-два-три...

Первый тур пазраны прошел... да что там, отлично прошел! Только музыки не хватало, да и Семеро с ней, с музыкой! Столица! Они скоро едут в столицу! Там музыки будет сколько угодно! Балы, парки, новые знакомства... И девушки, конечно же, девушки! В крови будто кипело холодными пузырьками игристое фраганское вино, радость переполняла, требовала выплеснуть ее немедленно! Аластор так развеселился, что вместо положенного в конце плавного полуоборота закружил сестру по танцевальному залу.

Раза в два быстрее, чем нужно.

За что и поплатился.

Мэнди с размаху наступила ему на ногу. А потом и на вторую! Аластор даже зашипел чуть слышно: Мэнди, даром, что на год младше, весила никак не меньше, чем он сам.

А может, уже и побольше.

И зачем только матушкины подруги рассказали, что при дворе сейчас в моде формы?

Мэнди теперь чуть ли не одни булочки с кремом ест, хочет быть красивой к тому времени, как ее вывезут в столицу.

Любопытно, а если каждый день ей говорить, что она уже самая красивая – это поможет?

– Ну хватит, хватит, вы уже долго танцуете! Моя очередь! – завопила Лоррейн и нетерпеливо притопнула каблук.

Аластор представил, как на его и без того пострадавшие ноги обрушивается этот каблук, и мысленно застонал. Булочки с кухни Мэнди и Лоррейн таскали вместе и формы наедали тоже вместе, это было единственное, ради чего милые сестрички, вечные соперницы, единодушно объединились.

– Нет, моя! Мы еще не дотанцевали!

– Юные леди, немедленно успокойтесь! – вмешался мастер, и Аластор почувствовал к учителю горячую благодарность.

Не хватало еще, чтобы сестры разругались. А то и подрались, не приведи Пресветлый! Они могут. Эварист сурово взглянул на притихших девиц и продолжил:

– Второй тур, и, лорд Аластор, прошу вас – без импровизаций! Итак – раз-два-три...

Аластор мысленно тяжело вздохнул, становясь в позицию и поправляя руку сестры – опять она в него вцепилась! Для кого, интересно, мастер все время повторяет, что рука леди во время танца должна изящно лежать на предплечье партнера, а вовсе не сползать с одного и, тем более, его не стискивать?

Дверь танцевального зала открылась без скрипа, только у самого пола потянуло сквозняком, и мастер Эварист недовольно оглянулся – он терпеть не мог, когда занятие прерывали.

Но, увидев в дверях камердинера отца, промолчал. Только недовольно поджал губы.

– Лорд Аластор, ваш отец хочет вас видеть! – изрек камердинер и коротко, извиняясь, поклонился мастеру.

А потом вышел и так же тихо прикрыл за собой дверь.

Мастер Эварист тяжело вздохнул и хлопнул в ладони.

– Милорд, миледи, на сегодня урок окончен, можете быть свободны. Но завтра занимаемся на час дольше! Ваши успехи совершенно неудовлетворительны, вы же не хотите в столице выглядеть провинциальными невежами?

– Благодарю, мастер! – выпалил Ал, отцепил руку сестры и тоже вежливо поклонился наставнику.

А выйдя из танцевального зала, помчался к малому кабинету отца.

Пронесшись через учебное крыло, холл и взлетев по лестнице на второй этаж, Аластор остановился в охотничьем зале, уставленном трофеями нескольких поколений его предков. Кабинет – сразу за ним, нужно же привести себя в порядок! Хотя бы отдышаться, и... и волосы наверняка всклокочены после танцев! Как ни стягивай их в хвост, как ни убирай под бархатную ленту, непослушные светлые лохмы так и норовят растрепаться. Хорошо, что Мэнди и Лоррейн унаследовали золотистые локоны матушки, которые укладываются по одному взмаху гребня. Да-а-а... волосы – это все, что его в сестренках есть послушного! Аластор бросил взгляд на кабанью морду, укрепленную на стене, трофеем с предпоследней охоты. Кабан распялил пасть и, казалось, нагло ухмылялся. В полированной металлической пластине с гравировкой, прибитой чуть ниже кабана, отразился он сам, раскрасневшийся и в самом деле взъерошенный. И с завернувшимся воротником. Совершенно неприличного вида мальчишка, ничего общего не имеющий с тем, как должен выглядеть наследник Вальдеронов.

Аластор глубоко вздохнул, попытался ладонями пригладить волосы... И замер – из кабинета отца донеслись голоса. Как же там кричат, что слышно даже через дверь? Он подкрался поближе к кабинету – и остановился у сторожащего дверь чучела сидящей рыси. И вовсе не для того, чтобы подслушать! Это недостойно дворянина, разумеется! Просто... ну просто отец же пока занят? Прерывать его – неучтиво, а вот подождать... совсем немного подождать! Можно даже немного прислониться к стене и отдохнуть от урока. А то, что так происходящее в кабинете слышно намного лучше, это чистая случайность! И вообще он слушает лишь для того, чтобы понять, когда же можно постучаться?

Внутренний голос с отчетливыми отцовскими интонациями сообщил, что обманывать себя так же недостойно, как подслушивать, притом еще и глупо. Аластор виновато вздохнул, но... Голоса были ему знакомы! И никогда, ни разу за всю его жизнь он не слышал, чтобы родители так разговаривали друг с другом. Отец, бывало, проявлял суровость к нему, сестрам или слугам, но только не к матушке! Так что же там...

– ...Мы едем в столицу всей семьей. Это не обсуждается, – отрезал отец тем самым тоном, который означал, что его терпение вот-вот закончится.

– Ты не понимаешь! – Женщина всхлипнула, и Аластор вздрогнул. Да, он не ошибся, это точно матушкин голос! Но такой дрожащий, срывающийся на слезы, что и не узнать! – Ты не понимаешь, насколько это опасно! Мы не можем, не можем взять Аластора с собой, они слишком похожи! Все увидят...

Аластор едва не выдал себя, завопив от возмущения. Как это – вся семья собирается в столицу, а его не берут?! Ладно еще в детстве, но сейчас, когда он уже почти взрослый мужчина?! И только потому, что он на кого-то там похож?!

– Шестнадцать лет прошло, – бесконечно устало ответил отец. – Шестнадцать лет ты не выезжала. О нас давно забыли, Дженни.

– Вспомнят, как только увидят их рядом! Она вспомнит точно, а он...

– Глупости. За семнадцать лет он, полагаю, сильно переменялся. – Отец умолк, ползаскрипел, и Аластору живо представилось, как отец ходит по кабинету туда-сюда, заложив руки за спину, как обычно, когда что-то его волновало. – Дженни... – Он замолчал, потом вдруг нерешительно и быстро, будто боясь передумать, спросил: – Ты по-прежнему его любишь? Если да, я пойму...

– Нет! – вскрикнула матушка, и замершее было сердце Аластора забилося вдвое быстрее. – Но я боюсь, вдруг он прикажет....

– Не прикажет, – возразил отец, и в его голосе звучало уже только облегчение. – Я верю в его благородство. Не бойся ничего, любовь моя...

В кабинете замолчали, и Аластор торопливо отступил от стены, чувствуя, как сердце молотит в груди. Кажется, уже пора показаться! А потом нужно будет непременно узнать, кто такие эти «он» и «она», которых так боится матушка. Если отцу понадобится помощь, чтобы защитить их семью, Аластор должен быть готов!

Он нарочито громко потопал на месте, а затем и постучал в дверь кабинета. Толкнул ее и поклонился родителям, сидящей в кресле матушке, явно только что утиравшей слезы, и стоящему за спинкой ее кресла отцу.

– Милорд, миледи, доброго дня. Вы хотели меня видеть?

– Да, мой мальчик, – улыбнулся отец, и Аластор вдруг подумал, что эта улыбка далась ему не без труда. – Через два дня мы выезжаем в столицу. Твоим сестрам пора искать подходящие партии, а я должен представить королю моего наследника.

* * *

На старом кладбище, принадлежащем Академии и примыкающем к ее стенам вплотную, было непривычнолюдно. Столпившихся вокруг чьей-то могилы магистров Грегор увидел от самых ворот. Трудно не заметить почти полную радугу, вот разве что белой мантии не хватало. Даже странно, почему бы?

Ну и что там могло произойти, что потребовало его присутствия? Что вообще могло случиться такого, что семь сильнейших магов Ордена, а значит, и всего мира, собрались ранним зимним утром на крошечном, безупречно ухоженном и упокоенном кладбище, где по определению должно быть тихо и безопасно, как в главном зале Академии?

Грегор подошел поближе, поклонился магистрам, пробежал взглядом по их лицам: сосредоточенно отрешенному – у Адальреда, обескураженному – у Райнгартена, непривычно серьезному – у Волански... Хотя нет, он слегка ошибся. Уинн отсутствует, а мэтр Эддерли прислал заместителя. В этом нет ничего странного, старик Денвер не уступит, пожалуй, и главе гильдии, не зря ведь уже лет двадцать возглавляет службу безопасности Ордена.

Мэтр Бреннан, временно принявший пост главы Зеленой гильдии, смотрел в сторону, и у Грегора неожиданно болезненно потянуло шрам от той стрелы, а по спине пополз холодок, и совсем не от пронизывающего ветра.

– Что случилось? – сухо от нахлынувшего вдруг дурного предчувствия спросил он.

Магистры молча посторонились, стараясь не встречаться с ним глазами, и трогаящая когтистой лапой за сердце тревога уже не заскулила, а взвыла, предупреждая о чьей-то близкой смерти. «Уже случившейся смерти», – бесстрастно отметил Грегор, делая шаг вперед.

Траву, слегка заиндевевшую от ночных заморозков, но еще не засыпанную снегом по-настоящему, пятнала побуревшая уже кровь.

Мальчишка лежал на спине, запрокинув голову и слепо глядя в низкое хмурое небо.

Тускло-рыжие волосы слиплись, искаженное лицо посерело, будто припорошенное пылью, от форменной темной мантии с фиолетовой отделкой остались только обрывки, бесстыдно обнажающие окровавленное тело, но собственного ученика Грегор узнал бы и вовсе без мантии. Мальчишка-простолудин, один из двух...

Нестерпимо захотелось выругаться: едва ли не в центре столицы, на кладбище Академии, кто-то убил адепта – его, Грегора, ученика!

Нет...

Если бы мальчишку просто убили, некротической силой залило бы все кладбище, а здесь – ни следа. Грегор прикрыл глаза, внутренним зрением рассматривая нити... Да, пусто, абсолютно пусто, словно... словно кто-то их стер. Или впитал!

– Это было жертвоприношение, – заключил он, открывая глаза и морщась: голос звучал глухо и надтреснуто, в висках закололо. – Но...

Он скользнул взглядом по несчастному мальчишке, ища если не подсказку, то хотя бы намек на нее, хоть какие-то следы! И, наконец, понял, что показалось ему странным.

Слишком уж ровные бурые потеки очерчивали на траве и земле восьмилучевую звезду. Восьмилучевую!

– Призыв был обращен к силам не нашего мира, а Запределья, – закончил Грегор так же сухо. – Следов убийца, кто бы это ни был, не оставил. Но я не знаю ритуала, который требовал бы не только смерти, но и мучений жертвы. Возможно, кто-нибудь из историков?.. – Сейчас придет, – быстро и без обычного своего шутовства откликнулся Волански, глядя на жертву удивительно осмысленными глазами.

«Послали за нами, должно быть, одновременно. Ну и где историк? Распустились все!

Бардак у них неслыханный в Академии», – зло подумал Грегор, отводя глаза от жертвы.

И тут же увидел спешащего к ним историка. Точнее, разумника! «Вот уж помяни Баргота!

Только его тут и не хватало!» Ну да, именно этот разумник ведет историю Ордена, но... что он может знать о древних ритуалах, тем более некромантских?!

– Прошу прощения за задержку, коллеги, вел опрос... – начал Роверстан еще шагов за пять... и умолк.

Подождал ближе, нахмурился, кивнул Грегору:

– Прошу прощения, мне нужно осмотреть...

Грегор молча посторонился. Роверстан опустил на колено перед телом, не обращая, кажется, никакого внимания, что полы его мантии стремительно утрачивают белизну. Нахмурился еще сильнее, зачем-то раздвинул обрывки мантии на мальчишечей груди... Всмотрелся, мазнул пальцами по телу, глянул куда-то в сторону и сдавленно кашлянул. Грегор с мстительным удовольствием увидел, как смуглая кожа разумника становится оливково-зеленоватой.

Роверстан поспешно поднялся на ноги и вытащил из кармана платок. Белый, разумеется. Прижал к лицу, дважды глубоко вдохнул, убрал и лишь тогда повернулся к магистрам.

– Боюсь, коллеги, это был ритуал поклонения Барготу.

Его слова упали в мерзлую тишину кладбища, как камень в озеро. Тихо и зло выругался Кристоф, мэтр Бреннан пробормотал себе под нос что-то совершенно неприличное для целителя, Волански издал скрипучий, несколько истерический смешок, Райнгартен побледнел и бросил отчаянный взгляд – почему-то на Грегора...

И только мэтр Денвер, мастер старой школы, бросил острый взгляд на разумника и хладнокровно уточнил:

– Вы уверены в своих предположениях... магистр?

– Настолько, насколько вообще можно быть уверенным в том, чего никогда не видел своими глазами! – огрызнулся разумник, снова уткнулся в платок и через мгновение спохватился. – Простите, коллега... полной уверенности, разумеется, нет. Но многое указывает именно на это. Восьмиконечная звезда вызова, для начала. И сегодня – восьмой день зимы. Вам напомнить, чье это священное число? Кроме того, я ведь не ошибаюсь, юношу уложили на землю те, кто его нашел? Полагаю, сначала тело висело вон на тех... кольях?

Разумник кивнул на острые железные прутья оградки, тоже окровавленные, и Грегор молча, но яростно выругал себя за невнимательность. По сторонам нужно было смотреть, по сторонам!

– И характер раны, – заключил Роверстан. – Тело взрезано от горла до паха, сердце отсутствует. Печень и прочие органы, однако, на месте, насколько я мог... судить. А вырезанное сердце – ярчайший атрибут культа Баргота... прошу прощения, коллеги, я вынужден... отойти...

«Сразу видно, Белый, – с вялым злорадством подумал Грегор, провожая взглядом разумника, отошедшего в сторону с непростой поспешностью. – На войну бы тебя...» Мысль промелькнула – и сгинула. Потешаться над коллегой, пусть и другой гильдии, не слишком достойно. Тем более сейчас, когда и другим магистрам, кажется, нехорошо.

– Жертвоприношение Барготу... – недоверчиво пробормотал мэтр Денвер, тоже проводив Роверстана брезгливо-недоуменным взглядом. Тяжело вздохнул и покачал головой. – О служителях Баргота не слышали уже... сколько, лет сто? Откуда бы им взяться... Впрочем, кто бы это ни сделал, мы его отыщем. Грегор, мальчик мой, не согласитесь ли вы расспросить юношу? Возможно, он видел лица... хм... жрецов? Или, по крайней мере, сможет объяснить, что он делал на кладбище? Я бы и сам попробовал, но раз у нас теперь есть вы, окажите любезность.

«А сам я, конечно, в жизни не догадался бы! – подумал Грегор с досадой. – Интересно, старик и в самом деле считает, что без его ценнейших указаний никто не знает, что ему делать? Или это у него профессиональное? Когда столько лет имеешь дело с адептами, среди которых большинство – редкие тупицы...»

Он жестом попросил магистров отойти подальше, встал у нижнего луча звезды и задумчиво посмотрел на мальчишку.

«Будем надеяться, что-то он все-таки запомнил. Еще лучше – если кого-то узнал, кого-то, кто заманил его на это проклятое кладбище. Впрочем, на это надежды почти нет...»

В любом случае, сейчас мы все выясним. Ну что же, приди на мой зов, как там тебя...»

Мысль обдала холодом: имя мальчишки вылетело из памяти. Напрочь. Как, впрочем, и имя второго простолюдина – их всего-то было двое на его курсе. Грегор лихорадочно

попытался вспомнить: неаккуратно стриженные ржаво-рыжеватые волосы, мятая мантия, незапоминающееся лицо, какая-то угодливая, вечно виноватая улыбка, сразу выдающая простую кровь... Проклятье! Извольте видеть – мэтр-командор Дорвенанта забыл имя собственного ученика только потому, что тот не благородного происхождения! А ведь там, на границе, он помнил – до сих пор помнит – каждого армейского мага в лицо и по имени, и не все, вовсе не все они были дворянами...

«Болван, – яростно подумал Грегор. – Барготов надменный ублюдок! Вот так узнаешь себе цену, и цена эта – ломаный медяк! Спросить у кого-то – сгорю от стыда... И все-таки, как же тебя зовут, мальчик?»

– Кирк, – негромко вздохнул за спиной Роверстан. – Кирк Донелли. Хороший парнишка, старательный...

Кровь бросилась в лицо. Трижды проклятие и позор тебе, мэтр-командор Бастельеро!

Какой-то разумник...

Усилив волю усмирив накативший гнев на самого себя, Грегор прикрыл глаза.

«Приди на мой зов, Кирк Донелли».

Призыв пропал втуне. Растворился в вязкой промозглой тишине. Ни эха, ни следа, и вложенная сила ушла в никуда, будто кладбище поглотило ее, всосало, как сухой песок – влагу.

Но призрак не может не явиться на зов Избранного Претемной, особенно если Избранный стоит над его телом! Нет, может, если...

Грегор коротко выдохнул. Плохо. Очень плохо. Безумно плохо! И как бы он хотел ошибиться... Он, Грегор Бастельеро, с наслаждением признал бы себя болваном, докажи ему кто-нибудь его неправоту. Но если призрак не явился, это означало только одно.

– Обряд проводил некромант, – бросил он, отступая на шаг и оборачиваясь к магистрам. – Сильный и опытный. Он дождался, пока жертва истечет кровью, и отправил душу в Сады Претемной. Тут мы ничего не узнаем.

– Некромант – и жертвоприношение Барготу? Невозможно! – фыркнул мэтр Денвер, и копившаяся в душе Грегора ярость наконец взбурлила и выплеснулась наружу.

– Это был некромант, – отчеканил он, глядя в выцветшие глаза темного мастера. – Настолько сильный, чтобы проводить душу в Сады Претемной сразу после смерти. Настолько опытный, чтобы провести подобный ритуал незаметно даже для меня. И настолько дерзкий, чтобы принести жертву рядом с Академией! Кстати, куда смотрели горгульи?!

«И в самом деле, – спохватился Грегор тут же. – Сторожевые горгульи на стенах Академии должны были поднять тревогу, так в чем же дело? Нет, я все-таки болван, прав был Малкольм...»

– Горгулий зачаровали, – хриловато, словно спросонья, откликнулся Адалфред. – Интереснейшая методика, скажу я вам, похоже на перенастройку сигнальных артефактов. Хм...

Он пробормотал что-то еще, говоря все тише и тише, а потом принялся тростью чертить в пыли какие-то схемы.

«От этого толку не добьешься, – зло заключил Грегор. – Впрочем, кое-что важное он все-таки сказал. Надеюсь, не один я это услышал!»

– Мэтр Денвер, если горгулий зачаровали, то этот некромант неплохо разбирается в артефактах. Или же у него был сообщник из Синей гильдии.

– Заговор внутри Ордена? Грегор, мальчик мой... – Старик, кажется, хотел сказать что-то еще, но взглянул на Грегора и передумал. И правильно сделал! – В любом случае, мы разыщем того, кто это сделал.

«Клянусь Претемной, этот кто-то горько пожалеет о том, что поднял руку на моего ученика. Кем бы он ни оказался! Да хоть из Трех дюжин – я у него сам сердце вырежу!»

– Что мы скажем адептам? – впервые за все утро тихо спросил мэтр Бреннан.

Голос старого целителя звучал тускло и безжизненно.

Мэтр Денвер пожал плечами.

– Объявим, что семья юноши получила наследство и уехала... да хоть в Итлию! А сам он перешел на домашнее обучение. Вопрос с семьей мы, разумеется, уладим. Надеюсь, дорогие коллеги, вы все понимаете, что о жертвоприношении никто не должен знать?

«Никто не должен?» – молча поразился Грегор, глядя, как кивают Бреннан, Волански, Райнгартен... Роверстан задумчиво хмурился, и Грегор от души понадеялся, что хотя бы у разумника хватит здравомыслия возразить. Он бы ему многое простил за такой подарок! Понадеялся зря – Роверстан, хоть и нехотя, кивнул.

– Что за чушь? – спросил Грегор, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. – Если речь идет о жрецах Баргота, нужно немедленно сообщить Его Величеству, поднять стражу, лейб-гвардию, в конце концов, пока эта ядовитая плесень не расплзлась по всему Дорвенанту!

Мэтр Денвер досадливо нахмурился, смотря на него, как на юного несмышлениша.

– Грегор, дорогой мой! Совершенно незачем вмешивать его величество в дела Ордена. Мы найдем и покараем отступников сами. Подумайте, чего вы добьетесь оглаской? Недоверия к магам? Паники в городе, не говоря уже об Академии? Беспорядков на улицах? Да и что обычная городская стража может противопоставить не менее чем двум, осмелюсь предположить, сильным и опытным магам? Да они наших адептов боятся, если тем случится загулять в трактире!

Грегор дернул углом рта. Старик был прав почти во всем! Вот только что-то мешало согласиться с его правотой. Может быть, странная уверенность, что изловить отступников будет куда сложнее, чем думает темный мастер? В конце концов, неизвестно, сколько времени им удавалось скрывать свое существование! Нет ничего хуже неизвестного врага у тебя в тылу, а это – неизвестный враг в самом сердце Дорвенанта!

– Сколько человек? – процедил Грегор, едва сдерживаясь, чтобы не высказать все это в выражениях, недостойных ни дворянина, ни преподавателя, зато очень подходящих офицеру. – Сколько еще человек должны будут погибнуть, прежде чем Орден решит, что просить помощи все-таки нужно? И не окажется ли тогда поздно – просить о помощи? «Защищать простых людей – есть право и долг мага» – не так ли? Магистр Кристоф, это ваши слова!

Пожилой боевик гневно сверкнул глазами, но промолчал. Мэтр Денвер устало вздохнул: – Мальчик мой, вы излишне драматизируете. Маги должны защищать людей и от их собственной глупости! Расскажите его величеству – и через час о случившемся будет знать весь дворец, через день – вся столица, а через неделю – и весь Дорвенант! И кто может сказать, какими подробностями обрстет произошедшее? – Пожилой некромант все повышал и повышал голос. – Через месяц, а то и два, чернь будет говорить, что все маги – отродья Баргота! Грегор, я понимаю ваш порыв, но вы в первую очередь маг и только потом – дворянин и офицер, не забывайте об этом! Вы давали присягу Ордену, и интересы Ордена требуют, чтобы вы молчали.

Повисла тяжелая душная тишина. Магистры упорно отводили глаза. На Грегора смотрел только мэтр Бреннан – горьким, тоскливым, все понимающим взглядом. У него, простолюдина и обычного мэтра, хоть и заслуженного лекаря, руки тем более были связаны.

– Если этого требуют интересы Ордена, – уронил Грегор наконец, – то я вынужден подчиниться.

Старый некромант благосклонно улыбнулся, и Грегор не отказал себе в удовольствии стереть эту улыбку.

– Но погиб мой ученик, и я настаиваю... нет, я требую, чтобы мне сообщали о результатах поисков!

Мэтр Денвер укоризненно покачал головой. Снова вздохнул.

– Бессмыслица. Но я вас понимаю, мальчик мой. А теперь ступайте, у вас, кажется, вот-вот начнется лекция. И вам, коллеги, тоже лучше удалиться, с бедным юношей нужно будет поработать иллюзорникам. Не показывать же его семье... это.

«Отослал, как мальчишку-первокурсника! Проклятье! Тысячу раз проклятье!» – вскипел Грегор. – Можно родиться Избранным Смерти, можно стать самым молодым главнокомандующим в истории Дорвенанта и блестяще выиграть войну! Можно... да что угодно можно сотворить, но для тех, кто помнит тебя в ученической мантии, ты всегда будешь «мальчик мой», и никто из них не поверит, что можешь быть прав ты, а не они!» Изнывая от болезненной злости, он все-таки не стал спорить. Коротко поклонился и пошел прочь, едва сдерживаясь, чтобы не печатать шаг. Отступление. Это не поражение в войне, а

всего лишь отступление после первого проигранного боя. Если Денвер не найдет убийц, Грегор сам возьмется за поиски. Собственно, что мешает подумать об этом прямо сейчас?! И еще одно...

Он прикусил изнутри губу, заставляя себя сосредоточиться. Предупреждать адептов нельзя, Баргот побери этих осторожничающих мерзавцев из Совета. Но с этого дня хотя бы своим, тем, кто ходит к нему на факультативный курс, он будет давать как можно больше боевых приемов. И заставит отточить их до полного совершенства! Ах, проклятье...

Ревенгар слишком юна и почти беззащитна. Даже это ее умертвие не сопровождает хозяйку постоянно. Остается надеяться, что даже барготопоклонники не рискнут связаться с леди из Трех дюжин – это вам не простолюдин, чью смерть так легко скрыть. Хм... А не попросить ли юных Эддерли и Аранвена присматривать за девочкой? И у них будет меньше времени на шалости, которыми уже прославился сын магистра, и любой, кто попробует приблизиться к Ревенгар, окажется на виду, а два лучших адепта Фиолетового факультета могут постоять за себя и соученицу. Да и Роверстану, скажем прямо, возле юной леди станет решительно нечего делать!

Часть вторая «Падчерица смерти»

Глава 1. Барготов день

Одеяло соскользнуло на пол, и Айлин тут же села на постели, зябко обхватив себя руками за плечи: снова Иоланда мазалась какими-то вонючими алхимическими кремами, потом приоткрыла окно, чтобы проветрить, и комнату мгновенно выстудило. Да уж, тепло ушло, а вот запах так и остался, наводя на мысли о вазе, в которой засохли цветы и застоялась вода. Гадость какая!

А одеяло, оказывается, стянул Пушок. Разбудить он ее, что ли, пытался?

Айлин бросила взгляд на окно, в которое заглядывало еще низкое, бледное зимнее солнце, и едва не застонала. Проспала! Проспала все на свете, и вот-вот начнется боевая некромантия у особого курса, а мэтр Бастельеро терпеть не может опозданий! У-у-у-у, правду говорят, что восьмой день зимы – невезучий! День Баргота, когда его демоны так и норовят подстроить какую-то пакость, порадовать хозяина.

Вскочив, она в одной ночной рубашке и босиком заметалась по комнате, пытаясь одновременно найти гребень, ленту, одежду, в конце концов! Иоланда, сидящая у туалетного столика, невозмутимо наводила красоту, расчесывая белокурые волосы и тихо считая взмахи щеткой. «Семьдесят пять, семьдесят шесть...» – расслышала Айлин. Везет соседке, у нее лекции начинаются на час позже! Вполне можно расчесаться сто раз, как положено благовоспитанной леди.

Но вот странность! Иоланда, утром обычно сосредоточенная только на зеркале, сегодня то и дело поглядывала на Айлин! И улыбалась так довольно, будто ей сделали приятный подарок!

«Интересно, что с ней не так? – промелькнула мысль. – Или со мной не так? Ах, да какая разница, главное, не опоздать!»

Скинув ночную рубашку, она быстро натянула свежее белье, укороченную мантию и все еще непривычные штаны, торопливо плеснула в лицо воды над умывальником. Щетка наконец нашлась, Айлин торопливо пригладила ей волосы – причесаться как следует, времени уже совсем не оставалось! – и быстро-быстро заплела косу. Наверняка криво! Ну и ладно, переплести можно после уроков!

Схватив собранную еще вечером сумку, она побежала к двери и уже в двух шагах от нее нечаянно бросила взгляд в большое ростовое зеркало, подаренное Иоланде родителями на первый день зимы.

И обмерла.

В зеркале отразилось чудовище.

Самое настоящее чудовище с торчащими из криво заплетенной косы волосами, круглыми, как плошки, глазами и жуткой, просто кошмарной мордой, сплошь покрытой безобразными красными прыщами!

Нет, быть такого не может, чтобы это оказалось ее отражение!

Айлин в ужасе прижала ладони к щекам – чудовище в зеркале повторило ее жест и еще сильнее вытаращило глаза.

О Претемная, да что же это такое?!

Она попятилась от двери. С таким лицом нельзя, просто нельзя выходить из комнаты!

Правда, мэтр Бастельеро будет недоволен и наверняка назначит какое-нибудь наказание, вроде четырех часов на кухне... И пусть, пусть! Все равно с таким лицом Айлин из комнаты ни за что не выйдет!

А вдруг оно останется таким навсегда? О нет, только не это! Благие Семеро, сохраните!

Нет, нужно хотя бы попасть к целителям, вдруг это какая-то болезнь? Но ведь ее обязательно кто-нибудь увидит по дороге!

Она представила десятки, да что там – сотни насмешливых взглядов, хихиканье в спину и в лицо, откровенные издевки, если навстречу попадутся Ида с Леонорой... Невозможно!

Вот если бы можно было как-то спрятать... или замаскировать...

Замаскировать...

Айлин отвернулась от зеркала и с отчаянием уставилась на уже неприкрыто улыбающуюся Иоланду.

«А что, если это она?! Навела иллюзию и... и... Да нет, не может быть! А вот скрыть этот ужас иллюзия наверняка может! Если только... если только Иоланда согласится помочь! Но...»

При мысли о том, что придется просить помощи у Иоланды, внутри что-то противно екнуло, но Айлин стиснула зубы и постаралась обуздать не вовремя проснувшуюся гордость. Не до нее сейчас! Не постыдно просить помощи, если не справляешься, постыдно – отказать, если тебя просят, это сам мэтр Бастельеро говорит!

И пусть, пусть Иоланда насмехается, сколько хочет, лишь бы помогла!

– Иоланда, – шепнула она сдавленно. – Помоги, пожалуйста. Мне... ты же можешь наложить на меня иллюзию? Чтобы к целителям... Пожалуйста!

Иоланда расплылась в совершенно счастливой улыбке.

– К целителям? Так иди, Ревенгар, иди! Зачем тебе иллюзия? Тебя и так никто не узнает!

Главное, боевикам не попадайся, а то вдруг решат, что упырь из музея сбежал!

Айлин закусила губу, еле сдерживаясь, чтобы не вспылить. Ну почему Иоланда такая противная? Вот если бы ей понадобилась помощь, Айлин бы помогла! И издеваться бы не стала, вот!

Но пусть. Пусть! Слова – пыль, главное – дела!

– Пожалуйста, – повторила Айлин, ненавидя себя за то, что голос звучит жалобно и беспомощно, совсем недостойно некромантки! И боевички тоже! Не говоря уж о леди Ревенгар.

Иоланда откинулась на спинку стула и манерно прикусила мизинец с длинным холеным ноготком, словно бы в глубокой задумчивости.

– Ну допустим... – протянула она. – Допустим, я тебе и помогу. И какую же иллюзию наложить? Может быть, шерсть? А?

Ну это уж слишком! И так плохо, а тут еще это...

Айлин усилием воли заставила себя склонить голову и так вежливо, что учитель этикета не нашел бы, к чему придраться, проговорить:

– Прости, что побеспокоила. – И, все-таки не удержавшись, добавила: – Благодарю за помощь и урок!

И с размаху села на кровать, подтянув колени к груди и обняв их руками. Пушок тут же вылез из-под кровати, встряхнулся, положил на покрывало морду и сочувственно ткнулся носом в ее ногу. Он готов был защищать ее от всего на свете, даже от демона, если бы тот явился лично, но тут ничем помочь не мог.

– Пф! Ну и наду-улась... – лениво протянула Иоланда. – Гляди, не лопни! А если я помогу... – добавила она так интригуяюще, что Айлин даже подняла голову и посмотрела на соседку.

На лице Иоланды мешались предвкушение и жадность, и... что же такое она хочет сказать?

– Если ты поможешь? – безрадостно уточнила Айлин.

– Что ты мне дашь, если я тебе помогу?

Айлин моргнула. Сейчас она, кажется, отдала бы за помощь что угодно! Ну, кроме Пушка, но вряд ли Иоланда хочет попросить его? Она вообще до сих пор его боится...

Но, кроме Пушка, у Айлин, кажется, нет ничего, что стоило бы просить...

– А... что ты хочешь?

Нежный пальчик Иоланды, блеснув колючком, указал на так и лежащие на тумбочке фраганские журналы.

Ох! И только-то? Да Айлин бы и так поделилась, если бы кое-кто просто попросил! А уж теперь и вовсе...

– Да, конечно, – заторопилась Айлин, боясь, что соседка передумает. – Бери!

– Насовсем! – предупредила Иоланда и даже подалась вперед, ожидая ответа.

Айлин замешкалась. Журналы она уже просмотрела и отдала бы их без раздумий! Но ведь это подарок тети Элоизы...

В глазах Иоланды мелькнуло нетерпение, и Айлин уже почти собралась согласиться: добрая тетюшка Элоиза наверняка не обиделась бы, узнай она, почему племянница снова не уберегла ее подарок – и тут в дверь требовательно забарабанили.

Иоланда недоуменно заморгала.

– Кто это?

– Не знаю, – шепотом откликнулась Айлин и тоже посмотрела на дверь с подозрением.

– Ревенгар! – воззвал за дверью веселый голос Саймона. То есть адепта Эддерли. – Эй, Ревенгар! Айлин! Открой, мы тебе что-то принесли! А потом вместе пойдем на боевую! Иоланда поспешно зажала рот руками, но Айлин все равно услышала сдавленное хихиканье. Вот ведь вредная особа!

– Да открой же, опоздаем! Мэтр Бастельеро нам тогда такое устроит!

– Нет! – отчаянно выкрикнула Айлин. Не хватало еще, чтобы из-за нее наказали совершенно ни в чем не виноватого Саймона! – Я... я не могу открыть! Я приду сама!

Потом!

Саймон перестал барабанить, и Айлин уже понадеялась, что староста все-таки ушел – и пусть, пусть Иоланда забирает журналы и замаскирует, наконец, эти гадкие прыщи! – но тут за дверью кто-то яростно зашептался, а потом снова раздался заинтересованный голос Саймона:

– Почему не можешь? Вы там что, не одеты? Так мы готовы помочь!

Возмутительный, совершенно неподобающий вопрос! И все же злиться или обижаться на Саймона просто невозможно, настолько мило и обаятельно у него получаются даже непристойные шутки!

– Нет-нет! Просто... просто не могу! Идите же, уходите!

Голос все-таки предательски сорвался на всхлип.

– Не понял... – протянул Саймон за дверью и снова с кем-то яростно зашептался.

А потом дверь распахнулась.

Иоланда завизжала, а Айлин торопливо вскинула ладони к лицу, надеясь спрятать кошмарное непотребство.

Саймон в три шага оказался рядом, поймал ее запястья и мягко отвел ладони от лица.

Длинно присвистнул.

– Какая прелесть!

Айлин, в первый миг едва не завопившая от возмущения, онемела. Саймон ведь не может издеваться над ней, как Иоланда? Или... или может?

Но в его глазах горело неподдельное восхищение.

– Какая прелесть! – повторил он восторженно и замахал в сторону двери. – Дарра! Иди сюда, взгляни!

Айлин съежилась. Еще и Дарра? То есть адепт Аранвен! Самый старший на всем особом курсе и самый умный! То есть все-таки Дарра, он сам разрешил называть себя просто по имени, как и Саймон! А теперь этот кошмар увидит еще и он? Благие Семеро, да за что же!

– Саймон, ты бестактен, – сообщил Дарра, обходя Айлин и вставая за ее плечом. Ох, Претемная, спасибо, что так ее почти не видно! – Девушке неловко!

– Почему неловко? – недоуменно спросил Саймон и заглянул Айлин в глаза. – Из-за этого, что ли? Это же обычная порча, нашла, из-за чего расстраиваться! Да мы ее снимем в два счета!

Айлин вскинула голову и уставилась на Саймона. Вот этот ужас – это порча? Но разве... разве можно накладывать порчу на адептов? Саймон говорит так, словно это – обычное дело!

– Обычное дело, – словно прочел ее мысли Саймон и даже зажмурился, как огромный кот, пригревшийся на солнышке. – Успокойся, сейчас мы ее снимем.

Прищурился, разглядывая что-то возле правого виска Айлин, затем – возле левого, и с бодрим: «Нашел!» – вскинул ладони.

– Вектор неправильный, – сообщил Дарра, так и не выходя из-за ее плеча. – Возьми с запасом и поставь зеркало. – И, уже явно для Айлин, объяснил: – Тогда порча не просто снимется, а вернется к тому, кто ее навел. Посмотрим, кто это балуется с деревенской магией... И нашли же время.

Саймон сосредоточенно кивнул, прикусил губу, и Айлин обдало потоком его силы, яркой и такой холодной, что заломило зубы, но всего на секунду! А потом сила отхлынула, Саймон опустил руки и подмигнул.

– Ну вот и все! А еще пускать нас не хотела! Кстати, вот, держи, это тебе!

И он опустил ей на колени большую жестяную коробку, перевязанную золотистым бантом. Коробка была Айлин прекрасно знакома, в такие упаковывали самые вкусные конфеты во всей столице: круглые кремовые шарики, залитые ароматным горьковатым шоколадом сверху и со сладкими, вываренными в сиропе ягодами внутри!

– Благодарю, – пролепетала Айлин и осторожно погладила бант пальцем. – Но... почему мне?

– А разве для подарка нужен повод? – удивился Саймон и, подумав, добавил: – Говорят, сегодня невезучий день. Вот мы и решили тебе его подсластить! На всякий случай!

– Благодарю, – повторила Айлин и украдкой бросила взгляд на так и не вставшую из-за туалетного столика Иоланду.

Судя по ее отчаянному взгляду на журналы, порчу и в самом деле удалось снять! Как же чудесно!

Саймон смущенно хмыкнул.

– Сущие пустяки, Ревенгар! Совершенно не стоит благодарности!

Он отошел к умывальнику и принялся споласкивать руки так старательно, словно испачкался в какой-то липкой гадости, а Дарра обошел Айлин вокруг, оказавшись прямо перед ней, и плавным, совершенно естественным движением опустился на одно колено, словно рыцарь перед прекрасной дамой. Заглянул в глаза, чуть заметно улыбнулся уголками губ, без тени насмешки, а очень ласково и, кажется, сочувственно. Негромко сказал, перекрывая шум воды от плещущегося Саймона:

– К сожалению, наш общий друг прав: порча – это не такое уж редкое дело в Академии. Как и другие гадости, немагические. Вам следует быть внимательной и осторожной, милая Айлин. Очень многие станут завидовать вашему редкому дару, как и прочим... качествам. Внешности, например, или происхождению.

В стороне фыркнула Иоланда, напоказ поворачиваясь к зеркалу, Дарра неодобрительно покосился туда, но тут же продолжил:

– Запомните, Айлин, вы всегда можете доверять нам с Саймоном. И преподавателям, разумеется. Ко всем остальным вам следует относиться с осмотрительностью, – снова ободряюще улыбнулся и добавил: – Ничего страшного, поверьте. Со временем вы научитесь заводить правильные знакомства, а завистники и недруги будут всегда, и тем больше и чаще, чем сильнее вы станете выделяться. Это несколько не повод расстраиваться. Но это определенно причина, чтобы учиться быстрее и старательнее.

– Вот-вот! – жизнерадостно добавил Саймон, возвращаясь от умывальника. – Поэтому после тренировки мы тебя научим перенаправлять порчу! Знаешь, как удобно? И никто на тебя не подумает, все просто вернется к хозяину. Ну, идемте наконец! Ох, достанется нам от мэтра Бастельеро...

К началу урока они, конечно, опоздали, хотя Саймон шел очень быстро, а Айлин и вовсе почти бежала.

А вот адепт Аранвен... то есть Дарра, хоть и шел не медленнее Саймона, но с таким невозмутимым видом, словно вовсе никуда не торопился! И когда они, наконец, добрались до открытой тренировочной площадки – не фехтовальной, а магической – у него даже дыхание не сбилось!

Вот бы научиться так же!

И неодобрительный взгляд обернувшегося к ним мэтра Бастельеро Дарра встретил так же бестрепетно. Какие же они с Саймоном смелые! Вот у Айлин, стоит мэтру Бастельеро нахмуриться, сразу сердце замирает, хорошо еще, что об этом никто не знает!

– Почему вы опоздали? – сухо и резко спросил мэтр, глядя, кажется, прямо на Айлин.

Она уже открыла было рот, чтобы извиниться, но, случайно бросив взгляд на выстроившихся по росту адептов, пришедших вовремя, замерла. Что-то показалось странным, но что?..

Айлин даже про вопрос мэтра позабыла, и отозвался Саймон:

– Прошу прощения, мэтр! – жизнерадостно ответил он. – Нас задержало неожиданное практическое занятие по... Как это... – он покосился на друга.

– Скоростной диагностике и снятию кустарной порчи, – ровно закончил Дарра. – Приносим извинения.

Мэтр Бастельеро скептически изогнул бровь, прищурился, скользнул взглядом сначала по Дарре, отчего тот выпрямился еще сильнее, по чуть заметно поежившемуся Саймону, а потом остановил взгляд на Айлин. В висках тут же закололо, и Айлин невольно вспомнила, что это, по словам мэтра, ее личное восприятие фиолетовой силы. Интересно, что же за волшебство сейчас творится?

Мэтр Бастельеро наконец отвел взгляд и криво усмехнулся.

– Вот даже как? Любопытно, любопытно... Извинения приняты, адепты, встаньте в строй.

Аранвен, Эддерли, к завтрашнему дню предоставите мне письменную работу по сегодняшней порче. Классификация, способы защиты, снятия и отражения.

– Легко отделались! – удивленно шепнул Саймон, а Дарра задумчиво кивнул и одними губами проговорил:

– Странно...

– Обсуждать задание – после урока! – снова нахмурился мэтр, и Айлин очень отчетливо поняла, что отработку, к примеру, на конюшню, они все еще могут получить.

Совсем даже просто! Не за опоздание – так за посторонние разговоры.

Мэтр Бастельеро снова прищурился, уже на солнце, и чуть выше поднял воротник темного камзола: утро выдалось на диво холодным даже для начала зимы. Как досадно, что практические занятия у боевиков и некромантов круглый год проходят на улице! Что ж, остается утешаться словами матушки, что от свежего воздуха у леди появляется дивный цвет лица. Айлин представила, сколько этого самого свежего воздуха она вдохнет за бесконечные двенадцать лет учебы, и поняла, что цветом лица обеспечит себя до глубокой старости. Может, порекомендовать этот метод Иоланде? Лучше уж раскрытое окно, чем болотная вонь от кремов!

– Сегодня, – неторопливо сказал мэтр и прошелся перед строем адептов от самого высокого Дарры до Айлин и обратно, – вы будете осваивать работу в связке. Двое нападают друг на друга, другие двое ставят щит. Затем пары будут перетасованы. Ревенгар, вам дополнительное условие – атаковать Красной силой. Вопросы?

Айлин очень хотелось спросить, почему обязательно Красной? То есть ей, конечно, с большим трудом даются проклятия, но ведь практикум – некромантский!

Но она не осмелилась. Мэтр все же счел нужным пояснить сам:

– Запоминаем, господа адепты. Лучшая из возможных связок в бою – это атакующий боевик или стихийник и прикрывающий его некромант. Сегодня вы в этом убедитесь. Итак, первая пара, нападает Ревенгар, прикрывает...

– Можно мне, мэтр?! – выпалил Саймон.

– Позвольте мне, мэтр... – эхом прозвучал спокойный голос Дарры.

Мэтр снова прошел вдоль строя, остановился в самом его начале и кивнул.

– Адепт Аранвен. Извольте. Вы, Эддерли, нападающий второй пары, прикрывает... хм...

Пожалуй, вы, юноша... адепт Морстен. Прошу в центр площадки. Остальные наблюдают и держат щиты!

Айлин едва не застонала. Атаковать Саймона после того, как он ее спас?! Но... но ведь Саймона будут защищать, и Морстен уже на третьем курсе, у него ведь должны быть хорошие щиты? Ох, ну какая же она глупая! Неужели она подумала, что ей действительно удастся задеть Саймона? Ну конечно же нет, он ведь уже почти совсем взрослый и очень сильный!

А что... что, если Саймон ее заденет? Нет, она, конечно, совсем не испугалась, просто... просто на тренировках Красных ее окружали ровесники... и щиты у всех были одинаковые, и удары тоже...

– Эддерли, атакуете первым, – негромкий голос мэтра Бастельеро словно вымел из головы все лишние мысли и даже страх прогнал. – Любое плетение на ваш выбор. По одной атаке с каждой стороны – и расходитесь. Начали.

Саймон вскинул ладони таким красивым выверенным жестом, что Айлин невольно залюбовалась и попыталась угадать, чем же ее атакуют? Руки на уровне груди, ладони развернуты к противнику – ну так нечестно, так можно бросить любое заклятье! А услышать, что Саймон такое шепчет себе под нос, никак не удавалось!

Руки Саймона окутались зеленым сиянием, он небрежно встряхнул ладонями – и эта искристая зелень стекла к пальцам, сорвалась с них брызгами и устремилась прямо к Айлин! Да что же это за заклинание? И... и где же щит? Что, если Дарра не успел его поставить?!

Щит вспыхнул бледным, еле видимым свечением в полушаге от Айлин. Зеленые брызги от него почему-то не отразились, а словно впитались. Поставил, все-таки поставил! Но когда успел?

Айлин покосилась на Дарру, тот стоял на два шага правее, скрестив руки на груди, и вроде бы совсем ничего не делал. Только губы шевелились совершенно беззвучно.

– Безукоризненный щит, – одобрил мэтр Бастельеро. – В следующий раз, адепт Аранвен, не делайте его видимым, это уменьшит расход сил и введет в заблуждение противника.

– Непременно, мэтр, – ровно откликнулся Дарра. – Но сейчас я намеренно сделал щит видимым, чтобы не напугать леди Айлин.

– Разумно, – согласился мэтр Бастельеро после короткой паузы и повернулся к Саймону.

– Не менее замечательное нападение. Надеюсь, все обратили внимание на великолепно исполненную «тленную суть», к тому же ослабленную до дозволенного уровня? Адепты Аранвен и Эддерли – отлично, определенно – отлично! Адептка Ревенгар, ваша очередь, защитник приготовился!

Теперь щит замерцал вокруг Саймона. Видимо, Морстен старался сделать его невидимым, как велел мэтр, но пока не получалось.

Но чем же ей атаковать? Красных атакующих заклинаний Айлин пока знала мало, и выходили они совсем не так хорошо, как хотелось бы! Разве что Молот Пресветлого? Этот прием, как ни странно, у нее стал получаться почти сразу, но не на живом противнике, конечно, а на манекене. И мэтр Ольстон, наставник боевиков, ее хвалил, вспоминая, как Дориан Ревенгар когда-то первым из своего курса освоил двойной Молот. Ее, Айлин, отец, между прочим!

А что, если... Айлин бросила опасливый взгляд на мэтра Бастельеро. Очень ли он рассердится, если Айлин немножко схитрит? Совсем немножко, самую малость! Он ведь сам сказал: одно нападение, а не одно заклинание! Впрочем, не попробуешь – не узнаешь! Вот бы получилось – тогда все поняли бы, что она достойная дочь своего отца и по праву может заниматься со старшими адептами.

Она прикрыла глаза, сосредотачиваясь на алых нитях, и потянулась туда, где ровным огнем горела ее искра. Правая рука поднялась сама, про левую пришлось вспоминать. Ладони почти ощутили теплую тяжесть рукоятей – и Айлин разжала пальцы, бросая оба Молота Пресветлого в щит одним движением. Ну и что, что так не делают, а она... она...

Мерцающий щит разлетелся, и Морстен, вскрикнув, сел прямо на землю, а Саймон... правый Молот швырнул Саймона назад, как, случилось, Артур в детстве швырял в стену не угодившую игрушку! И в точности, как те игрушки, Саймон упал и застыл... нет! Претемная, смилуйся! Зачем, ну зачем она выбрала Молот? Зачем бросила сразу два?! Дура! Самонадеянная дура! Как она вообще могла бросить заклинание в Саймона! Айлин рванулась вперед – может быть, Саймону еще можно помочь!.. Но в груди вдруг вспыхнул нестерпимый жар, зазвенело в ушах, и темнота сомкнулась над ней...

– Ревенгар? – услышала она обеспокоенный голос мэтра Бастельеро.

«Саймон! – попыталась выговорить Айлин. – Что с Саймоном, мэтр?!»

Но вместо слов вышло какое-то хриплое бульканье.

На виски легли холодные ладони, сдавили – и в глазах прояснилось настолько, что стало видно озабоченное лицо мэтра. Озабоченное – но не злое и не испуганное! Может быть... может быть, Саймон все-таки...

– Вытрите кровь, Ревенгар, – произнес мэтр негромко, вложил в руку Айлин платок и обратился к остальным: – Смотрим внимательно, господа адепты, и запоминаем. Носовое кровотечение, головокружение, возможно, общий упадок сил – так выглядит отдача от слишком сильного заклинания, что нам только что продемонстрировала Ревенгар. Прекрасные Молоты, адептка, мои поздравления! Но в следующий раз берите меньше силы. Это касается всех, за отдачу такого уровня буду назначать дополнительные занятия. Мэтр Бастельеро бросил взгляд на Айлин, и она торопливо приложила платок к носу. Белый батист набух, прямо на глазах становясь ярко-алым. Ой... как же теперь его вернуть? Наверное, сперва постирать? То есть, отдать в прачечную?..

Мэтр усмехнулся и подал ей руку, помогая подняться. Ох... ноги подкашивались, будто она долго болела простудой, как в детстве, а перед глазами летали мелкие белые мошки, и Айлин не сразу поняла, что на самом деле их не существует, это просто слабость. И... как вдруг захотелось есть!

– Благодарю, – тихо проговорила Айлин обеспокоенно глядящему на нее мэтру и уже хотела было спросить, что же с Саймоном! – но тут увидела его.

Живой – спасибо, спасибо, Претемнейшая и все Благие! – живой Саймон сидел на траве, сжав руками виски и слегка покачиваясь, а в отдалении, постепенно приближаясь, маячила зеленая мантия целителя.

Ох, какое же счастье, с Саймоном все будет хорошо! Правда... правда, теперь он точно не захочет с ней дружить... Ну и пусть, пусть! Главное, что он будет здоров!

Мэтр Бастельеро в несколько длинных летящих шагов подошел к Саймону и остановился рядом.

– Эддерли? Как вы себя чувствуете?..

– Н-неплохо, – сдавленно пробормотал Саймон, поднимая голову, и скривился, будто попробовал что-то горькое. Поймал взгляд Айлин и вдруг – она глазам не поверила! – улыбнулся. – Отличный удар получился, Ревенгар! Покажи потом, как ты это сделала, хорошо?

Глаза защипало, и Айлин изо всех сил заморгала, пытаясь удержать слезы облегчения, а потом торопливо закивала. Саймон, кажется, и правда не рассердился, и Дарра – она покосилась на вставшего рядом Аранвена – тоже!

Мэтр Бастельеро тоже одобрительно кивнул.

– Прекрасно, Эддерли. Сейчас вы отправитесь к целителям – Аранвен, окажите любезность, помогите отвести вашего друга в лазарет и немедленно возвращайтесь! – а мы пока подведем итоги... Адепт Морстен! – голос некроманта вдруг лязгнул так, словно два клинка столкнулись. Странно, что искры не посыпались! – Ваш щит совершенно неудовлетворителен! И как вы полагаете, почему?

Морстен бросил на мэтра затравленный взгляд из-под спутанной челки.

– Потому что... было не по правилам, мэтр Бастельеро! Я не знал, что она бросит два Молота, вы сказали – одно заклинание...

– Я сказал – одна атака, адепт Морстен, – поправил мэтр Бастельеро с ледяной любезностью. – Заклинаний могло быть хоть три, если бы Ревенгар бросила еще один Молот, к примеру, ногой... Причина, адепт Морстен, в том, что вы недооценили противника! Перед вами оказалась девочка-первокурсница, и вы сочли, что она не

представляет никакой угрозы, из-за чего пострадал ваш напарник! Запомните, господа адепты, нельзя недооценивать противника! Сражаясь, всегда полагайте, что против вас как минимум равный, а лучше – превосходящий!

Мэтр Бастельеро отвернулся от совершенно раздавленного, пошедшего красными пятнами Морстена и кивнул подбежавшему целителю, очень молодому и незнакомому Айлин.

– Адепт Эддерли пострадал во время тренировки. Будьте любезны взглянуть.

Целитель молча кивнул и опустился на колени возле Саймона, безжалостно пачкая оттаявшей грязью зеленую мантию и штаны. Бесцеремонно приподнял его подбородок, заглянул в глаза, бормоча что-то про замечательные зрачки, другой рукой провел от горла Саймона по его груди и вниз... Потом повторил жест со стороны спины. Слегка нахмурился, но тут же смягчился лицом, и Айлин, затаившая дыхание, смогла выдохнуть и даже сглотнуть застрявший в горле ком вины.

– Ничего страшного, – вынес он наконец вердикт. – Внутренних кровотечений нет.

Трещина в ключице и пара трещин в ребрах, так что юноше придется пройти к нам и подлечиться. Практические тренировки разрешаю через неделю. А еще лучше – после вакаций.

Дарра помог встать улыбающемуся Саймону, и они оба взглянули на Айлин: Дарра – снова ободряюще, как ей показалось, а Саймон... Саймон – с чистым незамутненным восторгом, будто она ему важную услугу оказала, а не почти сломала что-то! Трещины – это ведь наверняка тоже больно! «Вот и пойми этих юношей», – растерянно подумала Айлин.

Мэтр Бастельеро тем временем снова взглянул на адептов.

– Продолжаем, господа. Следующая пара! Первым нападает... адепт Сэвендиш? Да, прошу вас, щит – адепт Кэдоган...

Зеленый мэтр и Дарра, подхватив Саймона под руки, повели его в направлении крыла целителей, и Айлин перевела взгляд сначала на мэтра Бастельеро, а потом на азартно схватившихся Сэвендиша и Галлахера...

И только в самом конце занятия она поняла, что же казалось ей таким странным!

Сегодня на занятии было всего

одиннадцать

человек! Тихий юноша, всегда сидящий рядом с адептом Морстеном, как же его звали?

Ага, адепт Донелли! – не явился на урок. Впервые за все время!

А мэтр Бастельеро не удивился и даже не рассердился.

Вот ведь странно!

Глава 2. Золотое и алое

Отвертеться от бала Грегору, разумеется, не удалось. Он и сам понимал, что первый бал мирного времени – это не только его праздник, что бы там ни говорил Малкольм, посвятивший триумф своему главнокомандующему, но прежде всего праздник всего Дорвенанта. Десять лет войны! Десять лет невозвратимых потерь, постоянного страха за близких, ставшего уже привычным горького привкуса неудач... Да, и раньше Дорвенант воевал, но еще никогда война не была столь невыносимо долгой, словно затяжная болезнь, измучившая и тело, и душу королевства.

И вот, наконец, мир заключен, можно распустить большую часть и так поредевшей за эти годы армии. Кто-то из офицеров уйдет в отставку, другие продолжат служить, но хотя бы смогут уходить в отпуска. Домой, к семьям, где уже подросли едва помнящие их дети... И страна хочет это праздновать! Люди истосковались по радости, они ждали мира и мечтали о нем, как мучительно холодной и голодной зимой ждали бы тепла, первых листьев и проснувшейся надежды на новую жизнь.

Все это Грегор понимал и готов был признать правоту Малкольма и необходимость праздника, который станет рубежом нового, послевоенного времени. Но ради Семерых, зачем королю понадобилось непременно тащить Грегора на пьедестал героя? Судя по

славословиям придворных, лорд Бастельеро выиграл войну в одиночку, и только врожденная скромность помешала «герою-некроманту» перенести военные действия на территорию Фраганы, победным маршем дойти до Люрьезы, по пути разметав полки месьюров одним лишь суровым взглядом, и вернуться с фраганской короной... Хвастливый бред болтунов, понятия не имеющих, чего стоила победа!

Так что на бал он приехал не в самом дурном расположении духа, но и далеко не в приятном. Еще и парадный мундир надевать пришлось, а его Грегор терпеть не мог за вызывающую, почти крикливую яркость, несмотря на основной черный тон. Алое и золотое – гербовые цвета, с этим не поспоришь, но очень уж их много. Он же с детства привык, что единственный приличный костюм для некроманта – черно-фиолетовый. Ну, или черно-серебряный, если одеться, как подобает лорду Бастельеро. Все остальное – вульгаритэ, как говорят фраганцы.

Ничего, сегодня он наденет командорскую роскошь, Баргот ее дери, последний раз в жизни! Теперь пусть Райнгартен таскает эти дурацкие наплечники, о которых наверняка давно мечтал!

Грегор почти мечтательно подумал, как вернется домой, снимет ненавистный мундир и отправит его в фамильный гардероб, где не одну сотню лет пылятся костюмы прошлых лордов и леди его семьи. А потом переоденется в привычный камзол и уедет в Академию! И пусть там вот-вот начнутся вакации, и адепты разъедутся по домам, но это даже к лучшему. Наверняка без детей Академия станет куда более замечательным местом! Он взбежал по ступеням парадной лестницы дворца, уже предвкушая прекрасные праздники Солнцестояния: никаких визитов, только книги, карты, одинокие конные прогулки за город, горячее вино по вечерам, ну и учебные планы, так уж и быть! Стремительно прошел знакомыми коридорами, сдержанно раскланиваясь в ответ на почтительные приветствия встречающих, подождал, пока мажордом объявит в широко распахнутые двери, что прибыл его светлость, мэтр-командор и так далее... И ступил на сияющий паркет бальной залы, освещенной сотнями магических огней и простых свечей. Только сознание того, что на него сейчас устремлено множество взглядов, не позволило Грегору скривиться в отвращении. Повсюду золото, фарфор и зеркала, вазоны с огромными букетами и цветочные венки, висящие на всем, способном их выдержать. Бесконечные гирлянды из шелковых лент с поучительными надписями... Сверкающий хрусталь огромной люстры посередине потолка и вокруг нее двенадцать светильников поменьше – аллегорическое изображение солнца и круга созвездий... А еще буйство красок в нарядах и драгоценностях, смесь ароматов женских и мужских духов, пирожных, вина, курительных трав и благовоний... Смех, разговоры, восклицания, и над всем этим звуки оркестра, наигрывающего мелодию, которую Грегор определил как плод непристойной внебрачной любви военного марша с развеселой итлийской паэраной.

Голова мигом разболелась, и он даже подумал, не отпроситься ли сразу после торжественной части, сославшись на нездоровье, но Малкольм, к которому Грегор подошел, повинаясь этикету, только глянул и, радушно улыбаясь, показал внушительный кулак, скрытый от чужих взглядов.

– Я же терплю, – шепнул его величество, милостиво подавая другую руку, и Грегор, склонившись, почтительно поцеловал золотой перстень с огромным темным рубином – коронную драгоценность Дорвеннов. – Потом вместе напьемся.

Место рядом с ним на троне пустовало, и спросить, где Беатрис, было совершенно невозможно! Выпрямившись, Грегор, не поворачиваясь спиной, сделал шаг назад, как предписано этикетом, и замер возле трона, склонив голову. Оркестр плеснул восторженным воплем литавров, гомон в зале замер...

– Ее величество Беатрис, королева Дорвенанта! – провозгласил церемониймейстер, и наступившую тишину разбил звонкий четкий стук каблучков.

Цок-цок! Цок-цок! Ему совершенно по-мальчишески захотелось вдруг поднять голову – и плевать на этикет! Малкольм пренебрежет, а мнение двора – да кого оно волнует, если можно увидеть Беатрис на несколько мгновений раньше! Он не видел ее десять лет! Не считать же несколько редких, почти случайных встреч, когда он приезжал к королю с докладом, и иногда в дворцовых коридорах мелькала ее далекая тень, почти призрак...

Цок-цок! Цок-цок! И, немного позади и чуть потише, перестук туфелек фрейлин, который он различал болезненно обострившимся слухом. Цок-цок! Сердце отозвалось, забывшись в унисон этому стуку восторженно и ошалело, а потом вдруг застучало ровнее, и когда рядом проплыл золотистый кружевной шлейф ее платья, Грегор только вдохнул глубже и быстрее, а потом сразу успокоился.

Все. Она рядом. Вот сейчас он ее увидит. И окончательно поймет, что случившееся с ними было не напрасно, что стоило всего: и этих десяти лет глупой рыцарственной верности, и разлуки, и мучительных злых ночей в армейской палатке, когда он еще не умел справляться с собой и комкал в сведенных судорогой пальцах подаренный ему на прощанье платок, не зная, чего больше хочет, благословить или проклясть свою сумасшедшую безнадежную страсть...

Цокот каблучков замер, на смену ему пришло тонкое сладкое благоухание, поймавшее Грегора, как паутина ловит неосторожную муху, спеленавшее горячим томным восторгом... Она так и не сменила духи! Потом прошелестело расправляемое платье, а он все ждал, не поднимая глаз, и, наконец, услышал бархатный, чуть низковатый для женщины голос, который чуть ли не каждую ночь слышал во сне. Первые пять лет уж точно...

– Приветствую вас, лорд Бастельеро, мэтр-командор главнокомандующий, наш герой и спаситель.

Он снова шагнул вперед, зная, что это правильно, и опять поклонился, но теперь, – Баргот дери этикет! – когда он на глазах у всех поцеловал перстень короля, а не его руку, коснуться губами смуглых нежных пальцев было совершенно немислимо! Он не может в первую же встречу снова бросить на Беатрис даже тень подозрения!

– Счастлив служить моей королеве, – услышал он собственный бесстрастный голос и снова поцеловал холодную вишневою плотью рубина, теперь уже небольшого и заключенного в изящную золотую оправу.

Обручальное кольцо. То самое... Предпочтенное ее высочеством фамильному сапфиру Бастельеро – и кто же ее за это осудит? Но она надела его свадебный подарок! Те самые рубины, о которых завистливо и ядовито шептался весь двор, густыми каплями огня сверкали на изящном запястье, оттеняя матовую смуглость кожи и мерцающее золото роскошной парчи, из которой был сшит ее наряд.

Грегор выпрямился, стиснул зубы, слушая ликующие вопли оркестра за спиной. Встретил прямой и спокойный взгляд блестящих темно-карих глаз. Тонкую улыбку едва приподнятыми уголками алых губ. Смоляные завитки на висках – единственную дерзость в гладкой высокой прическе, венчающей ее головку более торжественно, чем ажурная золотая корона – то ли знак власти, то ли изысканное украшение. Без короны она все равно осталась бы самой собой, Беатрис, Алой Розой Итлии... И да, гарнитур она надела весь, не только браслет. Серьги в крошечных изящных мочках. И ожерелье, живое пламя, отрывающееся огонькам свечей, струящееся по камням от одного к другому. Лишь там, где между ключиц горел самый крупный камень, алый блеск уходил в мрачную багровость, скрывая маленькую тайну королевы и влюбленного в нее некроманта. «Диадемы не хватает, – бесстрастно отметил Грегор, – но ее с короной не наденешь».

Словно во сне он ступил на указанное церемониймейстером место по левую руку короля, и праздник начался. Бесконечные перечисления его заслуг, благодарность их величеств и их высочеств – Криспин, светловолосый и долговязый, с восторженными голубыми глазами, похож на отца как две капли воды! – потом поздравления от Ордена... Грегор с некоторым содроганием ожидал, что их может привезти Волански, но, хвала Семерым, Совет Гильдий прислал с этой почетной миссией магистра Кристофа, и седой боевик благодарил его с подкупающей искренностью, у него даже слезы мелькнули в уголках глаз, а Грегору стало томительно неловко. Сколько алых магов, воспитанников Кристофа, он не уберег?

Церемониймейстер прокричал очередную хвалебную оду, и Грегор, повинувшись тихой подсказке из-за спины, преклонил колено перед королем, надевшим ему что-то на шею.

Встал и снова вернулся на место, почти равнодушно глянув на это тяжелое, блескучее, раздражающее. Высший орден Дорвенанта – Золотой Лев первой степени. И Грегор – второй в роду Бастельеро, удостоенный этой награды. Сто пятьдесят лет назад его прадед

Маркус получил Золотого Льва за остановленную чуму... Что ж, он бы гордился своим потомком, наверное?

Тяжелый золотой диск с эмалевым гербом Дорвенанта – золотой лев на алом поле, увенчанный короной, и лавровые ветви по бокам – висел на шее Грегора, и широкая атласная лента, тоже гербовых цветов и шитая золотом, блестела до рези в глазах. Грегор старался не смотреть на нее, но взгляд тянулся вниз, потому что орден казался чужеродным, мешал, его хотелось снять и убрать подальше, постараться забыть, что цена победы – кровь, столько крови, что она могла бы залить этот пышно убранный зал и перекатываться в нем волнами.

А еще гарь пороховых разрядов, пепел сгоревших дотла тел, дурманно-сладковатая мерзостная гниль – неизменный признак поля боя, как ни старайся убрать и похоронить погибших, и другая гниль – гангренозная, потому что целителей все равно не хватает, они в первую очередь лечат офицеров, а потом у них кончается резерв, и солдатам остается надеяться на мази, продаваемые маркитантками. Потом они приходят к палаткам полевых лекарей, не магов, а так... бывших цирюльников или коновалов, и те хмуро глядят на распухшие и потемневшие конечности, достают скальпели, пилы и кривые иглы, велят выпить карвейна, если достанешь, и зажать зубами толстый кожаный ремень, уже изжеванный теми, кто пришел раньше...

Он усилием воли отогнал нахлынувшую волну горечи, понимая, что не место и не время для таких воспоминаний. Да, им бы тогда к боевым магам еще пушек, в которых не было недостатка у фраганцев. И хороших лекарей, не обязательно орденских, но хотя бы таких, что могут лечить готовыми снадобьями. И снаряжение...

Если, не приведи Благие, Грегору еще придется воевать, он первым делом велит повесить на главной площади Дорвенанта первого же купца, поставившего в армию паршивое обмундирование и фураж. И... Но это все уже не его забота, верно? Райнгартен отлично справится, он никакой стратег, но сохранить уже добытое сможет, а в хозяйствовании понимает побольше Грегора.

Вот, кстати, и он. Грегор принял приветствие и поклон бывшего заместителя, первым протянул руку и в свою очередь поздравил его сам. Постарался улыбнуться – ни к чему портить людям праздник своим дурным настроением. Эжен Райгартен – его постоянная опора все эти три года, если бы не Грегор, он мог бы и сам оказаться командором. И по возрасту, и по заслугам он подходил для этого куда больше.

Но у них не было возможности и права рисковать, перебирая тех, кто может возглавить армию, как козырные карты – с которой зайти? Им нужна была только победа, и Грегор стал не козырем, а броском игральных костей – все шестерки разом. Ничего, Райнгартен дождался своего командорского жезла, вот и Малкольм его поздравляет, а Беатрис благосклонно улыбается...

Ему казалось, что это никогда не кончится. Пытка персонально для него, остальные ведь явно счастливы и наслаждаются происходящим! Бесконечный поток поздравлений, и всех нужно поблагодарить, поздравить в ответ бывших соратников, на которых сегодня тоже излился дождь монарших милостей. Патенты на офицерские чины с повышением, королевские грамоты для лейб-дворян, закрепляющие наследственное дворянство их потомкам, поместья и ордена... Райнгартен, кстати, тоже получил Золотого Льва, хоть и третьей степени. Что ж, начать карьеру с ордена, которым Грегор ее заканчивает, вовсе неплохо...

– Милорд! – возник рядом церемониймейстер, и Грегор вздрогнул, будто очнувшись. – Позвольте напомнить, что первый танец – ловансьон. Вы открываете бал с ее величеством. Что? Он – и Беатрис? Проклятье, да, вот уже и гости торопливо расступаются к стенам, освобождая пространство зала. И оркестр наигрывает первые такты, пока еще предупреждая, что торжество вот-вот перейдет в веселье. Но почему не король?

«Потому что почетный гость – ты, болван, – мрачно сказал Грегор самому себе. – Тебе сегодня все привилегии, ты на виду, словно марципановая фигурка на вершине торта, и даже улизнуть потихоньку не получится, потому что с уходом почетного гостя остальные тоже обязаны покинуть бал, а у тебя совести не хватит обидеть всех, кто за тебя искренне рад. Ну, или осчастливить тех, кто рад вовсе не искренне!»

Церемониймейстер исчез, а Грегор, стоящий у ступеней трона, поднял взгляд и снова посмотрел на Беатрис, смутно удивляясь, как мог думать о чем-то, кроме нее? Разве можно хоть в мыслях испачкать ее грязью и мерзостью войны? Она – награда за победу. Пусть всего один танец, положенный ему по этикету, но ведь главное, что она в безопасности и благодарна ему. Она – королева, а он – ее лорд, первый среди равных, герой и победитель, самый молодой главнокомандующий в истории Дорвенанта. Как часто он хотел победить, чтобы вернуться и бросить вражеские знамена к ее ногам, чтобы она поняла, от кого когда-то отказалась ради трона...

Молодой дурак. Побеждать следовало, чтоб ни одна чужестранная сволочь еще лет сто не осмелилась даже кончиком шпаги тронуть его землю! Но Беатрис... Она не виновата, что у него в мыслях мутится и в голову лезет всякая чушь. Она – чистая, гордая, знающая долг королевы... И пусть у них будет этот танец, это ведь совсем немного – за десять лет! Первые такты ловансьона полились по залу, и Грегор взлетел по ступеням, не чувствуя ног. Отдал положенный поклон Малкольму и, дождавшись его разрешающего кивка, опустился на одно колено перед Беатрис, протянул руку ладонью вверх. И когда смуглая маленькая ладошка с аристократически длинными холеными пальчиками опустилась на его ладонь, вздрогнул, ожидая... сам не зная чего. Может быть, что небеса разверзнутся, и Семеро Благих благословят его перечеркнуть эти десять лет? Или, напротив, Баргот явится, грозя карами за любовь к чужой жене?

Беатрис улыбнулась ему нежной загадочной улыбкой и встала, подхватив другой рукой подол парчового платья цвета старого золота. Блеснуло ожерелье на ее шее. Всюду сегодня это золото и рубины, красные, как кровь. Королевские цвета Дорвенанта, цвета победы... Под звуки ловансьона они спустились со ступенек прямо в бальный зал, и Грегор уверенно повел Беатрис в танце, краем глаза видя, как вслед за ними выстраиваются другие пары.

* * *

– Красиво, правда? – спросил отец, осадив лошадь у самых дворцовых ворот, и Аластор завороченно кивнул.

Он, конечно, всегда знал, что дворец должен быть красивым, это же не просто замок, а сердце Дорвенанта! – но знание это было спокойным, как вызубренные правила этикета. А сейчас от восторга перехватывало дыхание и замирало сердце.

Дворец сиял. Ровно светились магические осветительные шары от самых ворот до широких ступеней, а выше, на парадной лестнице, они сливались в две сплошные полосы, озаряя все вокруг серебристым светом, будто в каждом шаре была заключена маленькая луна.

У них в поместье тоже были осветительные шары. Целых два! В отцовском кабинете и в гостиной. А здесь... десятки шаров! А может, сотни?

Светились высокие узкие окна – праздничным разноцветьем витражей, и Аластор даже зажмурился, впервые поняв, что значит «красиво так, что глазам больно».

Отец понимающе хмыкнул.

– Погоди еще, вот войдем!

Каково же внутри, если снаружи так... так... так волшебнo?! Аластор замер, впитывая глазами все вокруг, словно это было последним, что он увидит в жизни. Но всего на секунду, не больше!

Не хватало еще, чтобы кто-нибудь приметил его замешательство и принял за неотесанного провинциала!

Он торопливо спешил и по примеру отца бросил поводья подбежавшему конюху.

Лакей, встречающий гостей, почтительно распахнул дверцу кареты, и отец помог матушке спуститься на тщательно убранную, бесснежную брусчатку двора.

Следуя его примеру, Аластор подал руку Мэнди, потом – Лоррейн, и кучер тронул поводья, спеша освободить место для следующей кареты.

Сестры, последний месяц только и твердившие, что о представлении ко двору, вдруг оробели, вцепились в обе его руки: Мэнди – в правую, Лоррейн – в левую, и Аластор от души надеялся, что, по крайней мере, перетягивать его они не начнут!

На широких мраморных ступенях, ведущих к высоким, в два человеческих роста, не меньше! – дворцовым дверям, Аластор чуть не поскользнулся, успев уже представить, как кубарем катится вниз, увлекая за собой сестер, – и тут же выправился. Нет уж, он в ногах не запутается!

Двери распахнулись, как по волшебству, и Аластор, придерживая холодные от волнения руки девочек, вслед за родителями нырнул в море теплого золотого света, заливающего длинный коридор.

Коридор, кстати, был самым обычным! Ну, разве что магические светильники...

Но Аластора вновь охватило такое волнение, что он почти и не заметил, какому именно лакею отец передал матушкин бархатный плащ, а он сам – накидки сестер. Мэнди и Лоррейн, как только что сбросившие кокон бабочки, немедленно принялись расправлять платья и трогать прически, завистливо косясь друг на друга. Видимо, в очередной раз решили, что у другой платье лучше. Зря матушка не велела им пошить одинаковые наряды, как предлагал Аластор! Нет же, для Мэнди заказали белое с голубым, а для Лоррейн – точно такое же, но голубое с белым, и девчонки до бала успели дюжину раз перемерить оба платья, поссориться, поменяться, снова решить, что хотят старое... Хотя какая разница, если они обе похожи в этих кружевах то ли на фарфоровых нарядных кукол, то ли на пирожное со взбитыми сливками?

– Позвольте ваше приглашение, – обратился к отцу высокий мужчина в темном камзоле со скромной отделкой гербовых цветов.

Мажордом, наверное?

Отец невозмутимо протянул приглашение – плотный лист с королевским вензелем в нижнем правом углу, присланный только сегодня утром.

Между прочим, совершенно скандально поспешно присланный, если Аластор правильно помнил уроки этикета – ту их часть, что касалась приглашений в гости! Приглашение в королевский дворец присылается за неделю до визита, но никак не в то же утро!

Да и касаются такие личные королевские приглашения обычно Трех Дюжин, а не верных короне, но все-таки не столь родовитых провинциальных дворян, ничем за последнее время не отличившихся – чем можно отличиться, больше пятнадцати лет проведя в собственном поместье?

«А ведь отец вовсе не удивился такой странной милости, – подумал Аластор. – Только переглянулся с матушкой и велел всем готовиться к балу... И матушка тоже приняла это как должное, хотя дворцовый этикет она знает куда лучше учителя, не зря до свадьбы была фрейлиной! И тот разговор, подслушанный в поместье...»

Мысль оставила странное послевкусие: как будто перед глазами картина, разрезанная на много кусочков, но совместить их и увидеть целое, все никак не получается... Он торопливо провел ладонями по собственному новенькому камзолу, стараясь, чтоб это вышло незаметно, поймал теплый успокаивающий взгляд матушки и улыбнулся ей в ответ. Все будет хорошо, ну конечно!

– Лорд и леди Вальдерон с детьми! – торжественно провозгласил мажордом, распахнув двери бального зала, и Аластору на миг показалось, что он очутился не во дворце, а в их собственном саду, которым так гордилась матушка – яркие наряды дам и девиц превращали их в настоящие цветы!

Пышное убранство зала так и било в глаза, ослепляло, не давало толком рассмотреть ни одного лица, и Аластор не без труда вспомнил, что разглядывать никого и не следует. Необходимо с достоинством пройти к возвышению у противоположной стены, склониться в большом праздничном поклоне перед королевской четой и дожидаться, пока не разрешат выпрямиться. А затем быстро, но неспешно, отступить и смешаться с другими приглашенными. Ох, только бы ничего не напутать! Впрочем, сестрам, наверное, еще страшнее, а ведь их даже подбодрить нельзя... ну да ничего, справятся!

– Не торопись, – тихо сказал отец. – Сначала будут поздравлять мэтра-командора Бастельеро, это бал в его честь.

Ну точно, как он мог забыть! Аластор едва не покраснел от досады и стыда. Ведь это же было в приглашении! Он взглянул в другой конец зала, где на возвышении стоял трон. Фигуры короля и королевы с такого расстояния было сложно рассмотреть, да еще все время их кто-то заслонял, так что Аластор увидел только ярко-голубое и золотое пятна, а рядом с ними – человека в черном мундире с яркими оплечьями. Мэтр-командор! Сам знаменитый лорд Бастельеро, Избранный Претемной Госпожи, герой войны...

Сердце снова сладко захолонуло, ведь отец наверняка найдет случай представить его не только королю. И Аластор увидит вблизи человека, спасшего весь Дорвенант! Ну почему

он родился так поздно?! Еще несколько лет, и он обязательно успел бы тоже повоевать под началом мэтра-командора! Пусть он не маг, но простые офицеры в армии тоже нужны! А отец воевал всего пару лет, еще до того, как лорд Бастельеро принял командорский жезл, и о войне говорит скупно, из него слова лишнего не вытянешь. А матушка, вспоминая о том времени, вовсе бледнеет и торопливо благодарит Семерых, что для Вальдеронов все закончилось так быстро.

Ладно, положим, отцу и вправду необходимо было вернуться, чтобы заниматься делами семьи, но Аластор мог бы его сменить, будь он чуть старше! И кто знает, может, его бы тоже чествовали сейчас за что-нибудь героическое! А теперь... он безнадежно упустил свой случай прославиться. Если нет войны, героем не станешь, разве что совершить что-то совсем уж небывалое, например, прикрыть короля от кинжала подлого убийцы... Но это уж совсем глупые детские мечтания: рядом с его величеством всегда столько верных подданных, что случись даже какому-то негодяю оказаться рядом, уж точно обойдутся без Аластора. Не быть ему героем в мирное время, а новой войны все-таки совсем не хочется. Эх, ну почему отец не согласился надеть хотя бы военный мундир вместо камзола! Ведь имеет право!

«Сынок, ну какой из меня военный? – снова прозвучал в ушах Аластора добродушный голос отца. – Оставим эту честь тем, кто ее действительно заслужил. Запомни, Вальдероны не наряжаются ради почестей, нужно быть, а не казаться. Истинные твои заслуги у тебя никто никогда не отнимет, потому что они – награда сами по себе...»

Церемониймейстер зачитывал поздравления от королевской семьи и Ордена, Аластор жадно рассматривал тех, кто подходил к трону, уже не смущаясь, потому что рядом все занимались тем же, а отец тихо подсказывал:

– Его королевское высочество Криспин...

По наследному принцу Аластор только мазнул взглядом. Подумаешь, принц! Обычный мальчишка, светловолосый, долговязый, ровно ничем не выделяющийся. Сними с него камзол королевских цветов и гербовую цепь – от самого Аластора ничем не отличишь! Интересно, ему тоже хотелось на войну? Наверное, да, но королевскому наследнику это и вовсе не светит, еще меньше, чем наследнику Вальдеронов.

– Магистр Красной гильдии, лорд Кристоф...

На лорда с таким именем Аластор глянул внимательнее и слегка смутился. Кристоф – одно из традиционных имен Дорвеннов, королевской семьи. И то, что кто-то носит его вместо родового имени, означает, что этот кто-то – королевский бастард. Надо же, а на короля совсем не похож, невысокий и сухощавый. Зато глава магов-боевиков!

Дальше пошли обычные придворные, большинство имен – из Трех дюжин, и их Аластор знал, разумеется, как всякий дворянин. Он даже смог опознать нескольких человек раньше, чем их назвал церемониймейстер, вспомнив родовые признаки знатнейших семей и их гербовые цвета. Вот этот высокий пожилой лорд с длинными волосами бледно-золотого цвета и холодным лицом, словно изваянным из мрамора, явно Аранвен. И одет, разумеется, в серое с серебром.

– Лорд-канцлер Аранвен, – подтвердил рядом отец. – Второй человек в королевстве после короля.

Как – второй? А мэтр-командор Бастельеро?!

Толпа, постепенно продвигающаяся к трону, уверенно несла их с собой, словно поток воды, подхвативший игрушечный кораблик – Аластор до сих пор любил вырезать такие и пускать по ручью, текущему у них в поместье. Вот еще несколько шагов... и еще...

Наконец, подножье трона оказалось перед ними, и сердце Аластора заколотилось часто-часто, а руки захотелось спрятать за спину, но рядом был отец, матушка и сестры, не мог же он опозорить их неподобающим поведением!

Глава 3. Бал мэтра-командора

Поклон вышел безупречно. Даже учитель этикета не нашел бы, к чему придраться.

– Поднимитесь, – прозвучал над самой головой глубокий властный голос, и Аластор затаил дыхание.

Сейчас, вот сейчас он увидит самого короля! И королеву, которую все называют прекраснейшей из женщин Дорвенанта!

Он промедлил еще секунду и медленно выпрямился, стараясь сделать это ни в коем случае не быстрее родителей.

И едва подавил разочарованный... нет, конечно, не возглас. Всего лишь вздох.

Король был совершенно не похож на короля! В детстве Аластор любил разглядывать золотые флорины, на аверсе которых красовался чеканный профиль: высокий лоб, решительный подбородок, твердый рот... Величественное лицо – и никто не назвал бы его иначе!

Король представлялся ему высоким статным воином, таким же могучим, как все великие предки-Дорвенны...

Мужчина же напротив, рослый, но грузный, с коротко обрезанными – всего на какие-то два пальца ниже ушей! – светлыми волосами, разодетый в голубой бархат – походил, скорее, на состоятельного провинциального дворянина, дни славы которого – если они вообще были – остались далеко в прошлом.

Вот разве что голос... Голосу хотелось подчиняться, не задумываясь! А взгляд...

Взгляд короля – отчаянный, как показалось Аластору, ищущий взгляд, – был прикован к лицу матушки и только изредка соскальзывал вправо, на него самого!

– Я рад вас видеть, Вальдерон, друг мой, – проговорил король, и сердце Аластора замерло.

Их не просто представили, но и удостоили беседы! Первое разочарование исчезло, как разметанный ветром пепел, остался один только восторг, пьянящий не меньше молодого вина. – И вас, и вашу леди, и ваших детей. Не так ли, дорогая моя?

– Несомненно, дорогой супруг, – услышал Аластор столь же звучный, но куда более мягкий грудной голос, в котором едва сквозил итлийский акцент.

Он наконец набрался смелости – и взглянул на королеву.

От восхищения перехватило дыхание. Если бальная зала и напоминала цветник, то ее величество в этом цветнике была розой! Не белой фраганской, а итлийской алой – пышной и великолепной, томительно, чарующе прекрасной!

Мерцала в свете магических светильников золотая ткань ее платья, оттенки черные, как ночь, волосы, живым огнем горели рубины на нежно-золотистой, самую малость смугловатой коже запястий, на гордой шее... Центральный рубин ожерелья имел форму цветка, и в самой его глубине горело, билось, как сердце, темное пламя.

– Я несказанно рада снова встретить давнюю подругу, – ласково сказала королева, и матушка снова почтительно сделала реверанс. – Какие прекрасные дети, милая Джанет. И ты расцвела в браке!

– Благодарю, ваше величество! – тихо и очень ровно, как на занятиях по этикету, ответила матушка.

– Твой... наследник, Себастьян? – милостиво обратился король к отцу по имени и снова посмотрел на Аластора с непонятно пристальным вниманием.

– Да, ваше величество, – поклонился отец. – Мой старший сын и наследник рода. Аластор Кеннет Лоренс Вальдерон. Мои дочери, Амандина и Лоррейн.

Аластор снова склонился в большом церемониальном поклоне. Рядом отражением друг друга одновременно присели в реверанс сестренки.

– Встаньте, юные леди, и вы, юный лорд, – прозвучал сверху чуть хриловатый голос короля. – Аластор... я рад видеть вас и ваших прекрасных сестер при моем дворе.

Достойная юная кровь достойного рода. Себастьян, мы еще поговорим.

– Да, ваше величество, – снова поклонился отец, и они с матушкой отступили назад.

Аластор поспешно последовал их примеру, все время помня, что нельзя поворачиваться спиной, за ним заторопились Мэнди и Лоррейн, кто-то уже занял их место у трона, представляясь королю, а отец и матушка посмотрели друг на друга долгим взглядом, значения которого Аластор совершенно не понял. Облегчение? Радость? Наверное, да, ведь все прошло хорошо! Он не запутался в ногах и шпаге, сестры не наступили на платье, все вовремя кланялись и делали реверанс, даже удостоились беседы. Все ведь хорошо! Тогда почему в уголках глаз матушки блестят слезинки?

– Матушка, – тихо сказал он. – Твои глаза...

– Ах, милый, – она улыбнулась и подняла руки, смахнув блестящие капельки самыми кончиками пальцев. – Это от гордости за вас. Вы самые лучшие дети на свете, а ваш отец – лучший муж, какого может пожелать женщина. А теперь к стене, дорогие, к стене, ловансьон начинается! Мэнди, Лорри, если вас пригласят, не забудьте попросить разрешения у папеньки, не кидайтесь на кавалера, как на пирожное. Аластор, ты побудешь со мной немного?

Побывать с матушкой и пропустить первый танец? Да он бы и сам никуда не пошел.

Ловансьон с его множеством сложных фигур Аластора откровенно пугал, это не легкая изящная паэрана. Но как красиво!

Музыка грянула – и первой парой в зал спустились они... Ее величество и мэтр-командор! У Аластора перехватило горло от восторга, он даже завидовать не мог, так это было прекрасно. Платье королевы казалось золотым облаком, летящим над паркетом, и сама она, стройная, грациозная, величественная и дивная, была похожа на фею из сказки, потому что в жизни таких женщин просто не бывает. Ну, наверное... Рядом с ней мэтр-командор Бастельеро, затянутый в черный мундир, казался воплощением строгой мужественности. Аластор смотрел и смертельно завидовал каждому его движению: вот уж кому не надо думать, как не задеть шпагой вазон с цветами или не перепутать танцевальные па! Лорд Бастельеро выше таких мелочей, он почти небожитель, и справедливо, что с красивейшей женщиной Дорвенанта – да что там, всего мира! – танцует именно он!

Ловансьон плыл над залом, торжественный, несколько тяжелый, и тонкая ручка королевы покоилась в руке лорда, а их глаза были устремлены друг на друга, губы едва заметно шевелились, и даже Аластору было понятно, что происходит что-то невероятное, важное и судьбоносное. Алое и золотое – цвета Дорвенанта, которыми сегодня блистал весь зал, – сияли, смешиваясь, в нарядах обоих, и только чернота мундира бывшего главнокомандующего резала эту праздничность смутной тревогой, оттеняя торжествующие краски победы...

– Рубины прекрасны, но к голубому с серебром гораздо лучше подошли бы сапфиры, – услышал Аластор.

– Что? – с недоумением спросила Лоррейн. – Но, миледи маменька, королева одета в золотую парчу.

– Да, милая, но в голубое с серебром одет король, – негромко сказала матушка. – Поверь, дорогая, сапфиры или топазы были бы ей к лицу не меньше и вдобавок сочетались бы с нарядом ее мужа. Рубины она надела к черному. Впрочем, не берите в голову, девочки. Следующий танец – паэрана! Я уверена, вас пригласят! Аластор, милый, тебе тоже не мешало бы присмотреться к девицам.

* * *

Грегору казалось, что ловансьон льется по залу таким же тяжелым потоком расплавленного золота, как вся сегодняшняя роскошь: наряды, украшения, улыбки, выставленные напоказ ордена и шитье мундиров. Платье Беатрис в бесчисленных потоках света, льющихся со всех сторон, сверкало слитком все того же расплавленного металла, и Грегору казалось, что он ощущает исходящее от него тепло. При каждом новом шаге рубины на ее шее и запястьях вспыхивали резкими красными огоньками, похожими на острый укол, и Грегор видел это краем глаза. «Она надела мой подарок!» – думал он с мгновенным ликованием, а потом старательно гасил эту радостную вспышку, уговаривая себя, что это ничего не значит. Обычная учтивость! Притом, ей идет красное...

Шаг, еще шаг... Вот и поворот у края зала, и сейчас они окажутся лицом к лицу в первой фигуре. Томительное сладкое предчувствие не давало думать ни о чем другом, кроме нескольких минут, когда он будет смотреть на нее, дышать ароматом ее кожи и волос, встречать ее взгляд, удивленный и слегка лукавый, как помнилось ему все эти годы... Беатрис... Пряное сладкое имя, такое же хмельное, как она сама. Шаг, еще... Он чуть сильнее, чем нужно, сжал ее горячие пальцы в своих, вдруг испугавшись, что все это – очередной сон. Вот сейчас рванет залп фраганских орудий – и греза развется... Но вместо залпа грянули литавры, обозначая смену позиций в ловансьоне, и Беатрис замерла напротив, глядя ему в глаза.

– Вы счастливы, милорд? – шевельнулись ее губы, и Грегор несколько мучительных мгновений пытался осознать смысл сказанного, а поняв – едва не рассмеялся. Счастлив ли он? Дорвенант чувствует его как героя, король благодарен, а двор в восхищении. Титул, богатство, почести, слава – все это его по праву. Он уходит с поста главнокомандующего лишь потому, что сам желает этого, но теперь можно подумать о карьере в Ордене: сильнейшему некроманту своего времени, Избранному Претемной, прямая дорога в магистры гильдии, а там и в кресло Архимага. Жизнь лежит перед ним, ровная и блистающая, как паркет этой бальной залы, и ничто не омрачает победительного сияния его трофеев, нынешних и будущих...

– Да, моя королева, – солгал он, глядя ей в глаза. – Я счастлив. А вы?

Длинные черные ресницы дрогнули, она улыбнулась и ничего не сказала, только чуть качнула головой, и на гладком шелке волос, уложенных в замысловатую прическу, заплясали блики.

«Глупец! – обругал себя Грегор. – Какого ответа ты ждал? Что она несчастна с мужем и все десять лет вспоминала тебя? Или что забыла, как только ты исчез в южных лесах, и думала о тебе лишь, когда при дворе обсуждали военные новости? Какое право ты имеешь рассуждать о ее счастье? Ты, не способный приказать собственному сердцу...»

Он отвел глаза, изо всех сил сохраняя спокойное и любезное выражение лица. Благодарение Семи Благим и придворному этикету, что это всего лишь ловансьон, самый приличный танец из всех, допускаемых при дорвенантском дворе. Ладонь дамы в ладони кавалера, на смене позиций ее пальцы касаются середины его ладони – и снова руки смыкаются, допуская лишь этот краткий миг близости. Ни страстности паэраны, ни бешеного веселья па-майордель, ничего непристойного... совсем как у них в жизни.

Шаг, и еще, и еще... Она следовала за ним, такая покорная, пусть и только в танце, сияя обжигающим взглядом из-под длинных ресниц, ожидающая чего-то... Грегор же старательно смотрел мимо, мимо, мимо... Вот следующая пара: высоченный и тонкий, затянутый в серое с серебром, лорд-канцлер Ангус Аранвен с женой. Женился на кузине из младшей ветви Аранвенов, и его жена похожа на него, словно родная сестра. Оба возвышаются над окружающими почти на голову, светловолосые, сероглазые и длиннолицые, с тонкой светлой кожей и резкими тонкими чертами лица. Смотрят только друг на друга, не зря их считают образцом супружеской любви.

Дальше – кто-то из Логрейнов и его дама – леди Корсон... Потом – еще кто-то знакомый, и еще, еще... И глупо ускользать от требовательного взгляда в упор, глупо и трусливо! Он снова посмотрел на Беатрис, молча прося пощады, но его возлюбленная королева следовала за ним и телом, и взглядом, как и положено искусной даме в танце. Или умелому противнику в поединке.

– А вы совсем не изменились, мой Грегор, – сказала она так просто, словно и в самом деле не было этих десяти лет.

Словно лишь вчера они ели замороженные взбитые сливки на дворцовом балконе. Король, его невеста и друг короля – набор для пошлой чувствительной баллады или пьески из тех, которые Грегор с детства ненавидел.

– Это кажется, моя королева, – сказал он, пытаясь улыбнуться, но улыбка стекала с губ, как правильно исполненная «тленная суть» – с пальцев. – Я изменился, поверьте.

– Во всем?

Идеально изогнутая бровь приподнимается еще чуть-чуть, улыбка лукаво прячется в уголках губ...

– Не мне судить, – уронил Грегор в ответ.

Шаг, еще шаг, поворот и смена позиции. Снова они идут рядом, ее рука – в его, и аромат ее духов обволакивает их обоих, пряно-тревожный, сладко-опасный. Будь прокляты баллады, они никогда не заканчиваются хорошо! А если бы... если только предположить...

«Она никогда не оставит мужа, – холодно и ясно подумал Грегор. – Стать ее любовником? Прячется, превратив святое чувство в непристойную интригу, бояться разоблачения и презирать самих себя за это? Я не утоплю в такой грязи ни свою честь, ни свою любовь к ней. Я друг Малкольма, я подданный своего короля. И двойного предательства не совершу. Как не пожелаю Малкольму скорой смерти даже в мыслях. Но даже случись что-то, и останься она вдовой... Королевы не выходят замуж за подданных, они могут лишь

снизойти до них. А Бастельеро не принимают ни снисхождения, ни подачек. Я могу любить ее... и люблю, видят Семеро! Но это безнадежно, как поиски эликсира бессмертия. Так что же ты ищешь в ее глазах, Грегор?»

– Десять лет, – выдохнула она едва слышно, поворачиваясь к нему лицом, когда отзвуки литавров снова возвестили смену позиции. Взглянула отчаянно и тревожно, и маска бесстрастности исчезла с ее лица. – Мне рассказывали, что лорд Бастельеро не смотрит на женщин. Что возлюбленная лорда – его шпага, обращенная против врагов королевства. Десять лет верности, Грегор... Неужели найдется женщина, не способная это оценить? – Я верен своему королю, ваше величество, – сказал он непослушными, как на морозе, губами. – И его королеве. И благодарен, что вы это цените.

Наверное, это лучи главной люстры озарили ее лицо так, что оно вспыхнуло, будто налившись золотом изнутри, а глаза сверкнули алыми отблесками рубинов. Не может ведь это быть гнев – за что? Она сама сказала ему при последней их встрече, что между ними всегда будет стоять долг. Ее долг принцессы, что должна выйти замуж в интересах двух народов. Его долг верноподданного и друга. Так что же теперь она режет ему сердце ржавым ножом невозможной надежды? Нет между ними ничего, и быть не может! И когда же кончится этот всеми богами проклятый ловансьон?!

– О, верность – это то, чем вы славитесь, милорд, – изогнулись алые губы в учтивой улыбке. – Теперь я это ясно вижу. Вы истинный образец благородного рыцаря и лорда. Ловансьон заканчивается, будьте любезны проводить меня.

В самом деле, последние такты, затихая, звучали под сводами зала, и Грегору показалось, что навоощенный паркет качается, уходя у него из-под ног. Он снова все испортил – как всегда. Величайший из его талантов, куда там магическому или полководческому! Тонкие пальцы Беатрис лежали в его ладони, но теперь казались холодными и жесткими, будто он держал не руку прекрасной женщины, а эфес шпаги. Той самой, про которую шутили, что это единственная любовница лорда Бастельеро. Интересно, какая дрянь все эти годы осведомляла двор о подробностях его личной жизни?! Впрочем, неважно.

Важно только то, что они с Беатрис уже подошли к Малкольму, и следовало отдать положенный поклон супругу женщины, с которой Грегор танцевал. И вложить ее ладонь в руку ее мужа, а потом отступить, показывая, что все это лишь законы бала, позволяющего любые надежды – однако не дольше одного танца. Ловансьон как мера длины целой жизни...

– Благодарю, ваше величество, – поклонился он и повернулся к Беатрис, уже вставшей по левую руку от мужа. – Моя королева, я сохраняю память об этом танце.

– Мой супруг высоко ценит вас, милорд, и я присоединяюсь к нему в этом чувстве.

Голос у нее был теплым и бархатным как обычно, ни на миг не дрогнул, только рубины на шее блеснули вдруг зло и холодно, особенно – тот, центральный. Грегор еще раз кивнул Малкольму, отводя взгляд от знаменитого гарнитура, который сотню с лишним лет хранился в особой сокровищнице Бастельеро, пока влюбленный юный дуралей не преподнес его чужой невесте с напыщенным напутствием, что дарит ей смерть любого, кто посмеет обидеть прекраснейшую и вернейшую из женщин. Мол, если уж его не будет рядом, чтобы хранить ее честь, пусть это сделает его любовь – и рубиновый цветок с заключенным в него проклятием... Дурак. Зачем королеве самой спускаться с поводка чью-то смерть, если всегда найдутся те, кто делает это ради нее?

Он спустился с тронного возвышения, не чувствуя ног, мечтая исчезнуть с этого Барготом благословленного бала прямо сейчас, и плевать, что Малкольм разозлится! Чуть не столкнулся с каким-то юным дворянчиком, тот вовремя отскочил, пробормотав что-то о восхищении и благодарности, которые все испытывают к его светлости... Грегор проглотил рвущееся с губ проклятие, заковыристое, сложно закрученное, включающее и королевскую семью, и Дорвенант, и двор, причем все это в исключительно похабных сочетаниях. Прямо жаль, что не сделать рабочим!

– А, Бастельеро, – повернулся к нему лорд-канцлер, попавшийся на пути Грегора следующим. – Вы еще развлекаетесь или готовы поговорить?

– Второе, ваша светлость, – мрачно ответил Грегор. – Что вас интересует?

– Ваш доклад королю, – сразу перешел к делу Аранвен, покачивая в длинных тонких пальцах бокал с игристым фраганским вином, отпITYтым едва ли на пару глотков. – О порталах. Я так понимаю, это серьезно?

– Более чем! – выдохнул Грегор с немЫслимым облегчением. Семеро, благословите Аранвена! Мало того, что канцлер даже здесь, посреди бальной суеты, умудряется думать о делах, он и Грегору дает прекрасный повод ускользнуть от всех этих глупостей. – Вы уже ознакомились, Ангус?

– Вы же знаете, я профан, – пожал плечами пожилой лорд, демонстрируя великолепную осанку. – Но моя жена – неплохой теоретик. Правда, некромант, как и вы, но она говорит, что все выглядит на редкость убедительно.

Грегора неприятно кольнуло сознание, что его выкладки, оказывается, подвергались рассмотрению даже не королевских магов, а... жены канцлера! Кто вообще слышал о научных изысканиях леди Аранвен? Но... ладно, если для Ангуса это имеет значение, его дело. Главное, что канцлер поверил в опасность.

– Все более чем серьезно, – сказал он, посмотрев прямо в непроницаемые темно-серые глаза Аранвена. – Ангус, ради Семерых, убедите короля и королевский совет в том, что мои предложения необходимо принять. Иначе, Претемной клянусь, мы на пороге катастрофы.

– Я постараюсь, Грегор, – кивнул лорд-канцлер. – Полностью запрета порталов не обещаю, но приложу все усилия. Если вы не слишком заняты на праздниках, приезжайте ко мне, поговорим. Только на второй неделе, будьте любезны, всю первую мы с женой и сыном гостим у Эддерли.

– Непременно, милорд.

Грегор поймал холодный взгляд леди Аранвен, стоящей в трех шагах от них, поклонился и отошел. Действительно, это он сам с удовольствием весь оставшийся бал провел бы в разговорах о делах, а Аранвену приходится развлекать жену. Как же ее... ах да, Немайн... Имена у Аранвенос – язык сломаешь, хуже вольфгардских. Немайн Аранвен, некромантка... Дарра, значит, унаследовал от матери и дар, и склонность к науке, если верить канцлеру.

Стоило вспомнить об адептах, как Грегору немедленно захотелось в Академию! Перебрать накопившиеся за несколько недель заметки, превратив их в полноценные планы будущих занятий, поговорить с другими преподавателями... Правда, почти все они на праздничных каникулах, но ведь еще есть Денвер с его расследованием убийства!

У Грегора даже руки зачесались немедленно заняться хоть чем-то полезным, и тут он заметил в толпе придворных хорошо знакомую длинную фигуру с лошадиным лицом и коротко стриженными светлыми волосами, затянутую в черный с алым мундир. Дориан Ревенгар! На ловца, как говорится, и вурдалак бежит! Вот с ним обязательно стоит побеседовать, причем именно сейчас, пока отец адептки Ревенгар, Двойной звезды и гордости двух факультетов сразу, еще не натворил непоправимых глупостей.

Дориан ему, как ни странно, обрадовался. От фальшивых улыбок и изысканий преданности Грегора уже мутило, а за слово «восхищение» он готов был убивать, но Дориан расплылся в улыбке совершенно искренней и тут же сунул ему в руку почти полный стакан карвейна – деяние изумительно своевременное!

– Ваше здоровье, Ревенгар, – сказал Грегор с благодарностью и отхлебнул разом едва ли не треть.

Огненный шар обжег рот и прокатился в желудок, так что на пару мгновений все тело онемело, а потом налилось приятной горячей тяжестью. Зато вид окружающих перестал вызывать в памяти полный свод проклятий. Дориан одобрительно кивнул и снял с подноса пробегающего мимо лакея еще один стакан с каким-то слабеньким вином, судя по цвету. Перехватив трость, которую держал, под мышку, небрежно выплеснул содержимое стакана в ближайший вазон с лилиями, снял с пояса фляжку и налил себе того же карвейна. «Семеро Благих, – не без уважения подумал Грегор, – какая предусмотрительность! Впрочем, это же Дориан, он скорее согласится остаться без сапог и мундира, чем без выпивки».

– Ну что, Бастельеро, вот все и закончилось? Вас поздравить или посочувствовать?

Усмешка Дориана оказалась на удивление невеселой, а смотрел он едва ли не с сожалением. В любой другой момент Грегора это возмутило бы до крайности или хотя бы

удивило, но сейчас все почему-то казалось правильным, даже то, что он стоит в нише бального зала, спасаясь от собственного триумфа, как от пушечного залпа, и пьет с Дорианом Ревенгаром. С тем самым Дорианом, с которым они за двенадцать лет учебы укладывали друг друга в больничное крыло раз пять, а потом ведь даже не служили вместе: сначала воевали в разных полках, потом Грегор стал командующим, а Дориан так и остался обычным магом-боевиком, далеким даже от штаба.

До победы он не дослужил всего полгода – фраганское ядро угодило точнехонько в выставленный им щит. Будь Дориан один, он бы прикрылся достаточно надежно, однако рядом оказалось еще несколько офицеров, и Ревенгар растянул щит на всех. Осколок ядра чуть не лишил его ноги, и Претемная уже осенила краем своего темного плаща, но то ли удача любит смелых дурней, то ли срок еще не вышел – Дориана притащили в лазарет те самые спасенные им офицеры, а долечивался он уже в тылу.

– Идите вы к Барготу, Ревенгар, – от души посоветовал Грегор, скользнув взглядом по щегольской тросточке с серебряной рукоятью в виде орлиной головы, на которую небрежно опирался бывший соученик. – Сами знаете, что моей заслуги во всем этом...

– Меньше, чем они все говорят, но куда больше, чем думают, – фыркнул Дориан и отпил карвейна.

Грегор не сразу нашелся, что ответить. Этот Ревенгар, горько ироничный и с острым умным взглядом, был ему незнаком. Но... Да, определенно, с ним стоило говорить совсем иначе, чем Грегор собирался.

– Я насчет вашей дочери, – сказал он то, что само попросилось на язык. – Претемной ради, Ревенгар, неужели вы всерьез думаете, что она и вправду украла дар у брата?

– А не пойти ли нам в одном направлении, Бастельеро? – хмыкнул Дориан. – К Барготу, куда вы послали меня, а я сейчас пошлю вас? Ну и давайте хоть выпьем на гладкую дорожку?

– Давайте, – согласился Грегор и глотнул еще темного жидкого огня.

Вот так и начинаешь понимать Дориана с его вечной фляжкой: всего пара глотков, а окружающие разом становятся умнее и приятнее.

– Твое здоровье, Грегор!

Дориан, бесцеремонно перейдя на имя, – действительно, какие там условности между лордами Трех дюжин, бывшими соучениками и сослуживцами – допил стакан и задумчиво посмотрел на фляжку, но доливать не стал.

– Как она? – спросил он, глядя куда угодно, только не на Грегора. – Справляется? Ну, хоть немного...

– Что? – поразился Грегор, а потом вдруг понял.

Это до какой же степени можно недооценивать собственную дочь! Ну, Дориан, тебя ждет сюрприз...

– Справляется? – повторил он, потягивая карвейн уже медленно и с удовольствием. – Хм... дай-ка припомнить. Она создала уникальное умертвие, на которое облизывается весь фиолетовый факультет, включая магистра Эддерли, – между нами, конечно. На испытании устроила такое, что щит пришлось ставить самому Кристофу. Кристофу, понимаешь! И все равно магистру белых почти досталось по физиономии стаканом. Помнишь Роверстана, кстати?

– Еще бы, – поморщился Дориан и, сообразив, оживился: – Так это он сейчас главный разумник? И Айлин его...

– О да! – с чувством сказал Грегор. – Разукрасила этого белоснежного лебедя вишневым соком с ног до головы. А не далее, как сегодня утром, она у меня на тренировке снесла щиты третьекурсника, причем не из слабеньких. Знаешь, чем? Двумя Молотами! Тебе это ни о чем не говорит?

– Двумя... Молотами?

Настороженное лицо Дориана на глазах светлело изнутри, освещаемое – Грегор не мог ошибиться – гордостью. Удар попал точно в цель, не зря он вспомнил, как еще в Академии прозвали Дориана, кичащегося объемом резерва и мощью любимого заклития. Ревенгар Два Молота! А девочка-то изо всех сил старается подражать отцу...

– Двумя одновременно, – подтвердил он, умолчав, как Айлин потом сама перепугалась и какими виноватыми глазами смотрела на Саймона.

И хорошо, в общем, что обошлось, иначе он сам бы себе никогда не простил, но Дориану это все знать не обязательно.

– Снесла щиты и отправила Эддерли-младшего, который под ними стоял, в лазарет с треснувшими ребрами, – добавил он, расчетливо подбирая именно то, чем Дориан Ревенгар должен был, просто обязан гордиться в своей дочери. – Кстати, ты бы поднатаскал ее на вакациях в фехтовании, девочка старается, но...

– Да, это я упустил, – снова слегка помрачнел Дориан и вздохнул: – Барготовы подштанники, Грегор, ну кто бы знал, что все это так сложно! Я же видел детей всего пару-тройку раз в году, когда выбирался домой на праздники Солнцестояния или чьи-то именины. И Гвенивер мне их показывала, конечно, но сам понимаешь... Выйдет ко мне пара заспанных ребятишек, поцелует руку, назовет папенькой... Я их обниму, поцелую, а потом их уведут спать, а мне бы с женой побыть, утром-то уже в полк нужно. Да и то, Артур всегда ластился, как котенок, сам на руки прыгал, а Айлин дичилась. Глаза в пол, и дрожит, когда я подхожу! Я и решил, дурак, что все дело в том, что она – девочка. Баргот знает, как их воспитывать, этих девиц? С мальчишками куда проще! А тут... Куклу привезу – она благодарит, а сама шарахается... Я уже потом понял, что Гвенивер их и отчитывала, и наказывала от моего имени. Чуть что – отец будет недоволен! Грегор, Баргота ради, ну ты же меня знаешь! Неужели я бы разозлился на дочь, случись ей измазаться в саду или поиграть с собаками на псарне? Эх...

Он махнул рукой с тоскливой безнадежностью, и Грегора вдруг пронзило острое понимание, что в семье Ревенгаров и вправду неладно. Делиться настолько личным почти с первым встречным – это насколько же бывшему соученику и сослуживцу паршиво на душе! Женился Дориан явно по любви, но...

– Дориан, послушай, наверняка все не так плохо, – попытался он несколько неловко посочувствовать. – У тебя прекрасная дочь. Талантливая, умная. Упрямая – вся в тебя! Ты ведь собираешься забрать ее на вакации?

– Собираюсь, – буркнул Дориан и снова отвел взгляд. – Вот какого Баргота моя любимая, но дурная женушка решила, что я недоволен дочерью? Мол, она должна была непременно удалиться в породу Ревенгаров, а если получилась рыжей, в Гвен, то я оскорблен и разгневан. С чего?! Сын-то в меня, словно нас в одной форме отливали, а девочке лучше родиться покрасивее. Если бы мне не нравились рыжие, зачем бы я женился на Гвен? Как можно не любить дочь, если она похожа на свою мать и твою жену, а?

– Не знаю, – искренне сказал Грегор.

А действительно, родись у него, скажем, светловолосый или рыжий ребенок, совсем не в кровь Бастельbero, смог бы он взглянуть на это, как Ревенгар? Хотя с наследником у того все в порядке, а дочь все равно выйдет замуж... «Да и с девочкой все в порядке, – раздраженно подумал он. – Рыжина не преступление...»

– А, к Барготу все! – махнул рукой Дориан и поднес к губам фляжку, окончательно наплевав на этикет. – Грегор, а приезжай к нам на праздники? Я на второй неделе волчьей охоты устраиваю. Только для своих, с кем служил вместе! Выпьем, поохотимся, отдохнем душой...

«Выхлестаем бочку карвейна, будем долго и безуспешно гонять несчастных волков, швыряясь в них всякой смертоносной дурью, – привычно перевел Грегор, вспоминая много раз виденные развлечения магов-боевиков. – Потом снова будем пить, и хорошо, если дело не закончится парой-тройкой дуэлей... Ну уж нет, это без меня. Да и на вакациях у меня будет своя собственная охота, на зверя куда страшнее и подлее».

– Я же вам все веселье испорчу, Дориан, – усмехнулся он насколько мог по-дружески. – Вспомни, кто в армии был главным занудой? Но за приглашение благодарю. Может, потом, после охоты?

– Тогда на Солнцестояние, – решительно подытожил Дориан. – Ты же холост, и с кузенами, прости за откровенность, вроде не ладишь – чего тебе киснуть дома в одиночестве?

Приезжай, у нас будет весело!

– Обещаю, – кивнул Грегор и посмотрел почему-то в дальний конец зала.

Все это время вокруг танцевали и веселились, кто-то флиртовал, кто-то оскорблялся, кто-то завязывал нужные знакомства и приглядывал пары для детей. Жизнь продолжалась, словно и не было всех этих лет, и внезапно до острой боли захотелось, чтоб у него все было так же.

Ездить к друзьям с визитами, пить и охотиться вместе, хвастаться былыми подвигами и соглашаться, что молодежь нынче не та... Потом и вправду сделать предложение женщине, от одного взгляда которой сердце понесется вскачь... И... ведь так бывает, верно? Почему бы и не с ним? Но сначала нужно найти убийцу-барготопоклонника. И заставить Малкольма закрыть порталы. И... да иди оно все и правда к Барготу! Бал это или не бал! Вот прямо сейчас он пойдет и пригласит первую попавшуюся хорошенькую леди, а потом еще парочку... И неважно, с кем там сейчас танцует Беатрис, он просто еще разок глянет на этого щеголя в гвардейском мундире, чтобы хорошо запомнить, вдруг у того хватит наглости наступить Грегору на ногу или задеть кончиком ножен? А потом нужно будет найти Малкольма и напомнить об обещании напиться вместе, вот! Грегор глубоко вдохнул и выдохнул, пообещал себе, что не пустит Барготу под хвост свой первый бал за десять лет, демоны его дери, и прислушался, что там сейчас начинают играть. Оркестр грянул первые такты очередной паэраны.

Глава 4. Не зови то, что умерло

Вечер опустился на Академию так быстро, что Айлин, возвращаясь из библиотеки, с изумлением посмотрела в окно галереи. Синие зимние сумерки на глазах сгущались, еще немного – и будет совсем темно. Дома она очень любила в такое время сидеть у окна и наблюдать, как все вокруг погружается в мягкий ласковый полумрак, как вещи теряют очертания, становятся таинственными, как в сказке, того и гляди старые часы нахмурятся строгим старческим лицом, а с картины, висящей на стене, улыбнется юная леди и ее рыцарь...

В Академии все казалось еще волшебнее, чем дома, ведь здесь, наверное, каждый камень пропитан чарами! Но сидеть у окна и любоваться сумерками не выйдет, в комнате вечерами собираются подружки Иоланды и так трещат, что даже канарейка смолкает от зависти. Сегодня же разговоров и вовсе будет не переслушать, ведь завтра адепты разъезжаются по домам на две долгих праздничных недели. Будут балы, гулянья, катания на санях за городом, и все заранее приглашают друг друга в гости и хвастаются, какие приглашения уже получены. А она... Айлин решительно отогнала страшную мысль, что ее просто оставят в Академии. Даже думать об этом она не станет! А вместо всяких глупых мыслей, лезущих в голову, пойдет в лазарет к Саймону – вот!

В конце концов, это же она его туда отправила, значит, надо извиниться. И обязательно принести с собой что-то вкусное. Подошли бы сладости, присланные тетужкой Элоизой, но... Айлин уже вскрыла все коробки. Просто чтобы попробовать понемножку всего! И теперь нести в подарок лакомства в помятых и надорванных коробочках было совершенно невозможно.

Решение пришло само собой, стоило ей войти в комнату и увидеть жадный взгляд, который одна из подружек Иоланды бросила на коробку конфет, так и оставшуюся с утра лежать на тумбочке. Коробка так соблазнительно блестела раскрашенной жестяной крышкой, что девица не выдержала:

– Айлин, дорогая, не хочешь ли выпить с нами шамьета? – пропела она при молчаливом одобрении Иоланды и их третьей подружки.

– Простите, не могу, – голосом воспитанной девочки отозвалась Айлин, похлопала ресницами, как кузина Ирэн, и ухватила вожденную коробку. – Благодарю за приглашение, но я обещала кое-кому зайти в гости. Приятного вечера, сударыни.

И вышла из комнаты, провожаемая взглядами, от которых даже между лопатками зачесалось. Угощать их подарком Саймона и Дарры? Еще чего не хватало! И вообще, пусть думают, что у нее здесь тоже полно друзей. Не такое уж это и вранье, правда?

Всю дорогу до лазарета она промчалась, как на крыльях. Академия была непривычно тиха: многие адепты покинули ее прямо после занятий, и башмачки Айлин звонко стучали по деревянным полам целительского крыла, как обычно, натертым до блеска. Сумрак в коридоре разгоняли уютным желтым сиянием магические светильники, и было так легко представить себя кем-то другим! Например, Прекрасной Джанет, сбегавшей из родного

дома, чтобы спасти своего возлюбленного – рыцаря, похищенного в детстве альвами. Именно эта картина висела в ее спальне, и Айлин часто глядела на нее, засыпая. А теперь она сама скоро станет грозной некроманткой! И боевиком – тоже! И никакие альвы никогда не осмелятся отнять у нее...

– Ой!

– Прошу прощения, юная леди, – сказал знакомый бархатный голос, и Айлин чуть не взвыла от стыда, отскочив от человека, с которым почти столкнулась.

Ну что это такое! Она же не нарочно, так почему это снова он?!

– Простите, магистр, – присела она в реверансе, мечтая хоть на пару мгновений стать иллюзорницей и исчезнуть отсюда.

– О, ничего страшного, – отозвался магистр Роверстан, весело глядя на нее. – Пришли снова навестить деда?

И вот тут ей стало стыдно по-настоящему. Покраснев так, что загорелись и уши, и щеки, Айлин молча кивнула. Она совсем забыла! А ведь обещала! И конфеты... конечно, их стоило отнести больному дедушке, а Саймон и так не обиделся бы, наверное...

– Мне очень жаль, юная леди, но магистр Морхальт уехал домой, – сказал сверху ласковый мягкий голос. – Здесь для него слишком беспокоино. Уверен, он был бы рад узнать, что вы заходили. Я как раз собирал некоторые вещи магистра, и, если хотите, завтра передам ему ваши пожелания.

Уехал? Ох... Неприлично думать о таком, но... Айлин мгновенно полегчало. Конечно, дедушке нужно отдыхать! Когда болеешь, не до гостей. И если магистр Роверстан так великодушно предлагает...

– Да, м-м-милорд магистр, – пролепетала Айлин. – Очень вам благодарна... Простите, – вдруг вспомнила она, что совсем не знает, куда идти. – А вы не могли бы подсказать, где комната адепта Эддерли?

– В самом конце коридора последняя справа, – очень серьезно отозвался магистр Роверстан.

– Благодарю, милорд! – Она подняла взгляд, сделала торопливый реверанс и, выпрямившись, решительно протянула коробку, из которой, к счастью, не успела еще съесть ни одной конфетки. – Вы не могли бы оказать любезность и передать это дедушке? С наилучшими пожеланиями здоровья и благополучия, – старательно выговорила она, как учила матушка.

– О... хм... – Магистр на пару мгновений замолчал, а потом еще ласковее сказал: – Милое дитя, ваши пожелания я, разумеется, передам, и магистр Морхальт будет очень рад их получить. Но у него строгая диета, так что съешьте эти конфеты сами. Уверю вас, так они принесут гораздо больше пользы! С вашего позволения...

Он снова поклонился ей, как взрослой леди, и исчез в тених коридора, а у Айлин словно гора с плеч свалилась. Конечно, она навестит дедушку! Как-нибудь... потом. Когда его не будут утомлять гости, а она сможет покинуть Академию.

Промчавшись до конца коридора, она уже приготовилась постучать в заветную дверь, но та сама распахнулась, и Айлин окатило ярким после темноты светом и шумом множества голосов, среди которых она расслышала ликующий возглас Саймона:

– Ну вот, я же говорил, что она придет! Сюда, Ревенгар! Эй, кто-нибудь, найдите стул для леди!

Ошеломленная Айлин сделала шаг через порог и оказалась в небольшой комнате, полной народа. Особый курс лорда Бастельеро в полном составе расселся на подоконнике, на паре стульев, на стоящей посреди комнаты кровати, в которой возлежал чрезвычайно довольный чем-то Саймон Эддерли, и даже на полу. Дверь позади закрылась сама собой, а со стула возле кровати встал Дарра Аранвен и, жестом пригласив Айлин садиться, неодобрительно сказал:

– Миледи, прошу прощения за манеры моего друга. Саймон, прекрати кричать, тебе вредно. Если тебе дали обезболивающее, это не значит, что ты уже здоров.

– Зануда, – буркнул Саймон и возвел глаза к потолку, а потом с восторгом уставился на коробку в ее руках. – О, сладкое! Очень кстати. Ну, Айлин, садись же!

Айлин прошла пару шагов, чувствуя на себе множество взглядов, и села на предложенный стул, тщательно расправив мантию на коленях. «Леди всегда ведет себя достойно, –

всплыли в памяти много раз слышанные слова матушки. – В любом обществе о леди судят по ее поведению, и если оно безупречно, репутация леди будет вне подозрений...»

Ой, только матушка никогда не говорила, как себя вести, если на тебя смотрит дюжина молодых людей, и с тобой нет ни подруги, ни родственницы, ни даже служанки... Ой-ой-ой... Если только матушка узнает... Если узнает хоть кто-нибудь!

– Господа... – раздался очень спокойный и вежливый голос над головой сидящей Айлин, и она вдруг увидела, что все взгляды устремлены вовсе не на нее, а на стоящего за ее стулом Дарру.

– Да за кого вы нас принимаете, Аранвен? – почему-то очень обиженно отозвался сидящий на подоконнике Оуэн Галлахер, и остальные закивали.

Кто-то отставил чашку, которую держал в руках, кто-то поменял позу на более сдержанную или застегнул ворот мантии, и Айлин вдруг увидела, что вокруг нее дюжина чрезвычайно учтивых молодых дворян.

– Прошу прощения, господа, – так же церемонно отозвался Дарра и попросил тоном, не подразумевающим даже тени возражения: – Драммонд, будьте любезны, сходите на кухню за шамьетом для леди Айлин и Саймона.

Черноволосый мальчик чуть постарше Айлин, с бледным, но конопатым, как перепелиное яичко, лицом, вскочил и, отвесив короткий поклон, выбежал за дверь.

Шамьет? Айлин огляделась, заметила чашки в руках собравшихся, но никакого кувшина, зато на подлокотнике единственного кресла, занятого сразу Хавардом и Сэвендишем, стояла бутылка, которую Хавард, почему-то покраснев, спустил на пол.

– А мне-то зачем? – обиженно спросил Саймон. – Я же не леди, чтобы пить шамьет вместо карвейна!

Ой... Айлин едва не рассмеялась, сообразив, в чем дело. Устав Академии! И в чашках, получается... Понятно, почему юноши потупили глаза. Но она же никому ничего не скажет!

– Эддерли... – утомленно вздохнул Дарра, обходя ее и грациозно опускаясь на самый край постели друга. – Сколько раз вам повторять? Лечебные зелья не сочетаются с карвейном. Особенно те, что дают вам. Мэтр Бреннан любезно и предусмотрительно велел мне за этим проследить. Но это все равно не основание нарушать правила лазарета, так что потише, господа, потише.

Бутылка, снова явившаяся на свет, пошла по кругу, в каждую чашку наливали всего по несколько глотков, как могла видеть Айлин, а из коробки, которую она вежливо открыла, брали по одной конфетке. Кто-то прикрутил светильник на стене, и в комнате стало приятно сумеречно. Она вдруг поймала внимательный взгляд Дарры и робко улыбнулась. Так странно... Сидеть в компании пусть и дворян, но почти незнакомцев, при этом чувствовать себя удивительно защищенной и спокойной! Словно рядом с ней брат или самый-самый лучший друг! Саймон тоже глянул на нее открыто и весело, подмигнул, сказав:

– Ну и ладно, Ревенгар! Шамьет так шамьет, лишь бы этот зануда был спокоен.

И взял конфету в серебристой обертке, которую она ему протянула. Прижал к сердцу, закатил глаза, изображая рыцаря, получившего что-то от дамы сердца, и первым же рассмеялся, потом хихикнула Айлин, и даже краешки губ Дарры тронула сдержанная улыбка.

Через пару минут вернулся Драммонд и протянул Айлин полную чашку еще дымящегося шамьета с таким видом, словно только что отбил его у дракона, не меньше. Вторая чашка отправилась к Саймону, и он поднял ее вверх, провозгласив:

– За прекрасную леди Айлин, благодаря которой мы все здесь собрались!

Ох... Айлин снова потупилась, но тут Саймон бросил в нее конфетой и возмутился:

– Эй, ты же некромантка, да еще и боевик! Должна отбивать на лету! И ты тоже, кстати, Морстен!

– Извините, Эддерли, – чуть криво улыбнулся Морстен, устроившийся на подушке у стены. – Право, мне очень жаль.

Выглядел он каким-то растерянным и несчастным. «Наверное, стыдится, что не удержал щиты и Саймону досталось, – решила Айлин. – Но он ведь виноват гораздо меньше меня!»

– Да бросьте вы, Морстен, – великодушно сказал Саймон. – Мы с Даррой вас потренируем, как только кончатся вакации, вы еще любого боевика заткнете за пояс. Верно, Аранвен?

– Мало кто может удержать два молота разом, – сдержанно уронил Дарра, слегка кивнув. – Впрочем, как и кинуть...

– Что?! – раздался вдруг из-за двери непривычно раздраженный голос мэтра Бреннана, и все в комнате, включая Айлин, замерли. – Милочка, я сорок лет имею дело с детскими пакостями! Мало мне переломов, отравлений и притащенной из города заразы, так еще непременно находятся бестолочи, которым скучно без приворотных зелий или порч! Это – порча! Причем не наведенная, а возвращенная! Хотите обвинить кого-то, сначала подумайте, чем это обернется лично для вас. Да любой преподаватель по почерку мгновенно определит и того, кто эту гадость делал, и того, кто снимал! Помолчите, я сказал! Первокурсница делает порчу! И чем? Примитивным «красным ветром», как деревенская ведьма. Стыдитесь, адептка Морьеза! – рявкнул он в уже нешуточном гневе. – Я должен сказать об этом вашему куратору! Считайте, что неделю отработок на праздниках вы себе обеспечили!

Послышался громкий всхлип и сбивчивые оправдания, удаляющиеся, как и раскатистый голос мэтра Бреннана.

– Ой... – прошептала Айлин почти одними губами, услышав родовое имя Иды. – Так это...

– С твоего курса, да? – тут же сообразил Саймон. – Та черненькая итлийка?

Айлин молча кивнула. Ей почему-то было стыдно и гадко, словно в мерзости уличили ее, а не Иду. Ну зачем? Неужели только потому, что Айлин – леди, а не простолюдинка? Или из-за того урока фехтования? Но Ида же победила, она всегда побеждает Айлин в поединке. Или потому что Айлин хвалят все преподаватели, кроме учителя чистописания и каллиграфии? Как обидно...

– Ну, теперь она барготову дюжину раз подумает, прежде чем делать тебе гадости, – бодро сказал Саймон. – Господа, а не принять ли нам одно полезное и приятное правило? Мы все с разных курсов, но выбраны в ученики лучшим некромантом Ордена – это чего-то да стоит! Пообещаем друг другу, что если кого-то из нас оскорбят – остальные обязаны вступить. И не только как за брата по гильдии или сестру... – указал он взглядом на Айлин, – но и как за кровного родственника, если понадобится. Кто не согласен, пусть скажет об этом сейчас! Обещаю, что никакой обиды на него не затаю.

– Кто же от такого откажется, Эддерли? – хмыкнул Тимоти Сэвендиш, долговязый блондин с пятого курса. – Это честь для нас.

Остальные одобрительно закивали, и даже Морстен, чуть помедлив, тоже кивнул. Ему, единственному простолюдину среди дворян, явно было не по себе, и Айлин сочувственно ему улыбнулась, но юноша почему-то отвел взгляд.

– Клятва верности? – задумчиво уточнил Дарра и пожал плечами, вставая с постели Саймона: – Что ж, почему бы и нет? Ничего, что противно чести, разумеется. В остальном клянусь быть верным другом каждому, кто верен нашему союзу.

– Клянусь! – вскочил Драммонд и поднял чашку с карвейном, словно оружие на присяге.

– Клянусь... клянусь!

Оба Оуэна, Галлахер и Кэдоган, последовали его примеру, спрыгнув с подоконника.

– Клянусь... Клянусь! Клянусь...

Юноши один за одним вставали, и даже Саймон потянулся с постели, но снова упал в подушки, виновато улыбнувшись, а Дарра предостерегающе положил ему на плечо руку.

– Клянусь, – тихо и будто нехотя сказал Морстен, и Айлин, поняв, что осталась последней, вскрикнула срывающимся голосом: – Клянусь!

Никто не рассмеялся, все приняли ее клятву, как должное, и она по примеру прочих поднесла к губам остывший шамьет, показавшийся горьким, как лекарство.

– Ну вот, Ревенгар, теперь у тебя почти дюжина названных братьев, – улыбнулся ей Саймон. – Дарра...

Аранвен молча ему кивнул и повернулся к Айлин.

– Простите, мне пора, – поспешно сказала она, вдруг смутившись. – Я... пойду?

– Позвольте проводить вас, милая Айлин, – негромко, как всегда, сказал Аранвен, и Айлин, смутившись, кивнула.

Все ее попытки вести себя согласно этикету в Академии постоянно проваливались, но идти темными коридорами в одиночку – это гораздо неприличнее, чем принять любезное приглашение адепта Аранвена. То есть просто Дарры...

В жилое крыло они шли молча. Айлин видела, как Дарра умеряет свой широкий шаг, чтобы она не торопилась, и чувствовала себя совсем маленькой. Но возле самой комнаты он остановился, выслушал ее торопливую благодарность и поклонился. Правильным взрослым поклоном, и Айлин чуть не опозорилась, но вовремя вспомнила, что означает именно таким образом отведенная за спину левая рука кавалера и чуть выдвинутое колено... Поспешно подала руку, и Дарра, приняв ее ладошку, легко коснулся губами запястья, а потом, выпрямившись, безупречно вежливо пожелал доброй ночи и исчез в темноте коридора. Айлин перевела дух и растерянно подумала, что, наверное, есть правила этикета и на такой случай, но она их точно не знает. А дюжина братьев – это очень странно, но она совершенно об этом не жалеет! Что бы там ни думала матушка.

* * *

Когда камердинер преградил ему дорогу у самой двери королевского кабинета, Грегор так удивился, что даже не разгневался. «В любое время дня и ночи, без доклада и просьбы о позволении», – звучал приказ, отданный о нем Малкольмом двадцать лет назад и до сих пор соблюдавшийся неукоснительно. Собственно, если бы не этот приказ, то однажды...

Он отбросил несвоевременную мысль и поднял брови, глядя на камердинера. Кстати, как его? Этот слуга тоже у Малкольма лет двадцать не менялся, и Грегор вспомнил имя без особого труда – Джастин.

– Прошу прощения, милорд Бастельеро, – склонился седовласый камердинер в почтительнейшем поклоне. – К его величеству нельзя... никому... Умоляю, ваша светлость...

– Какого Баргота? – очень ровно и вполне мирно поинтересовался Грегор. – Погодите, Джастин, он там... с ее величеством?

– Эм...

– С кем-то другим?

Камердинер вскинул голову и в ужасе замотал ею, отрицая саму возможность подобного.

– Нет-нет, ваша светлость, ни в коем случае! Его величество... он несколько нездоров...

– Настолько нездоров, что не может меня принять? – еще спокойнее поинтересовался Грегор. – Я не вижу здесь целителей. И либо сейчас услышу истинную причину, почему мне нельзя увидеть короля, либо вам лучше убраться с дороги, Джастин. Я ценю вашу преданность Малкольму, только поэтому...

Камердинер отчетливо побледнел, и Грегор не без раздражения подумал, что раньше слуги его не боялись. Вот их хозяева-дворяне – случилось, а срывать гнев на низшем сословии он всегда считал недостойным аристократа.

– Успокойтесь, – сказал он утомленно. – И...

– Какого демона? – послышался голос из кабинета, и Грегор посмотрел на чуть приоткрытую дверь с изумлением. – Джастин, гони всех! Королеву, наследника, канцлера, Архимага! Да хоть самого Баргота, если заглянет на огонек!

– Слышите? – усмехнулся Грегор, поправляя манжеты и в упор глядя на камердинера. – Меня в этом списке нет, так что, полагаю, его величество не будет против.

И, взглядом отодвинув обреченно посторонившегося слугу, вошел в кабинет, а потом плотно закрыл дверь за собой.

– Доброго вечера!

– А-а-ага... – поднял низко опущенную голову Малкольм, и Грегор увидел то, что уже понял по голосу короля. – И правда... кто же еще...

– Вы бы предпочли Баргота, ваше величество? – не удержался Грегор, рассматривая его. Малкольм был пьян. Чудовищно пьян, учитывая его обычную стойкость к вину. Голубой бархатный камзол, в котором он был на балу, небрежно валялся у ножки стола, уставленного – один-два-три... – тремя кувшинами арлезийского. Закуски на столе почти не наблюдались, так, пара обглоданных ребрышек, зато лежали какие-то бумаги, уже залитые вином до полной неузнаваемости. Это на Малкольма тоже было совсем не похоже. Швырнуть чернильницей или бутылкой в кого-то – запросто! Но документы он держал в порядке даже без секретарей.

– Сядь, – велел Малкольм, глядя на него мутным, ничего не выражающим взором. – И налей себе. Раз пришел.

– Ваше величество приглашает? – уточнил Грегор, еще не зная, как себя вести. Может, и вправду стоило оставить Малкольма наедине с очередным кувшином? Каждому иногда нужно сбросить оковы этикета... Но какого Баргота здесь творится? С чего? – Боюсь, вы так резво прищипорили лошадей, что мне вас не догнать.

– Сядь, – повторил король, помолчал и добавил: – Не строй из себя шута. Не сейчас.

– Как скажешь, – кивнул Грегор.

Смахнул со свободного кресла какую-то бумагу, брезгливо покосился на стол и взмахнул рукой. Легкий удар силой сгреб размокшие листы и прочий мусор к дальнему краю, а лужа вина бесследно высохла. Малкольм только хмыкнул, поболтал на весу очередным кувшином, убедившись в наличии содержимого, и щедро плеснул в единственный кубок, подвинув его Грегору.

Грегор, мгновение подумав, кубок взял. Разумеется, он бы никогда не пригубил из чужой посуды – из той же самой брезгливости и гордости, но Малкольм был единственным исключением.

– Твое здоровье! – он сделал глоток отличного арлезийского и не поставил кубок обратно, а обхватил его ладонями, держа перед собой и испытующе глядя на короля. – И какова причина для всего... этого?

– А что, нужна причина? – ухмыльнулся Малкольм, и оказалось, что то ли он не так уж пьян, то ли стремительно трезвеет. – Думаешь, мало их?

– Но ты напился сегодня, – уронил Грегор, не желая думать, что его слишком долго не было при дворе, вдруг у старого друга уже вошло в обыкновение коротать вечера с бутылкой? – Что не так?

– Все, – глухо сказал Малкольм, глядя куда-то мимо него так пристально, что, будь он некромантом, Грегор бы решил, что король увидел призрака. – Все не так... Бастельеро, тебе было когда-нибудь стыдно за прошлое? Так стыдно, чтобы... кровь мерзла.

– Нет, – спокойно ответил Грегор. – Я не делаю того, за что придется стыдиться. А того, что делаю, не стыжусь.

– О да-а-а... – протянул Малкольм с непонятной злостью. – Я и забыл. Ты же у нас безупречный! Безгрешный, как Семеро Благих, и неприкасаемый, как барготова задница. Это я, дурак... Дай...

Он потянулся через стол, бесцеремонно забрал кубок у Грегора и опрокинул в себя, а потом хлопнул на стол.

– Ненавижу это все, – сообщил тускло и снова отвел взгляд в сторону. – Не-нави-жу. Ты видел ее сегодня? Ведь видел же?

И только сейчас Грегора осенило. Так вот это все... Из-за нее? Из-за смазливой бывшей фрейлинки, отосланной Малкольмом целую вечность назад, еще до войны? Как же ее...

Нет, имя он помнил, потому что при дворе все наперебой сравнивали эту дурочку с героиней известной старинной легенды. Но род? Мелкое дворянство из провинции...

Впрочем, какая разница, если она давно замужем? Джанет Вальдерон, бывшая Прекрасная Джанет...

– Видел, – сухо подтвердил он. – И что? Тебе напомнить кое о чем, или не стоит?

– Напомнить? – с той же прорывающейся злостью переспросил Малкольм. – Что у нас крепкий торговый договор с Итлией и полная казна – приданое моей жены? Да, это была достойная... цена.

– Что ты женат, и у тебя дети, – еще холоднее сказал Грегор. – Что твоя королева – достойнейшая из женщин, а не какая-то...

– Молчать... – прошипел король, и Грегор осекся.

Если бы Малкольм крикнул... Но этого сиплого шепота, слышанного им всего пару раз в жизни, боялся даже он. И почти не стыдился этого.

– Скажешь про нее дурное слово... – тем же бесцветным хриловатым голосом предупредил Малкольм. – Не смей, слышишь?

– И не собирался, – независимо пожал плечами Грегор, в свою очередь забирая кубок у короля и наливая вина – после такого стоило выпить. – В конце концов, она замужняя женщина уже... сколько? Лет пятнадцать?

– Шестнадцать, – угрюмо отозвался Малкольм, и уже это само по себе было неслыханно: чтобы он помнил какую-то девицу так долго! – Шестнадцать барготовых лет.

– И у нее трое детей, – безжалостно сказал Грегор, чувствуя себя целителем, вскрывающим нарыв. – И вроде бы мужем она вполне довольна. Хороший был выбор. Твой, между прочим.

– Заткнись, – болезненно морщась, попросил Малкольм и посмотрел на кубок в его руках с тоскливой жадностью. – Сам знаю. А вот ты... ничего ты не знаешь... И про детей...

«А что – дети? – удивился Грегор, снова невозмутимо отпивая вина под взглядом короля. – Обычные дети. Рослые, крепкие... На родителей похожи, девчонки такие же сдобные круглолицые пышечки как мать, а сын весь в отца. Вальдерон, кстати, смахивает на короля, тоже светловолосый здоровяк с истинно дорвенантским лицом – неужели Малькольм и такую мелочь предусмотрел для счастливого брака своей фрейлинки? Да нет, вряд ли, – к чему? Мальчишка, Вальдерон его сегодня представлял, мог бы и вызвать... подозрения. Такой же длинный, как Малкольм в его возрасте, плечистый и с упрямой челюстью... Только вот Джанет вышла замуж за Вальдерона шестнадцать лет назад, и они сразу уехали, а наследников представляют ко двору в четырнадцать. Барготово дерьмо, неужели Малкольм напился из-за того, что бывшая любовница наплодила законных отпрысков, а не его бастардов? Ну не мог он всерьез рассчитывать на ней жениться!»

– У тебя тоже дети, – сказал он насколько сумел мягко. – Прекрасные дети, благословение богов. Криспин – замечательный парень! И Кристиан тоже... Двое сыновей, две дочери – Малкольм, тебе ли гневить Семерых? И Беатрис...

– Ох, молчи про Беатрис, – поморщился Малкольм и все-таки потянулся за кубком, который Грегор безропотно отдал, поскольку вина там почти не было. – Беатрис... Он допил остаток, посмотрел на пустой кувшин, потом на дверь, за которой наверняка дежурит верный Джастин.

– Она великолепная королева, – торопливо сказал Грегор, хотя у него самого уже начало подниматься глухое раздражение.

Как можно быть подобным болваном и не ценить то, что имеешь? Быть мужем прекраснейшей женщины своего времени – и вздыхать о провинциальной простушке и дурочке? Счастье еще, что у Джанет Вальдерон хватает ума не заигрывать с бывшим любовником – сегодня на балу она явно старалась держаться как можно скромнее и вообще подальше от Малкольма. Определенно – ее счастье.

– О да, изумительная, – с редкой для него саркастичностью согласился Малкольм, снова доказывая, что не так уж пьян. – Образец королевы, можно сказать. И мать – тоже прекрасная. А если ты спросишь, чего мне еще нужно, я тебе – Барготом клянусь – дам по морде. Или хоть попытаюсь, – достойно оценил он свои нынешние возможности по сравнению с трезвым Грегором. – Дрянь... Какая же я дрянь, Бастельеро...

Опьянение его дошло до той ступени, когда начинаешь жалеть себя, и в самом деле кажется, что весь мир несправедлив. Малкольм поставил локти на стол, уронил голову на сплетенные пальцы и глухо проговорил, не заботясь, слышит ли его собеседник, но Грегор на слух никогда не жаловался:

– А ведь это могли быть мои дети. Все трое. И она... смотрела бы на меня. Как на него – сейчас. Я же сам его выбрал... для нее... Самого честного, самого доброго... Лучшего из своих лордов... А теперь... теперь хочу его убить. Она с ним счастлива... счастлива же, бар-ротово дерьмо. И мальчишка этот...

– Тебе своих мальчишек мало? – чувствуя, что лицо застыло, словно на морозе, поинтересовался Грегор. – Или хочешь старое вернуть? Малкольм, не дури, мертвое должно лежать в земле, это я тебе и как некромант, и как друг говорю. А у вас... то есть между вами... Ну, приблизишь ты ее к себе опять... Если муж это терпит. А она... Про себя он успел подумать, что Вальдерон в таком случае может стать очень большим препятствием, но Малкольм упрям, как сто ослов, и если он действительно решил... Проклятье. Нехорошо-то как! Беатрис такого не заслуживает!

– Болван! – громко и очень четко сказал Малкольм, поднимая голову и глядя прямо ему в лицо. – Ты так ничего и не понял? Она – счастлива. Она на него смотрит, будто... будто во всем мире других мужчин и нету. Она – светится. Моя... Джанет. Да я лучше сам себе руку отрублю, если полезу... между ними.

– Ну и хорошо, – выдохнул немного успокоенный Грегор. – И правильно.

В конце концов, если Вальдероны столько лет просидели в поместье, вряд ли они останутся в столице надолго. У них дочери вошли в возраст, наверняка это единственная причина для выезда. Девушки миленькие, воспитанные, с отличным приданым – выскочат замуж быстро, как пробка из бутылки с игристым фраганским. Сын... Дара у него нет, значит, либо в гвардию через пару лет, либо в придворные бездельники, либо останется дома управлять имением, в любом случае это не то, о чем следует переживать. Да Грегор ему сам с удовольствием окажет протекцию, если Джанет Вальдерон в благодарность будет держаться подальше от двора. Лишь бы Малкольм не натворил глупостей.

– А знаешь, Бастельеро...

Король вдруг встал и, покачиваясь, вышел из-за стола. Подошел к резному шкафчику в углу и достал из него еще один кувшин, побольше прежних, бутылки в две. Грегор закусил губу, окончательно переставая понимать происходящее. Зачем?! Зачем держать выпивку в кабинете, если стоит велеть – и принесут из подвала!

Ответ ему не нравился. Очень не нравился, и он вгляделся в лицо Малкольма, ища то, о чем раньше просто не думал. Ну, по глазам сейчас ничего не понять, но должны же быть следы на лице? Лопнувшие мелкие сосуды, постоянная обрюзглость... Нет, если Малкольм и позволял себе лишнего, то либо недолго и нечасто, либо его целитель хорошо скрывал такие вещи. Ладно, с этим Грегор позже разберется. Если же это просто внезапная тоска, то...

Он ведь не лгал и позерствовал, утверждая, что нужно отпускать то, что умерло. Хоть людей, хоть любовь... И если Малкольму всего-то надо напиться разок, чтобы окончательно забыть свою Прекрасную Дженет, – да и ради Благих!

– Знаешь... – повторил король, возвращаясь и плюхаясь в кресло.

– Да? – терпеливо уточнил Грегор.

– Иди к Барготу, – сказал вдруг Малкольм совершенно трезвым голосом, мгновенно выдавшим, что он абсолютно, просто дико пьян. – Пить ты со мной не будешь, слушать... Да я и сам не стану... говорить. О ней... Не с тобой. Так что иди... Иди, Грегор. Я... Завтра все будет как надо.

И он, пожалуй, был прав. Если бы Грегор мог остаться и помочь, он бы так и сделал, что бы там ни нес пьяный Малкольм про свою великую любовь. Но кое-что надо переживать в одиночку, как зверь, что забивается в логово, не позволяя другим увидеть свою слабость. Малкольм ему доверяет, конечно, но завтра может и пожалеть, если наговорит лишнего. Гордость Дорвеннов ни на каких весах не уступит гордости Бастельеро.

Поэтому он встал и кивнул. Сказал негромко:

– Понадоблюсь – позовешь. Как обычно, в любое время.

Увидел короткий кивок в ответ и пошел к двери. Уже почти взялся за ручку, но тут в спину прозвучало:

– Стой!

Грегор замер, потом повернулся. Малкольм сидел, откинувшись на спинку кресла, и сейчас было хорошо видно, как он постарел. То ли за эти десять лет, что они толком не виделись, то ли за несколько часов, прошедших после бала... Бывает и такое, оказывается, что часы длятся дольше, чем годы. Под голубыми глазами короля набухли мешки, лицо расплылось, да и сам он разом погрузнел, оплыл, как тающий по весне сугроб, и Грегор поклялся себе, что обязательно вытащит друга хоть на охоту – плевать, что он сам ее терпеть не может, Малкольм-то любит! – хоть просто на тренировочную площадку. Безобразие же – так распускаться! А женщины... это пройдет!

– Если забуду, – продолжил Малкольм со странной пугающей неторопливостью, – можешь потом напомнить. Даю тебе разрешение жениться, когда захочешь и на ком захочешь. Слова больше не скажу! Но – с условием.

– Каким? – вскинул брови Грегор, гадая, что это, пьяная прихоть или настоящее обещание. Большой серо-белый кот вывернулся откуда-то из-под стола, прыгнул к королю на колени, потерся мордой, с подозрением косясь на Грегора.

– Женись по любви, болван, – тоскливо выдохнул Малкольм, запуская пальцы в шерсть кота. – Ты не король, тебе можно. Женись на такой, которая... будет стоять всего! Всего остального, понимаешь? Титула, состояния, договоров, мать их барготову. Чтобы за нее все

это отдать – и не жалко. Я бы отдал. Хоть сейчас. Да поздно. И ты запомни: один раз повернешь не туда – и все. Все, Грегор, понимаешь? Ты же умный... Умнее меня, я всегда это знал. Только зря... слушал тебя. Ты все мне тогда сказал правильно. Что корона стоит счастья. Моего, ее... Нет, Грегор, не стоит. Жизни – да. А счастья – нет. Жаль, сыну этого сказать не смогу. Не поймет. И тоже – поздно.

– Твои сыновья...

Грегор хотел сказать, что Криспин и Кристиан – уже сейчас видно – истинные принцы, спокойные, рассудительные, и оба на удивление хорошо понимают, в чем состоит их долг... Но Малкольм измученно махнул свободной рукой и повторил совсем глухо:

– Иди.

А потом снова уронил голову, и Грегор, помолчав несколько мгновений, тихо вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Глава 5. Встречи деловые и семейные

– Да что же это такое! Сперва посыльные будят! Теперь эта полоумная орать взялась!

Никакого покоя... Все папе расскажу, пусть меня в другую комнату переселят!

Возмущенный вопль ударил по ушам, и Айлин рывком села на постели, пытаюсь понять – где она? Кажется... кажется, в Академии... А темный безымянный ужас, от которого заходится сердце и так оглушительно гремит в висках кровь – это всего лишь сон. Кошмар. Подробности сна никак не вспоминались, только вот это самое ощущение ужаса, от которого она, наверное, закричала?

– Из-вини, – пробормотала Айлин, не глядя на возмущенную соседку, но Иоланда только сердито фыркнула и чем-то загремела.

Не удержавшись, Айлин бросила на нее быстрый взгляд: очень хотелось увидеть что-то знакомое и совершенно точно настоящее, пусть даже и не слишком приятное!

Растрепанная, запыхавшаяся и раскрасневшаяся Иоланда сражалась с дорожным сундучком: пыталась запихнуть поверх пестрого вороха вещей стопку учебников. Ворох отчаянно сопротивлялся.

С высоты своей кровати Айлин отлично видела и кое-как упиханное в сундучок покрывало с постели соседки, и край желтого шелкового платья – наверное, в нем Иоланда приехала в Академию осенью, ведь во время учебы адептам дозволяется только мантия! – и кружевной чулок, свесившийся из сундучка, прямо как змеиная шкурка, которую мэтр Денвер велел оживить на прошлом уроке по анимированию.

Иоланда тоже заметила чулок, сунула его поглубже в недра сундучка, захлопнула крышку и села на нее сверху, чтобы та не поднималась.

– Кажется, я все-таки что-то забыла! – заявила она уже через минуту и бросила на Айлин быстрый взгляд – смотрит ли соседка и достаточно ли завидует?

Айлин молча отвернулась, отбросила одеяло и, сменив ночную рубашку на мантию и наскоро умывшись, отошла к окну. Лучше во двор смотреть!

Хорошо Иоланде! Она на вакации едет домой...

Готовиться к отъезду Иоланда начала еще вчера: уложила в сундучок и платье, и туфельки, и – спасибо, Претемнейшая! – баночки со своими вонючими кремами, и атласные цветы, которыми обычно украшала волосы, и несколько учебников. Первой в укладку отправилась «Достославная и подробная история Ордена», причем до этого Иоланда с подружками просидела над учебником целый час, попивая шамьет, поедая пирожные и делая вид, что читают, но не перевернули ни одной страницы, только томно вздыхали. А перед тем, как закрыть учебник, Иоланда достала из него закладку-миниатюру примерно с ладонь размером, и девицы принялись любоваться ею по очереди. А потом Иоланда спрятала картинку между страниц книги. А книгу – на самое дно сундучка!

Айлин даже пожалела немного, что увидеть изображение на миниатюре ей так и не удалось. Впрочем, некоторые мысли у нее на этот счет были, если вспомнить, кто ведет историю магии. Только ничегошеньки у Иоланды не получится, даже если она разведет в своих светлых кудряшках целую клумбу атласных цветов и намажется ведром кремов и

мазей. Все эти девицы только сплетничают о магистре Роверстане, а спроси у них, оказал ли магистр хоть кому-то внимание, переходящее за грань обычной любезности, сразу прикусят язычки – и точно не из скромности. Просто рассказать им будет нечего, иначе вся Академия давно гудела бы от такой новости. Маги и магессы, оказывается, сплетничают еще похуже, чем в светских салонах.

Она поправила зимнюю занавеску, чтобы плотная ткань не закрывала отлично видимый с третьего этажа внутренний двор.

Внизу царила та суматоха, которая обычно начинается, если куда-то приезжает сразу дюжина гостей. Или две дюжины. А то и три. Почти весь двор запрудили экипажи: с гербами на дверцах – и без гербов, новенькие, поблескивающие под низким утренним солнцем свежим лаком, и старые, обшарпанные, – самые разные. Первый день вакаций! Вот в этих экипажах и поедут домой адепты! А те, кто не может себе позволить экипаж, пойдут пешком, но домой, домой! Праздновать Солнцестояние с семьей, украшать праздничное дерево, ходить в гости...

Айлин заморгала, пытаясь удержать слезы. Все, все разъезжаются по домам! Все, кроме нее, ведь если бы ее хотели видеть дома, то уже прислали бы... кого-нибудь!

Правда, в Академии тоже нарядили праздничное дерево. Пушистую красавицу-елку, высотой под самый потолок бального зала, украшали сами мэтры-преподаватели – и, пожалуй, Айлин никогда не видела еще такой роскошной елки! Но это же совершенно другое дело! Дома все совсем иначе...

Дома на Солнцестояние всегда приезжают гости: тетушки с мужьями и детьми, подруги матушки или просто соседи и знакомые. А под деревом скоро появятся подарки, красиво завернутые в разноцветную шуршащую бумагу: очередной набор для вышивания от матушки, сладости – от тетушек и что-нибудь ужасно интересное от тети Элоизы, вроде той книги сказок, подаренной, когда Айлин была маленькой, или толстого тома вольфгардских преданий...

И, конечно, от отца, который даже на войне помнил о них с братом и присылал игрушки к каждому празднику: Артуру – оловянных солдатиков или почти настоящую – а потом и самую настоящую – рапиру, а Айлин – кукол.

Правда, она вовсе не любила играть в куклы, но ведь это были подарки отца! Самые лучшие, самые драгоценные подарки!..

А вот теперь Айлин будет праздновать Солнцестояние в Академии, возле чужой елки и вдвоем с Пушком. Ну... ну и пусть. Все равно она не будет плакать, не дожидаясь Иоланда!

– Ну вот, теперь точно все собралась! – заявила соседка почему-то разочарованно.

– Счастливого Солнцестояния, – вежливо пожелала Айлин, не оборачиваясь, а Иоланда сердито фыркнула в ответ и надменно сообщила, что идет к подругам, а за сундучком пришлет кого-нибудь из прислуги.

– Главное, канарейку не забудьте, – напомнила Айлин и услышала, как раздраженно хлопнула дверь.

По ступеням, ведущим из крыла целителей, во двор спустился Саймон. Насколько удалось рассмотреть из окна, он был все еще бледен, но спустился самостоятельно, не опираясь на идущего рядом Дарру. Они еще вчера обмолвились, что поедут вместе, и Айлин поискала взглядом экипаж магистра некромантии – ага, вон та новенькая карета с нарядными желтыми совами Эддерли на лакированных темных дверцах, даже с виду очень удобная!

У самой кареты Дарра и Саймон остановились и почему-то отвернулись от поспешно распахнутой кучером дверцы – прямо к окнам женского крыла. Лиц было не разобрать, но Айлин показалось, что они о чем-то переговариваются, а потом Дарра протянул руку и указал прямо на ее окно!

Саймон тут же замахал руками, да так, что полы его бархатного, подбитого лисьим мехом плаща разлетелись и забились на ветру, как настоящие крылья.

«Может быть, он хочет что-то сказать?» – подумала Айлин и, изо всех сил толкнув створки окна, высунулась из него почти по пояс, чтобы услышать. А если ей показалось, и Саймон ничего говорить не собирается, то она просто подышит воздухом, вот!

– Счастливого Солнцестояния, Ревенга-а-ар! – услышала она, и Саймон снова замахал обеими руками.

– Счастливого Солнцестояния, милая Айлин! – добавил Дарра вроде бы совсем негромким, но легко перекрывшим шум двора голосом и церемонно поклонился в ее сторону.

Налетевший из-за Северной Башни ветер обжег щеки и кинул в лицо пригоршню снежинок, зато внутри разлилось радостное тепло от таких привычных и искренних пожеланий.

– Счастливого Солнцестояния! – крикнула Айлин и поспешно закрыла окно: комнату выстудило мгновенно.

Вместе с холодом снова навалилась тоска, прогнавшая мимолетное тепло надежнее, чем хороший некромант – неупокоенного духа. Подумать только, ведь еще месяц назад Айлин не знала ни Саймона, ни Дарру, даже не подозревала об их существовании, только вчера была твердо уверена, что больше они и видеть ее не захотят. А сегодня простой их отъезд сделал предстоящие одинокие вакации в Академии еще более одинокими...

Ну что ж, по крайней мере, с ней остается Пушок! А еще... а еще за три праздничные недели она успеет как следует подготовиться к экзаменам – они ведь начнутся сразу после праздников! Вот прямо сейчас и сядет! За теоретическую некромантию, например...

Айлин вздохнула, слезла с подоконника, бросила последний взгляд в уже прорастающее ледяными цветами стекло окна, да так и замерла.

Во двор Академии въезжала новая карета! Отлично, просто превосходно знакомая ей карета, вместительная и удобная, новая, заказанная отцом только этим летом, сразу после возвращения домой! Та самая карета, в которой Айлин привезли в Академию! А теперь в этой карете... за ней приехали родители?

Вот сейчас, прямо сейчас матушка и отец придут к ней в комнату и... ох, а ведь в комнате после иоландиных сборов Баргот ногу сломит! Нет, обе! Нет, не только Баргот, но и вся его свита!

Она беспомощно оглядела ставший привычным за месяц разгром: на туалетном столике Иоланды – кремы, притирания и эссенции, что не влезли в сундучок, над кроватью соседки – опустевший крюк, на котором раньше висела клетка, а теперь она стоит возле сундучка... ох, спасибо Благим, что канарейку Иоланда забирает с собой! Может, после вакаций она оставит птичку дома?!

На ее собственном столе – гора учебников и тетрадей, матушка обязательно заметит, что так бросать книги никуда не годится! И будет совершенно права, конечно же, учебники следовало сложить в тумбочку! Ох нет, не скажет! Сначала она заметит не сделанное толком задание по анимированию, недооживленную змейку, изо всех сил стучащую хвостом по столу, зато не способную поднять от него голову или хотя бы высунуть язык! Айлин заметалась по комнате, пытаясь если не привести ее в порядок, то хотя бы убрать наиболее вопиющее безобразие! Покрывало на кровати нужно поправить, а туфельки подровнять носочками вместе. Огрызок последнего яблока, съеденного вчера перед сном, смахнуть в корзинку для мусора, туда же отправить кусочек испачканного чернилами пергамента...

Переставшую, наконец, извиваться змейку Айлин успела сунуть в верхний ящик тумбочки, туда же спрятала учебники и подумала, что вот теперь, пожалуй, комната выглядит вполне пристойно!

В дверь трижды стукнули, а затем распахнули, и Айлин вздрогнула. Она так поверила, что приехали родители, так не ожидала никого другого, что разочарование ужалило куда больнее рапиры!

– Доброе утро, леди Айлин! – поклонился ей старый Руперт, камердинер отца, а до него – еще деда.

Айлин заставила себя улыбнуться. Леди должна быть всегда приветлива со слугами, а Руперт всегда был к ней особенно добр и часто говорил, что она очень похожа на отца в детстве. Иногда, когда Айлин за какую-нибудь провинность лишали ужина, он даже приносил ей печенье тайком от матушки.

– Доброе утро, Руперт, – отозвалась она и, не удержавшись, осторожно спросила: – Вас прислал отец?

– Лорд и леди Ревенгар ожидают свою дочь домой! – торжественно провозгласил камердинер и уже совсем другим, обыкновенным голосом уточнил: – Как скоро вы готовы ехать, леди Айлин?

– Я готова! – выпалила она и тут же осеклась: она же не собрала вещи!

Совсем ничего не собрала! С другой стороны, дома ей не понадобится ни мантия, ни, тем более, туника и штаны... Да матушка, наверное, в обморок упадет, если только увидит в ее сундучке штаны! Брать домой учебники тоже не стоит: едва ли у нее будет возможность заниматься начертательной некромантией или анимированием... Да и платье, в котором приехала из дома, не нужно складывать, его она просто наденет! А сверху теплый плащ с капюшоном, выданный ей госпожой кастеляншей в первый день зимы, – и можно ехать. Только вот...

– А как же Пушок? – спросила Айлин и твердо решила, что если Пушка родители приказали оставить в Академии, то она сама тоже останется.

Ревенгары не предадут друзей!

Услышав свое имя, Пушок повернул голову, поднял одно ухо и постучал хвостом по полу. Если Руперт и удивился столь чудесному преображению бывшего скелета, то вида не подал. Окинув Пушка внимательным взглядом, он заключил:

– На улицах довольно много людей и экипажей. Полагаю, заставлять вашу собаку бежать за каретой было бы неразумно. Но он вполне может разместиться у вас в ногах, если вы позволите...

– Конечно, Руперт, благодарю вас! – торопливо согласилась Айлин, и старик вновь церемонно ей поклонился.

– В таком случае, миледи, позвольте мне подождать вас на улице.

* * *

Откладывать розыск убийцы Грегор категорически не собирался. Слишком давно он знал мэтра Денвера, чтобы поверить, будто старый дознаватель и впрямь поставит бывшего ученика в известность о ходе поисков. В лучшем случае триумфально покажет схваченного убийцу, да и то не лично Грегору, а Совету глав гильдий. И еще большой вопрос, пригласят ли туда мэтра Бастельеро или сочтут подобное бессмысленной блажью!

Правда, заниматься расследованиями Грегору раньше не доводилось, но если уж с подобным справляется обычная городская стража! К тому же вполне очевидно, что раз уж не удалось призвать духа, то начинать следует со сторожевых горгулий, а точнее – с главы артефакторов!

«Если Адальред не осмотрел горгулий еще вчера и не выяснил, как именно их зачаровали, я готов съесть собственную рапиру! А то и сапогами закусить...»

Во дворе Академии творился обычный для начала вакаций бедлам: лошади, сани, экипажи, слуги, адепты, покидающие Академию почти на месяц... Грегор даже усомнился на мгновение, найдется ли свободный конюх для его собственной лошади?

Конюх, впрочем, возник рядом, едва Грегор спешился, и подхватил брошенные ему поводья... Радующая глаз расторопность, всегда бы так!

В гомонящей толпе мелькнули растрепанные рыжие косы, и Грегор невольно присмотрелся: Айлин Ревенгар остановилась у кареты с серебряной башней на дверцах. Одной рукой девчонка придерживала полы форменного академического плаща, другой вцепилась в ошейник Пушка. Предосторожность явно не лишняя: зверюга то принималась с энтузиазмом копать слежавшийся до каменной твердости снег, то с интересом посматривала на недовольно фыркающих лошадей – пару белых итлийских красавиц...

«Все-таки Дориан не безнадежен, не зря я с ним вчера говорил! И, кажется, действительно любит дочь, раз позволил взять домой умертвие...» – мельком подумал Грегор и невольно улыбнулся восторженному ожиданию на лице Ревенгар. Первые вакации... Семеро Благих, как же давно это было!

Никакими деньгами не купишь, ни на что не выменяешь это ожидание чуда, что вот-вот случится и навсегда изменит жизнь к лучшему. Потом, на старших курсах, он предпочитал проводить праздничные недели в Академии, разве что иногда ездил домой за редкими книгами из семейной библиотеки да иногда гостил у Эддерли. Но это он, а у девочки все впереди, и пусть это все будет хорошим!

С той же улыбкой он взбежал по ступеням главного входа – так легко, будто вдруг вернулся во времена собственной учебы, – и зашагал к южному крылу, отданному артефакторам еще в те незапамятные времена, когда Академия только строилась.

В том, что он застанет Адальреда в мастерской, Грегор не сомневался ни секунды: по случаю вакаций не явиться в Академию мог кто угодно, только не глава Синей Гильдии! Он и Солнцестояние-то проводил на службе, напрашиваясь, как шептались adeпты, в дежурные преподаватели. Ничего удивительного, впрочем, праздник-то семейный, а единственной семьей и друзьями магистра Адальреда были и оставались исключительно его драгоценные изделия. Он даже женат не был ни разу, а теперь, в шестьдесят с лишним лет, вряд ли успеет. Если вообще когда-нибудь собирался...

Адальред был действительно в мастерской: немелодичное бурчание, выдаваемое магистром за привычку напевать во время работы, Грегор услышал еще за дверью. Бурчание прерывалось то постукиванием, то ровным низким гулом, то вовсе неопределимыми звуками, всегда сопровождающими работу мастеров-артефакторов.

В дверь Грегор, учтивости ради, все же постучал, хоть и крепко сомневался, что Адальред услышит, потом постучал еще раз и наконец услышал недовольное:

– Кого еще демоны притащили?!

«Трудно счесть подобное приветствие учтивым. Впрочем, чего еще ждать от старины Адальреда!» – невольно подумал Грегор, входя в мастерскую и поспешно прикрывая глаза ладонью от безжалостно-яркого, заливающего все помещение света магических шаров.

– Мэтр Бастельеро? – явно удивился Адальред и даже отошел от стола, за которым сосредоточенно чертил схему потоков энергии для... чего-то. – Прошу прощения, я занят, обратитесь к кому-нибудь...

– Я не отниму у вас много времени, – буркнул Грегор, чувствуя, как только что превосходное настроение начинает стремительно портиться. – У меня всего один вопрос. Скажите, магистр, вы осмотрели сторожевых горгулий?..

Невинный в сущности вопрос почему-то подействовал на артефактора, как удар каблуками – на и без того нервную лошадь. Адальред так яростно сверкнул глазами, что Грегору невольно стало не по себе.

– Во имя Всеумелого, Бастельеро! Вы что, не могли спросить об этом Денвера?! Я только час назад предоставил ему подробнейший отчет и просил не отвлекать меня по таким пустякам! Что за бардак творится в Фиолетовой Гильдии, хотел бы я знать?!

– Позвольте спросить, м... магистр, – выговорил Грегор, изо всех сил стараясь не сорваться на откровенную грубость. – Пустяками вы назвали убийство одного из адептов, пусть даже не вашей гильдии? Или тот факт, что кто-то, как оказалось, способен зачаровать наших... охранников?!

– Как выяснилось, не зачаровать, – проворчал Адальред, отводя взгляд. – Был использован обычный маскировочный амулет, только накачанный энергией под завязку. Нет, решительно не понимаю, как можно продавать подобные вещи кому попало?! Попадись мне только тот мастер, что его делал...

– Мастер? – торопливо переспросил Грегор, уловив наконец в возмущенной речи артефактора что-то стоящее. – Вы полагаете, амулет был сработан за пределами Академии? Адальред негодуя всплеснул руками.

– Во имя Семерых, Бастельеро! Неужто за время военной службы вы забыли, что производство и применение подобных артефактов без личного позволения его величества, канцлера, либо главы Синей Гильдии строгойше запрещено уставом Ордена?! И, между прочим, карается солидным штрафом!

«Об этом я как раз прекрасно помню, – мрачно подумал Грегор. – А вот о том, чтобы такая мелочь, как возможный штраф, кого-то останавливала, слышать еще не доводилось. Тем более что не имея амулета на руках, установить мастера практически невозможно... но я все же попробую. В конце концов, все артефакторы столицы в той или иной степени знакомы, и с одним из них мне, помнится, удалось найти общий язык. Еще бы, за семьдесят-то золотых!»

– Благодарю, магистр, – сказал он вслух и сухо поклонился – ровно настолько, насколько предписывал этикет. – Прошу прощения, что побеспокоил.

Развернувшись почти на месте, Грегор направился к выходу, и уже у самой двери его остановил недовольный оклик.

– Послушайте, Бастельеро! Если вы вдруг найдете этого мерзавца...

– Вы имеете в виду убийцу? – с ледяной любезностью уточнил Грегор, не оборачиваясь.

– Разумеется, нет! – сварливо буркнул Адальред. – Мастера! Так вот, если вы вдруг его найдете, то сообщите мне, будьте так любезны. Он у меня получит такой штраф, что забудет, как продавать маскировочные амулеты! Заморочил голову бедным малышам... «Бедные малышки» прозвучали с такой нежностью, что Грегор, только выйдя из мастерской и уже почти дойдя до дверей во двор, понял, что речь шла о горгульях. «Однако, – подумал он, в мельчайших деталях вспомнив облик охраняющих академию каменных статуй: черных, горбато-крылатых, с редкостно уродливыми клыкастыми мордами. – Теперь я, пожалуй, знаю, отчего Адальред так и не обзавелся семьей! Ни одна горгулья не способна ответить ему: «Да!» – а среди дам столицы не нашлось бедняжки, достаточно похожей на... гм... «бедную малышку».

* * *

Карета, поставленная по зимнему времени на полозья вместо колес, легко скользила по снегу, а Айлин, обняв Пушка и честно поделив с ним правое окошко, смотрела на пробегающие мимо дома и лавки. Магистр Роверстан рассказывал, что когда Три Дюжины великих предков только перешли через горы и основали Дорвенну, то первой постройкой будущей столицы стала именно Академия! И только потом, через целых полсотни лет, они возвели королевский дворец далеко на востоке. То есть далеко это было тогда, многие столетия назад, а теперь столица разрослась, вокруг Академии появились целые кварталы магов: лавки, мастерские и даже дома! Где-то здесь стоит и дом их с Артуром деда, милорда Морхальта...

Айлин невольно вздохнула и рассеянно почесала за ухом обеспокоенно зашипевшего Пушка. Все-таки нехорошо получилось, что они так больше и не увиделись. Может быть, попросить у родителей разрешения навестить дедушку у него дома? Солнцестояние – это же праздник семей, в него примиряются даже те родственники, что давно враждуют, а дедушка им ничего плохого не сделал...

Она выглянула в окно, пытаясь рассмотреть нарядную улицу, украшенную венками из еловых ветвей, магическими огнями и длинными гирляндами, протянувшимися от дома к дому. На Солнцестояние все стараются перешеголять соседа в богатстве убранства, и город становится похож на картинку в книге сказок или шкатулку с безделушками. Ой! – в кармане у нее что-то хрустнуло.

Айлин сунула руку в глубокий внутренний карман плаща и с изумлением вытащила оттуда одну из тех самых конфет, что остались в лазарете. Конфета сломалась, но блестящая обертка уберегла ее содержимое, и Айлин развернула бумажку, радуясь неожиданному подарку судьбы. Только странно, откуда конфета взялась у нее в кармане? Сама Айлин ее точно туда не клала, это же некрасиво – припрятывать сладости... Она сунула темный, чуть помятый шарик в рот и зажмурилась от удовольствия – м-м-м-м! Чуть горьковатая оболочка, нежнейший крем и сладкая ягода с приятнейшей кислинкой. Полный набор вкусов!

Пушок требовательно поддел ее руку с бумажкой, словно хотел лизнуть, и Айлин вдруг вспомнила! Все конфеты в коробке были в серебряных, золотистых и зеленых обертках, красная оказалась только одна, и ее совершенно точно взял Дарра Аранвен! Ой, это что же получается, он кинул ей в карман свою конфету? Когда?! Разве что... разве только в тот момент, когда целовал ей руку, проводив домой. Точно, Айлин ведь была в плаще поверх мантии...

Она не покраснела, но щекам стало немного теплее, да и внутри все словно залило приятным ласковым жаром. Всего лишь конфета, но дело ведь совсем не в этом, правда? У них дома к столу обязательно подавались сладости, но ни матушке, ни Артуру в голову не пришло бы отдать Айлин свое лакомство. Зачем, ведь и так всем всего хватает. Ровно в меру, как и положено.

Пушок снова лизнул ее руку с бумажкой кожаным языком, сухим и мягким, и постучал по полу кареты хвостом. Наверное, ему нравился запах конфеты, а может, он одобрял поступок Дарры? Айлин бережно расправила чистую ароматную обертку, сложила ее и спрятала обратно в карман – потом сделает закладку в книгу. На память, вот!

Мягкий ход кареты убаюкивал, и Айлин, не выпавшая из-за дурного предутреннего сна – что же ей все-таки снилось такое отвратительное? – сама не заметила, как задремала.

Проснулась она оттого, что скольжение остановилось. Заскрипели ворота, и карета въехала во двор, где и замерла уже окончательно. Айлин потерла глаза, дважды шлепнула себя по щекам, чтобы прогнать сон, а заодно не выглядеть излишне бледной, накинула капюшон и поспешно заправила под него косы.

Ее ожидали прямо во дворе. Бодрый, румяный от мороза отец стоял вроде бы в совершенно естественной и непринужденной позе, своей любимой: слегка расставив ноги для устойчивости и едва заметно, на какой-то волос, наклонившись вперед – и Айлин удивленно опознала в ней первую защитную позицию боевого мага! И вспомнила, что и сама принимает в точности такую позу, отвечая урок кому-нибудь из преподавателей!

Отец держал под руку матушку, напротив, бледную более обычной и усталую, словно она долго не могла уснуть. Рядом с матушкой стоял Артур, притопывая и глядя на карету с явным нетерпением, и Айлин затопила солнечная радость: брат все-таки рад ее приезду!

Рад, несмотря на их ссору месяц назад!

Она еле дождалась, пока Руперт откроет ей дверцу кареты и подаст руку. Подобрал подол, спрыгнула с подножки и, только увидев, как отец удивленно вскинул брови, а выжидательный матушкин взгляд заметно похолодел, осознала, что непростительно оплошала! Леди следовало бы спуститься медленно и чинно, придерживая подол платья так, чтобы были видны лишь кончики туфелек, а вовсе не сапоги по самую щиколотку! Но матушка ничего не сказала, а отец, переложив трость в левую руку и протянув правую, приветливо улыбнулся.

– Добро пожаловать домой, дочь моя.

Айлин почтительно поцеловала жесткие, пахнущие табаком пальцы, украшенные двумя рубиновыми перстнями, родовым и магическим.

– Ты, кажется, подросла! – заметил отец с каким-то осторожным удивлением, словно не знал, чего от нее ожидать.

Или словно ждал чего-то, но пока не дождался...

– Добро пожаловать домой, – с терпеливой усталостью молвила матушка.

Ее пальцы были мягкими и пахли лавандой, обручальное кольцо знакомо блеснуло рубином поменьше.

Айлин подняла голову, улыбнулась Артуру – брата этикет предписывал приветствовать неглубоким реверансом – и застыла. Артур, глядя ей прямо в глаза, молча протянул руку.

Для поцелуя!

Кровь кинулась Айлин в лицо, и она почти почувствовала, как горящая внутри алая искра вспыхивает нестерпимым жаром! Поцелуем руки надлежало приветствовать только короля, главу рода или мать, но никак не брата! Артур, конечно, наследник отца, но только наследник, и вообще, он пока нисколько не выше статусом, чем Айлин! А сейчас... сейчас он же оскорбил ее, уравнив с... с... неизвестно даже с кем! Словно она не леди, а...

– Артур... – услышала она сквозь шум пламени внутри внезапно похолодевший голос отца. Брат наверняка тоже его услышал! Но руку не опустил, только взгляд у него стал еще более вызывающим, а глаза, светло-голубые, как положено Ревенгарам, надменно блеснули, став на мгновение совершенно матушкиными не цветом, а выражением!

И вдруг Айлин поняла, что нужно ответить! Ей протягивают руку для поцелуя? Отлично!

Улыбнувшись, она взяла ладонь Артура обеими руками и, не отпуская его взгляда, медленно и отчетливо проговорила, старательно копируя бархатные нотки магистра Роверстана.

– Прошу простить за невольную неучтивость. Боюсь, я не узнала вас сразу... леди Ревенгар!

И с неожиданным мстительным удовольствием увидела, как брат медленно багровеет, становясь почти того же цвета, что поле родового герба, и хватается ртом воздух, ища, но не находя подходящие к случаю слова. Сердце на мгновение замерло, а потом, стукнув в груди, понеслось вскачь, наполняя кровь сладким жаром, и Айлин с испуганным восторгом поняла, что ей это нравится!

Руку Артур выдернул, да Айлин и не собиралась ему препятствовать! Она бросила взгляд на матушку: та нахмурилась, зеленые глаза оледенели, и Айлин поняла: вот прямо сейчас ей велят вернуться в карету и ехать обратно в Академию, потому что терпеть дома столь невоспитанную особу никто не пожелает!

«Ну и пусть! – подумала она с яростным безоглядным отчаянием. – Я все равно, все равно поступила бы так же, потому что я не хуже, не хуже Артура! Я тоже Ревенгар! Он не имел права так поступать!»

Матушка нахмурилась еще больше и, кажется, собралась что-то сказать, но не успела.

Помешал странный, совсем неожиданный и дикий сейчас, в звенящей от напряжения тишине двора, смех.

Смеялся отец. Да что там смеялся! Он хохотал, запрокинув голову и хлопая себя свободной ладонью по бедру, хохотал искренне и счастливо, словно получил какой-то замечательный подарок! Но... но почему?

– Дориан? – в голосе матушки звучало недоверие пополам с изумлением, но отец только взмахнул рукой – и вдруг, разом оборвав смех, бросил трость, схватил Айлин за талию и подбросил в воздух!

Айлин только успела подумать, что падать на тщательно убранные от снега плиты двора будет очень больно, сжалась в комок, как учили на занятиях по гимнастике, – и упала. В руки отца. И снова взлетела к пронзительно-синему небу. И снова!

В третий раз отец удержал ее в руках и крепко обнял, прежде чем поставить на землю.

– Вот теперь... – произнес он звенящим голосом, который Айлин никогда прежде от него не слышала: – Вот теперь я вижу истинную Ревенгар! Ревенгары никогда и никому не дают себя в обиду! – И улыбнулся уже совсем иначе, широко и ласково. – Добро пожаловать домой, милая!

Глава 6. Праздничное настроение

Мастерская старика-артефактора, украшенная к празднику, отчаянно напомнила Грегору благонравную матрону, невесть как попавшую в армейский бордель: перевитая лентами вывеска, в прошлые его посещения начищенная до блеска, как-то потускнела, будто стыдясь неуместного наряда, а связанные венками еловые лапы, призванные отгонять резвящихся до самого Солнцестояния Барготовых демонов, чуть не отогнали самого Бастельеро. Смешавшийся с хвойным ароматом резкий дух алхимических снадобий был так ярок и густ, что глаза резало!

«И не бояться же клиентов растерять!» – мельком подумал Грегор и толкнул дверь, надеясь, что внутри дышать будет полегче. Ну не поставит же старик ель в мастерской!

При его появлении артефактор, скусающий за прилавком, встрепенулся и разулыбался так, словно увидел любимого внука.

– Уважаемый коллега, как я рад вас видеть! – провозгласил он, не дав Грегору и рта раскрыть. – Что привело вас ко мне? Надеюсь, с вашим... зверем все в порядке?

– Вполне, благодарю вас, – ошеломленно от столь неожиданной радости ответил Грегор. – И вам доброго дня. Меня привело дело чрезвычайной важности...

– Понимаю, – перебил артефактор настолько сочувственно, что Грегор заподозрил, будто старый хитрец издевается. – Дела, дела, и даже отпраздновать Солнцестояние некогда... Чем могу помочь?

– Мне нужен маскировочный амулет, – сдержанно ответил Грегор, старательно отогнав некстати накатившую растерянность: артефакторы никогда не славились готовностью помогать даже коллегам по гильдии. По крайней мере, без солидного вознаграждения. – Наилучшего качества, настроенный на меня и способный удерживать максимальное количество энергии.

– В таком случае, вы обратились не адресу, – категорически заявил артефактор. – Сохрани вас Благие, милорд, я честный мастер! О, не сомневаюсь, что если вам понадобилась подобная вещь, то у вас есть разрешение его величества! Но амулеты – не моя специальность.

В последнем Грегор и не сомневался. Такие вот хитрецы предпочитают зарабатывать меньше, но без малейшего риска, и уж тем более стараются не связываться с Ночным Братством – а кто, кроме них, скупает подобные артефакты из-под полы! Но мог бы хоть подсказать мастера!

– Что ж, – сказал он вслух, отчаянно надеясь, что Претемная подскажет ему верное решение. – Очень жаль. Счастливого Солнцестояния, коллега. С вашего позволения, я хотел бы сделать вам небольшой подарок, исключительно из уважения к выдающемуся мастерству.

И выложил на стойку тяжелую, маслянисто поблескивающую золотую десятку. «Ну же! Надеюсь, я не ошибся в старике...»

Несколько томительно-долгих мгновений артефактор молчал, задумчиво разглядывая Грегора, как редкий ингредиент, затем добродушно улыбнулся и неуловимым движением смахнул монету в ящик стола.

– Благодарю за поздравление, коллега! Сейчас так редко можно встретить столь благонаправного и почтительного к старшим юношу. Должен признать, и у меня найдется подарок для вас, если сообразовываете подождать несколько минут...

Дождавшись от Грегора поспешного кивка, старик тщательно запер стол и с молодой резвостью нырнул в низкую дверь за стойкой. Вернулся он в самом деле быстро – не прошло, пожалуй, и трех минут – и с благостойной улыбкой протянул Грегору скрученный листок плотной бумаги, перевязанный кокетливой розовой ленточкой.

– Счастливого Солнцестояния, коллега!

Барготову ленточку Грегор безжалостно содрал, развернул свиток и в первый момент едва не поверил, что удача ему наконец-то улыбнулась. В свитке значилось всего четыре имени, даже с адресами мастерских!

«Прекрасный подарок, – уныло заключил он, прочитав все четыре адреса. – Просто превосходный. Всем, кроме того, что три мастерские находятся в разных концах столицы, а одна и вовсе за ее пределами. Что ж, это в любом случае лучше, чем прочесывать все артефакторные заведения города...»

– Милорд, – окликнул его мастер в тот самый момент, когда Грегор уже собрался подобающе учтиво поблагодарить за подарок и откланяться. – Скажите откровенно, прошу вас... ведь амулет вам нужен не для себя, не так ли?

Все лицо и поза старика выражали напряженное внимание – он даже слегка наклонился вперед, чтобы не упустить ни слова, и Грегор отчетливо понял, что быть откровенным определенно стоит. По крайней мере, сейчас.

– Нет, – сухо согласился он. – Мне вообще не нужен амулет, я разыскиваю мастера. Не так давно один из адептов, воспользовавшись подобным амулетом, совершил неподобающий, непростительный поступок! Я не имею права вдаваться в детали, но поверьте, речь идет о деле, которое, стань оно известным, бросит тень на всю Академию...

– Понимаю, – протянул старик, разом посерьезнев и требовательно протянул руку. – Позвольте...

Удивленный Грегор протянул записку артефактору, и тот, пару мгновений задумчиво посмотрев в нее, прищурился и слегка наклонился вперед.

– Я ни в коем случае никого не обвиняю, – предупредил старый маг. – Но возможно, вам станет интересно, что ровно две недели назад один из мастеров заказывал у нашего общего поставщика кое-какие редкие ингредиенты. Те, что используются в изготовлении маскировочных амулетов...

Сухой мосластый палец небрежно провел черту под одним из имен в списке.

Вэйд Девериан, мастерская на улице Огней. Всего в трех кварталах отсюда.

«Девериан? – поразился Грегор. – Он ведь из Трех Дюжин! Да, не старшей ветви, но все же... чтобы маг из Трех Дюжин согласился изготовить незаконный артефакт? Да штраф – весьма солидный, если я правильно помню устав Синей Гильдии, – покажется сущей мелочью в сравнении со скандалом, который начнется, стоит делу выплыть!»

– Если вы, милорд, найдете здесь то, что ищете, – проговорил артефактор, – то помните, что не должны мне за это равным счетом ничего. Это всего лишь маленький подарок исключительно из уважения к благородному роду Бастельеро.

– Благодарю, – выдал Грегор. – И не забуду.

Что ж, Бастельеро всегда платят свои долги, а что случай вернуть услугу представится, Грегор не сомневался.

Но сперва он поговорит с Деверианом и вытрясет из него все, что тот знает о заказчике!

Если, конечно, артефакт смастерил действительно он...

Уже выйдя из мастерской, Грегор немного задержался на крыльце, вдыхая опьяняющий после затхлого запаха мастерской воздух, и услышал звон колокольчика внутри. Колокольчиком, невольно вспомнил он, артефактор вызывал подмастерье. Баргот знает что! Уж не собрался ли старик предупредить коллегу? Вот уж это было бы чудовищно некстати!

Переборов мучительную, раздраженную неловкость, Грегор прислонился к двери спиной, сделав вид, что от свежего воздуха у него закружилась голова, и услышал приглушенный досками, но все же резкий и скрипучий голос старика:

– Оливер, мальчик мой, принесите бутылочку карвейна. Думаю, нам стоит выпить за мастера Девериана, пусть дорога в Сады Претемной будет ему легка. Покойный был нам дорог, хоть и увел тот выгодный заказ арлезийского посла!

«Да Баргот вас всех разбери! – едва не рявкнул Грегор, сдержавшись немалым усилием воли. – Нашли чудовище! Можно подумать, я насмерть прокляну этого дурня Девериана, если он не виноват ни в чем, кроме жадности! Я вам кто, некромант, служитель Претемнейшей, или трущобный головорез, ни во что не ставящий человеческую жизнь? Ну да, по молодости мне случилось ввязаться в пару-тройку поединков, и не во всех из них противник покинул дуэльный круг живым, но... там они сами были виноваты! Если бы я проклинал всех, кто мне просто не нравится, да столица давно бы обезлюдела, не говоря о некоторых сопредельных странах...»

Кипя от негодования, он плотно сжал губы и зашагал по улице, жалея, что не взял карету и даже не поехал верхом. Решил, видите ли, прогуляться по чистенькому благоустроенному кварталу, почувствовать дух праздника... Ну и какой толк в любезности, если в лицо тебе улыбаются, а за спиной бояться? Коллеги, чтоб их... мэтр-ры...

* * *

– Айлин, налей отцу шамьет. Артур, дорогой, ты совсем ничего не съел, хочешь еще тост? Под глазами у матушки залегли едва заметные голубоватые тени, это означало, что у нее снова болела вечером голова, она встала не в духе, и Айлин следует вести себя как можно лучше. Не безупречно, потому что это у нее все равно не получится, сколько ни старайся, но хотя бы так, чтоб ее не наказали. Очень обидно будет остаться без сладкого, когда все две недели до Солнцестояния к столу каждый день подают особенные лакомства. Да и визиты... Нет, вот к тетушке Мэйв или тетушке Брайд Айлин и сама не хотела бы поехать, но если матушка решит ее наказать, то не возьмет к тетушке Элоизе, в единственный дом, где Айлин гостит с радостью.

Поэтому она встала, сделала малый реверанс и, подойдя к отцу, налила ему из кувшина шамьет, старательно следя за каждым своим движением.

– Благодарю, милая.

Отец ей улыбнулся и намазал очередной тост маслом, а потом уложил на него кусок ветчины, подцепив его с блюда прямо ножом, а не специальной вилочкой. Айлин прекрасно видела, как на лице матушки мелькнуло мгновенное неудовольствие и тут же скрылось – воспитанная леди не может делать замечания супругу, как бы он себя ни вел. Артур, сидящий напротив отца, тоже намазал себе тост и потянулся, было, к ветчине злосчастным ножом, но поймал взгляд матушки и покорно взял вилку. Губы леди Гвенивер тронула удовлетворенная улыбка, и Айлин незаметно выдохнула с облегчением. Может быть, обойдется? Если завтрак окончится благополучно, после матушка выпьет какое-нибудь зелье от головной боли, и гроза пройдет стороной...

Вернувшись на место, она налила шамьета и себе тоже, с удовольствием глотнув уже остывшую, но сладкую и пряную жидкость. Сегодня утром ей снова снилась какая-то дрянь, и Айлин проснулась в холодном поту – самом настоящем, про который она раньше думала, что это просто так говорится. Брр-р, до сих пор знобит, а во рту, стоит попытаться вспомнить этот сон, появляется противный солоноватый привкус, словно она порезала палец и слизнула кровь. Нет, не надо думать об этом! Она дома, и все будет хорошо, ведь праздники...

– Почта для милорда и миледи, – провозгласил дворецкий, внося в столовую поднос с горкой разноцветных конвертов.

Это тоже было традицией – каждое утро за завтраком читать письма. Не важные, конечно, которые отец уносил в кабинет, а обычные приглашения или ответы на них. Раньше почту

разбирала матушка, а когда Артур подрос, эта важная и почетная обязанность перешла к нему. Айлин немного завидовала... но только потому, что Артур важничал и ни разу не позволил ей вскрыть какой-нибудь шуршащий надушенный конверт самой. Ну хоть бы один!

– Письмо для милорда Ревенгара из королевской канцелярии! – объявил Артур, откладывая узкий длинный конверт в сторону.

Отец кивнул, а матушка посмотрела на Артура благосклонно.

– Письмо от леди Амелии, – продолжил он, тоже откладывая конверт, на этот раз из лавандовой плотной бумаги и надушенный так, что Айлин едва не чихнула. – Письмо лорду и леди Ревенгар от леди Корсон...

А вот это, раз адрес общий, уже приглашение. Артур дождался позволяющего взгляда матушки и вскрыл конверт лежащим на подносе серебряным ножом для бумаги.

– Почтительно приглашаю вас, милорд и миледи...

Все две недели перед Солнцестоянием положено ездить в гости к родственникам и друзьям, и в эти дни сотни конвертов с приглашениями летят по столице с курьерами. И нужно не ошибиться, кто куда и на какое число приглашен, не оставить в свою очередь никого без приглашения, не проявить неучивости, собрав на обед гостей, среди которых кто-то друг друга терпеть не может... Иначе потом промах будут вспоминать целый год, а может, и всю жизнь, рассказывали тетушки и такие возмутительные случаи.

– Приглашение от господина и госпожи Арментрот!

Артур отложил письмо в уже накопившуюся стопку «праздничных», а Айлин едва сдержалась, чтобы не встрепенуться – это от тетушки Элоизы, она вернулась из провинции!

– И...

Артур запнулся, недоуменно глядя на серый конверт с желтой гербовой печатью, вскинул брови совсем как матушка и прочитал:

– Для леди Айлин Ревенгар от... лорда Эддерли?

Айлин словно окатили кипятком. Эддерли? Саймон ей написал?! Но...

– Для Айлин? – весело удивился отец. – Девочка моя, тебе пишут молодые люди? Гвенивер, дорогая...

Но Айлин его не слушала, подавшись вперед и с отчаянием глядя, как Артур, скривив тонкие губы, вскрывает письмо. Ее письмо!

– Отдай! – крикнула она, забыв о манерах и этикете. – Это мне написали.

– Вот еще, – хмыкнул Артур, быстро извлекая листок из конверта. – Ну и что там тебе такого пишут?

– Артур... – отец нахмурился, но матушка успокаивающе положила свою руку на его запястье, промолвив мягким утомленным голосом:

– Ах, дорогой, ну что там может быть секретного? Какая-то ошибка, вероятно?

– Дорогая леди Айлин, – очень громко и звонко прочитал Артур, пока Айлин замерла, мечтая провалиться сквозь землю. – Имею честь и удовольствие пригласить вас и вашу благородную семью на обед в честь будущего Солнцестояния. Ожидаем вас в нашем городском особняке в шестнадцатый день месяца. К приглашению также присоединяется Дарра, младший лорд Аранвен, который гостит у нас со своими родителями. Еще раз выражаем почтение вашей благородной семье и надеемся на счастье вскоре увидеть вас. Искренне ваш, Саймон, младший лорд Эддерли.

Он опустил письмо и воззрился на Айлин так, словно впервые ее увидел. Потом повернулся и пораженно спросил у матушки:

– Миледи? Но... Ей не могут присылать приглашения! Она же...

– Это мое письмо, отдай! – снова упрямо сказала Айлин, с ужасом понимая, что матушка будет не просто раздражена – о, как она сейчас разгневется!

И все громы и молнии падут, конечно, на голову бессовестной невоспитанной дочери, ну и пусть, но это ее письмо, какое Артур имел право...

– Айлин, что это значит?

Голосом матушки можно было морозить сливки с фруктами к праздничному столу, а в глазах действительно появился опасный блеск. Еще хуже, что на виске у нее забилась голубая жилка, и Айлин захотелось немедленно забиться куда-нибудь, совсем как испуганной мышке... Но вместо этого она выпрямилась отчаянно обвела всех взглядом:

недоумевающего, но совсем не разозлившегося отца, побледневшую матушку и глядящего на нее с возмущением Артура – и повторила:

– Это мое письмо. Приглашение. От Саймона Эддерли.

– От мужчины?! – тем же звонким и злым голосом сказал Артур. – Это неприлично! Ты даже для обычных приглашений слишком маленькая, а это... Матушка, скажите ей, что это позор!

Где-то внутри Айлин зажмурилась от страха и тихо нырнула под стол, прямо под накрахмаленную белоснежную скатерть с кружевной оторочкой. И затаилась там... Но здесь, снаружи, она еще выше вскинула голову, вытянувшись в струнку, и отчеканила со сладким ужасом человека, которому нечего терять:

– Надо было лучше учить этикет, мой дорогой братец! Все маги и магессы – братья и сестры по Ордену. И другие адепты имеют полное право пригласить меня как... сестру по гильдии, вот!

На последних словах голос все-таки предательски сбился, потому что набранный воздух закончился, но это уже было неважно. Она это сделала! Особый курс лорда Бастельеро может ею гордиться: Айлин не поддалась страху! Несколько мгновений в столовой царила такая тишина, что Айлин показалось, будто она слышит шорох, с которым за окном падает крупный снег. А потом отец откинулся на спинку стула и холодно сказал:

– Артур, отдай сестре письмо.

– Но...

Щеки Артура пошли красными пятнами, точно такими, какие стремительно расцветали на щеках матушки, ну а сама Айлин давно покраснела, сцепив перед собой пальцы и глядя поверх головы брата куда-то в стену.

– Ты меня не услышал, сын? – еще бесстрастнее спросил отец.

Под его тяжелым взглядом Артур вспыхнул еще ярче и кинул злосчастный листок на поднос между собой и Айлин.

– И извинись, – неумолимо добавил отец. – Ты прочел чужое письмо. Это недостойно дворянина. Мне стыдно за тебя.

– Прошу... прощения...

Судя по взгляду Артура, Айлин это еще отзовется, но потом. А сейчас она схватила злополучный листок с неприличной поспешностью, но внутри дрожа от ликования.

– Дориан, дорогой! Но ведь...

– Никаких «ведь», Гвенивер, Айлин совершенно права. Это этикет Ордена, а не двора, но ты же сама дочь мага и должна понимать подобные вещи. – Он повернулся к Айлин и спросил удивительно спокойно и даже ласково, словно ничего особенного не произошло. – Итак, милая? Что же это за Саймон? Если не ошибаюсь, наследник старого Эддерли-некроманта?

Айлин молча кивнула, все еще боясь проронить лишнее слово и чувствуя себя так, будто над ее головой только что пролетел Молот Пресветлого.

– Эддерли и Аранвен – прекрасное знакомство, – удовлетворенно сказал отец и отпил шамьет. – Сколько им лет, этим юношам?

– Саймону – шестнадцать, – пролепетала Айлин. – А Дарре... восемнадцать, кажется... или что-то вроде... Мы вместе... занимаемся... у лорда Бастельеро.

– Грегор говорил, да, – кивнул отец. – И очень хвалил тебя, милая.

Лорд Бастельеро ее хвалил? В самом деле?! В другое время этих простых слов Айлин хватило бы для полного счастья, но даже сейчас на нее словно повеяло приятным сладким теплом.

– Ну вот, – удовлетворенно повернулся отец к матушке: – Чем ты недовольна, дорогая? При Грегоре Бастельеро ничего неприличного происходить просто не может. Это же Грегор. Его родителям следовало бы дать ему другие имена вместо родовых. Например, Грегор Благоразумие Пристойность Бастельеро – вот это ему было бы точно по мерке! – Он усмехнулся собственной шутке, с каждым словом становясь все благодушнее, и продолжил: – К тому же речь не о мелком дворянстве или, сохрани Благие, о простолюдинах, а об Эддерли и Аранвене! Наша дочь замечательно умеет выбирать круг общения. Тебе следовало бы гордиться.

– Гордиться?! – выдохнула матушка, приложила на миг ладони к щекам и тут же отняла их. – Дориан, ей двенадцать, она не может выезжать. Это исключено!

– Почему? – вскинул брови отец. – Никто не говорит, что она поедет одна. Юный Эддерли любезно приглашает нас всех. Ради Благих...

Он усмехнулся в усы, посмотрел на Айлин, потом на матушку и обескураженного, даже жалкого Артура, и вдруг расхохотался.

– Дориан! Это... это...

– Прости, дорогая! – сквозь смех ответил он матушке, а потом позвонил в колокольчик и велел появившемуся лакею: – Бутылку игристого фраганского. Лучшего! Мы должны это отпраздновать!

– Отпраздновать что? – с ужасом спросила матушка, не сводя с него взгляда, полного возмущения и изумления.

– Разумеется, достойное событие! – заявил отец, разваливаясь в кресле и просто излучая превосходное настроение. – Гвен, дорогая, неужели ты не понимаешь? Впервые в жизни меня пригласили куда-то не как меня самого, а как отца моей дочери! Моей девочки, урожденной Ревенгар! Барготова кровь, да я поеду к Эддерли, даже если придется сделать крюк через Фрагану и пробиваться с боем! Айлин, дорогая, пиши ответ, что мы непременно будем.

– Айлин? – тихо и как-то измученно спросила матушка. – Ответ?

– Ну разумеется, – удивился отец.

Айлин поняла, что за эти несколько минут ее сердце переполнилось любовью и благодарностью так, что внутри горячо, сладко, немного стыдно, и она бесконечно, непредставимо счастлива видеть и слышать все это.

– Конечно же, Айлин, – закончил отец, глядя на нее так, как раньше смотрел только на Артура, да и то очень редко. – Это ведь ее приглашение. Моя дочь приглашена в гости и любезно возьмет нас всех с собой, правда, девочка моя?

Мир перевернулся в глазах Айлин, покачался, перевернулся снова и вспыхнул тысячей красок, ранее ей неведомых. И она поняла, что такой новый мир, где отец любит ее и гордится ею, именно тот, в котором она хочет остаться навсегда.

* * *

Насколько помнил Грегор, на улице Огней располагались лавки и мастерские поменьше и поплотнее той, которую он недавно покинул. Не настолько, следует признать, чтобы в них было постыдно зайти лорду Бастельеро, но достаточно, чтобы по одному лишь адресу понять: дела у бывшего однокашника – а Девериан был всего лишь на курс старше Грегора – идут неважно. Что ж, такое случается, и не помогает, к сожалению, ни золотая кровь, ни влияние семьи – в зачет идет одно лишь мастерство. И если его недостаточно... Да нет, что за глупости! Артефакты маскировки редки и дороги еще и потому, что весьма непросты в изготовлении, уж настолько-то Грегор теорию помнил! Мастер, способный изготовить подобную вещицу, просто не может сидеть без заказов, и что же в таком случае мешает Девериану перебраться в более respectable место?

Впрочем, Грегору-то что за дело? Ему нужно всего лишь узнать, кто заказчик, а свои проблемы с гильдией Девериан пусть решает сам.

Вид мастерской красноречиво подтвердил подозрения: дверь была покрашена совсем недавно, но как-то не слишком удачно, медная ручка и табличка над входом слегка потускнели, ступеньки тихо, но отчетливо скрипнули под сапогами, и даже дверной колокольчик звякнул как-то приглушенно и неуверенно.

То ли задумавшийся, то ли дремавший за стойкой артефактор на этот звяк вскинул голову, наклонился вперед и, близоруко прищурившись, взглянул на Грегора.

– Лорд Бастельеро? – явно удивился он. – Не ожидал вас увидеть. Прекрасно выглядите.

О нем Грегор такого бы не сказал – веселый красавчик адепт Девериан словно как-то выпцвел. Потускнели некогда вызывающе яркие каштановые волосы, у рта залегли складки, потяжелели веки...

– Счастливого солнцестояния, лорд Девериан, – сухо от необъяснимой неловкости уронил Грегор. – У меня к вам срочное дело.

– Разумеется, – с едва уловимой иронией согласился бывший однокашник. – Поверьте, милорд, мне и в голову не пришло бы, что вы заглянули просто навестить соученика. Я внимательно вас слушаю.

«И правильно, что не пришло бы! Можно подумать, у меня есть время наносить визиты, тем более что мы даже не приятельствовали!»

– Две недели назад, – проговорил Грегор насколько мог спокойно, – вы изготовили запрещенный артефакт. Не вздумайте отпираться, Девериан, мне это известно из... источника, достойного доверия.

– Что ж, не буду, раз вы не советуете, – развел руками артефактор. – А позвольте спросить, милорд, неужели вы, оставив армию, поступили на службу к главе Синей Гильдии и теперь разыскиваете нарушителей устава?

В годы учебы от подобной подначки Грегор несомненно вспикел бы, и дело вполне могло закончиться дуэлью, но сейчас он мгновенно успокоился. Если противник так откровенно провоцирует, значит, не уверен в себе. Прекрасно, просто прекрасно!

– Отнюдь нет, – спокойно сообщил он. – Нарушителя разыскивает магистр Адальред. Мне показалось, он настроен крайне серьезно. А я разыскиваю заказчика, только заказчика, и надеюсь на вашу помощь.

– Удивительно, что ваш «достойный доверия источник» не назвал вам заодно имя этого заказчика, – с ядовитой любезностью улыбнулся артефактор. – Боюсь, что не смогу ничем помочь. Мне это имя тоже неизвестно.

– Девериан, оставьте ваши остроты для балагана, – попросил Грегор, совершенно нехотая вспомнив, что вчера он лег за полночь, сегодня встал на рассвете и вот уже полдня бродит по городу, общаясь исключительно с артефакторами. Есть от чего прийти в дурное расположение духа! – Ваши отношения с Гильдией меня не касаются. Просто скажите мне, кто ваш заказчик, – и расстанемся с миром. Понимаю, что имя вам неизвестно, но хотя бы что-то вы должны были запомнить! Не станете же вы утверждать, что к вам каждый день приходят с заказом на маскирующие амулеты!

– Не стану, – согласился Девериан и беспомощно махнул рукой. – Во имя Всеумелого, Бастельеро, здесь вовсе не о чем говорить. Не понимаю, зачем вы подняли такой шум... Две недели назад ко мне обратился парнишка-адепт. Некромант, судя по мантии. Попросил изготовить амулет, заплатил авансом половину. Объяснил, что амулет нужен для ночных отлучек, у него девушка в городе, а правила общежития... Да что вы, сами их не знаете?! «Знаю, – мрачно подумал Грегор. – Разойтись по комнатам не позднее одиннадцати часов, не шуметь, не ходить в гости и еще примерно десяток разнообразных «не», которые азартно нарушаются всеми адептами из поколения в поколение. Сам таким был. А вот что касается выхода в город – тут все сложнее. Покинуть общежитие можно хоть через окно, а вот попасть обратно не удастся никак. Разве что замаскироваться под служащего или как-то иначе одурачить дежурного. Объяснение этот заказчик придумал, нужно отдать ему должное, самое безобидное. Действительно: сбегали, сбегают и будут сбегать – руку даю на отсечение, а раз так – то почему бы честному мастеру и не заработать немного? Но адепт, да еще и некромант?! Способный обойтись таким образом с братом не только по Ордену, но и по дару?! Нет, конечно, мальчика приносил в жертву вовсе не адепт, а опытный мастер – но даже если вина заказчика только в том, что он выманил жертву и ослепил горгулий... Клянусь Претемной, магом ему не стать!»

– Понимаю, – сказал он вслух, чтобы не молчать слишком уж долго. – Адепт-некромант – это уже кое-что. Но, во имя Претемнейшей, Девериан! Может быть, вы запомнили что-нибудь еще? Как он выглядел?

Артефактор удрученно покачал головой.

– Он не из Трех Дюжин, это совершенно точно. И никаких фамильных признаков сколько-нибудь известного рода. А в остальном – совершенно непримечательный юноша исключительно обыкновенного вида. Рост средний, сложение тоже. Впрочем...

Он вдруг замолчал, нахмурился, потер переносицу, и Грегор весь превратился в слух, прекрасно зная, что именно за такими «впрочем» иногда прячутся самые неожиданные открытия.

– Впрочем? – уточнил он, истово надеясь, что Девериан вспомнил что-то, действительно стоящее.

– Не знаю, пригодится ли вам это, – задумчиво протянул Девериан. – Но когда он отдавал деньги, я заметил небольшое искажение силы вокруг его ученического перстня. Такое... специфическое... Вам, не артефактору, это сложно объяснить, но я уверен, что этот перстень не более месяца назад чинили. Горный хрусталь весьма хрупок, а в перстне был именно он. Однако повреждение было незначительное. Полагаю, мелкий скол, который затянули артефакторы в Академии. Предупреждая ваш вопрос: ни один артефактор не взялся бы чинить ученический перстень, ни за какие деньги. Наказание за подобное – даже не штраф...

– Благодарю, – искренне сказал Грегор, не в силах поверить, что его охота почти окончена, да еще так успешно! Поистине, эти странные артефакторы смотрят на мир иначе, чем представители любой другой гильдии. Девериан не запомнил лицо клиента, но приметил вещь! Осталось всего лишь расспросить мастеров, кто из адептов в последний месяц приносил в починку перстень, и найти среди таковых некроманта, а затем нанести визит и как следует расспросить. Всего лишь! – Вы даже не представляете, как помогли мне. И все же, Девериан! – вырвалось у него совершенно неожиданно. – Вы ведь отличный мастер, к тому же аристократ из Трех Дюжин! Как, во имя Претемнейшей, ну как вас угораздило связаться с этой гадостью? Как бы безобидно ни выглядел заказчик, подобные артефакты запретили не просто так!

– Вам не понять, Бастельеро, – глухо уронил Девериан после долгой, растянувшейся почти на вечность, минуты молчания и отвел взгляд. – У вас никогда не было сложностей с деньгами. А у меня пять дочерей. Две – уже на выданье, и да поможет мне Всеумелый Мастер дать приданое хотя бы одной!

«Сложности... с деньгами? У лорда из Трех Дюжин?!» – молча поразился Грегор, впервые внимательно присматриваясь к артефактору и стараясь, чтоб это вышло незаметно. А ведь и в самом деле, кружево на его манжетах и воротнике слегка пожелтело и кое-где аккуратно заштопано, а камзол, хоть и пошитый из отличной шерсти, выглядит несколько поношенным.

Он торопливо отвел глаза, словно невольно подсмотрел за чем-то личным и не вполне пристойным.

– Но ведь ваш старший брат – глава рода, – неловко напомнил он. – Его долг – устроить подходящие браки племянниц...

– Мой брат – игрок, – сухо и резко ответил Девериан. – Притом неудачливый. Порой он играет в долг, под честное слово. Думаю, вам не нужно объяснять, кому в этом случае приходится платить по его счетам, чтоб не замарать семейной чести? Прошу прощения, милорд, мне нужно срочно выполнить один заказ. Солнцестояние, знаете ли, горячая пора для артефакторов. Впрочем, если вы намерены осведомить магистра Адальреда о моей роли в этом... деле...

– Не намерен, – буркнул Грегор и, поколебавшись, добавил, тяжело роняя каждое слово: – Вы едва не влипли в очень нехорошую историю. Из тех, где штраф платят не золотом, а кровью.

– То есть... – замолчав, Девериан нахмурился, снова потер переносицу. – Вы же не шутите?

– Я похож на шутника? – мрачно поразился Грегор. – Поверьте некроманту, Девериан, покойник не соберет своим дочерям приданое. Если к вам снова придет безобидный адепт или кто-то в этом роде, возьмите заказ, но немедленно и как можно более тайно известите меня.

Он дождался молчаливого кивка бывшего соученика и вышел из лавки, чувствуя, как праздничное настроение окончательно приобретает траурные цвета.

Глава 7. Уроки на вакациях

– Леди Бейлас приехала навестить миледи и милорда! – торжественно провозгласил дворецкий, распахнув дверь малой гостиной, и Артур, сидящий подле матушки с толстым томом модных в этом сезоне «Малых трагедий», радостно встрепенулся, а Айлин

вздрогнула от неожиданности, едва не посадив в ответе Саймону крупную кляксу вместо подписи.

Тетушка Мэйв! Самая старшая из матушкиных сестер, мать пятерых дочерей, «редких красавиц, истинных дорвенанток безупречного воспитания!» – не уставала подчеркивать матушка, а тетя скромно кивала и смотрела то на матушку, то на Айлин с откровенной и очень обидной жалостью. Вот же немилость Семерых!..

Ох, как можно думать так о родной тетушке! Все-таки матушка права, Айлин действительно скверная и невоспитанная...

Бросив быстрый взгляд на шагнувшую в комнату тетушку, Айлин пораженно заморгала. Она не видела тетю Мэйв с начала лета, семья Бейлас почти до самой зимы жила в поместье, а увидев, поразились: тетушка оказалась до нелепости похожей на Иоланду! И тщательно уложенными светлыми волосами, правда, не искусственно выпрямленными, зато украшенными почти такими же, как у соседки, шелковыми цветочками... и голубыми глазами слегка навывкате, и даже платье тетушки было такого же солнечно-желтого цвета, что и отделка мантии Иоланды!

Интересно, любит ли тетушка канареек?

– Мы рады видеть миледи Бейлас в добром здравии, – учтиво произнес отец, поднявшись навстречу гостье из любимого кресла, в котором, как обычно после завтрака, просматривал те письма, что не позволялось вскрывать Артуру. – Надеюсь, дела вашей семьи благополучны?

– Более чем, благодарю вас, милорд, – пропела тетушка Мейв. – Рада видеть и вас, и тебя, дорогая сестрица. Артур, дорогой, ты так вырос! Ах, Гвен, как я тебе завидую, такой прекрасный сын... О, и твоя милая дочь тоже здесь?..

– Счастлива приветствовать вас, миледи, – старательно произнесла Айлин, поспешно поднявшись и приседая в предписанном для приветствия близких родственников малом реверансе.

– Учеба определенно пошла тебе на пользу, – рассеянно произнесла тетя Мэйв, мгновенно потеряв к ней всякий интерес, и Айлин мысленно поблагодарила за это Претемную. Вот сейчас она допишет ответ Саймону, осталось только поставить подпись, и сразу уйдет из гостиной! Чем меньше попадаешь на глаза тетушке Мэйв, тем меньше в тебе заметят недостатков.

Промокнув перо, она старательно вывела: «С наилучшими пожеланиями, Айлин, младшая леди Ревенгар», – отложила письмо и уже приготовилась попросить разрешения удалиться, как отец, так и не сев в кресло, заговорил:

– Милые леди, позвольте вас оставить. Артур, нам пора на площадку, вчера ты пропустил урок фехтования. Айлин, милая, ты закончила письмо?

Айлин торопливо закивала, и отец ласково ей улыбнулся.

– Так идем же! Наставник Артура, правда, проводит праздники с семьей, поэтому я буду заниматься с вами сам. Ты ведь не против учиться у меня?

Ох! Сколько же раз она мечтала это услышать! То глядя на отца с Артуром из окна детской, то – с разрешения матушки – сидя на скамейке у дальнего края тренировочной площадки, изнывая от тоскливой, недостойной леди зависти, отчаянно желая и не смея спросить у отца позволения тренироваться вместе с ними! А вдруг отец не отказал бы? Наверняка фехтование в Академии далось бы тогда Айлин куда проще! Но... но ведь у нее же нет фехтовального костюма! Штаны так и остались в тумбочке, она ведь и предположить не могла, что они понадобятся дома!

– Айлин? Фехтование? – в один голос спросили матушка и тетя Мэйв.

Матушка очень тихо и как-то обреченно, тетя – с нескрываемым жадным любопытством. Артур промолчал, но так яростно сверкнул глазами, что Айлин стало не по себе. Она не может справиться даже с Идой, а ведь Артур куда сильнее, он дольше учится и вообще мальчик!

Но она все равно не отступит. Сохрани и благослови, Претемнейшая, магистра Роверстана за то, что Айлин теперь совсем не боится рапир!

– Разумеется, – улыбнулся отец. – Фехтование – одна из важнейших дисциплин для боевого мага. Идемте же!

И, взяв Айлин за руку, – ее сердце подпрыгнуло и громко-громко забилося где-то в горле – вышел из комнаты.

Артур шел следом за ними, и Айлин затылком чувствовала его сверлящий сердитый взгляд. – Милорд отец, – решил брат уже у самой лестницы на первый этаж. – Айлин... она не может заниматься фехтованием! Это же... это же непристойно для леди! Как можно фехтовать в платье? И это опасно! Сражаться должны мужчины!

Отец остановился, нахмурился и обернулся, обернулась и Айлин – слова Артура поразили ее до глубины души. Выходит, брат не злится, что отец взял ее с собой, а просто... беспокоится? Как раньше, еще когда у нее не было дара? И он прав: фехтовать в платье – это ужас что такое! Она и в штанах-то постоянно падает...

– Сражаться должны мужчины, – медленно произнес отец, словно пробуя слова на вкус. И улыбнулся. – Слова истинного Ревенгара, сын! Запомни их накрепко. Защищать свою землю, дом и своих женщин, будь то мать, сестра или возлюбленная – право и долг любого, кто зовет себя мужчиной.

Он потрепал Артура по плечу свободной рукой, и глаза брата засияли от гордости. Отец одобрительно кивнул.

– Вижу, ты понимаешь. Но никогда не думай, что непристойно для леди взяться за оружие. Доблесть и отвага – лучшее украшение и мужчины, и женщины, непристойна и отвратительна лишь трусость.

– Я... я запомню, милорд, – пробормотал Артур, опустив глаза, а отец серьезно кивнул и обернулся к Айлин.

– Впрочем, милая, твой брат прав в одном: фехтовать в юбке, должно быть, демонски неудобно! Тебе сегодня же начнут шить костюм для тренировок, а пока... Что ж, сегодня придется потерпеть неудобство, слишком уж коротки праздничные вакации, чтобы пропускать урок! Кроме того, вдруг однажды и тебе придется сражаться? Ни один враг на моей памяти не был столь благороден, чтобы дать время переодеться... или даже просто одеться, если нападал среди ночи. Дай Пресветлый, чтобы с тобой такого не случилось, конечно же, – прибавил он серьезно, осенив себя знаком меча.

Айлин последовала его примеру, недоумевая про себя, неужели отец не желает для нее славной судьбы? Нет, конечно, новой войны совсем не хочется! Но... подвиги, приключения и слава – это все так увлекательно и захватывающе, наверное...

Она ожидала, что отец ответит им с Артуром в фехтовальный зал, но вместо этого они вышли на улицу, и Айлин вздохнула про себя: видимо, от свежего воздуха ей не избавиться до самого окончания Академии!

Удивительно, но Артур, кажется, не возражал против занятий во дворе! А еще удивительнее, что на балконе гостиной, выходящем как раз на тренировочную площадку, показались матушка и тетя Мэйв. Артур помахал рукой, и матушка слабо ему улыбнулась, а затем повернулась к тете и быстро о чем-то заговорила. Тетя слушала, хмурясь, взмахнула рукой – полы ее плаща распахнулись от ветра – и ответила что-то явно резкое, судя по тому, как матушка недовольно поджала губы.

«Жаль, что я не стихийница, – подумала Айлин, подойдя к щиту с рапирами, вкопанному, в точности как в Академии, у самого края площадки. – Тогда можно было бы поймать ветер и послушать, о чем они говорят! Конечно, подслушивать – это ужасно неприлично! Но интересно ведь...»

Она вынула из креплений ближайшую рапиру, дважды взмахнула клинком и невольно улыбнулась: клинок не оттягивал руку, в ушах не шумело, и все, абсолютно все было прекрасно видно! Какой же замечательный человек магистр Роверстан, и какая превосходная вещь – магия разума! Надо обязательно, обязательно научиться ее не бояться! – ...не какой-то Роверстан! – донесся с балкона возмущенный возглас тетюшки Мэйв, и Айлин невольно насторожилась. Роверстан? Они говорят о том самом магистре, о котором она сейчас подумала?! Вот бы узнать...

Голова дырявая, ведь совсем недавно мэтр Бреннан показывал на уроке подходящее заклинание – «Кошачьи уши!» Правда, оно целительское, чтобы слышать биение сердца, но какая разница, что слушать?

Айлин тихо, чтобы не услышали отец и придирчиво выбирающий рапиру Артур, пробормотала формулу и прислушалась.

– ...буду о нем говорить! – с тихой яростью чеканила тетя Мэйв. – Если бы отец ему не отказал, ты выскочила бы замуж за этого разумника, как мы все – за первых, кто предложил, лишь бы только оказаться подальше от отца! А твоей дочери присылают приглашение Эддерли и Аранвены, юноши из Трех Дюжин, и ты считаешь эти знакомства неподобающими?! Побойся Семерых, Гвен, сыновья канцлера или главы некромантов – это не какой-то простолюдин, хоть и сотню раз «подающий большие надежды»!

– Мэйв, – простонала матушка, прижимая ладони к вискам. – Ты говоришь немыслимые, отвратительные вещи! Ты ведь знаешь, как я люблю Дориана! Я желаю Айлин только добра, но такой визит – просто неслыханная компрометация, а мой любимый муж наотрез отказывается это замечать! Он рад, что дочери присылают приглашения, а ведь ей всего двенадцать!

– Дура! – взвилась тетя Мэйв, и Айлин едва не развеяла заклинание. Все-таки очень нехорошо слушать, как кто-то оскорбляет матушку, даже если это ее собственная старшая сестра. Но ведь это же о ней говорят, значит... значит, она имеет право послушать. Еще совсем-совсем немножко... – Гвен, речь идет о семейном обеде! Твой муж абсолютно прав, вы просто обязаны поехать!

«Но что же это получается, – едва не ахнула Айлин вслух. – Магистр Роверстан сватался к матушке?! Он, правда, упоминал, что часто видел ее до замужества...»

А еще сказал, что они с Айлин похожи – это, конечно, неправда, матушка намного красивее! – но очень приятно. Может быть, поэтому магистр и старается ей помочь? Ради матушки? Да, наверное... И, возможно, именно поэтому он и не выделяет никого из адептов? Даже самых старших?

Ох, Претемная, какие же недостойные глупости лезут в голову!

Она торопливо оглянулась на отца и Артура, боясь и вызвать неудовольствие своей медлительностью, и пропустить хоть слово. Но отец что-то объяснял брату, то рассекая воздух лезвием рапиры, то заставляя ее замереть параллельно земле, и Айлин снова прислушалась.

– И ты думаешь, это не будет выглядеть вызывающе? – как-то жалобно сказала матушка, и Айлин впервые всем сердцем пожелала тетушке Мэйв победить в споре. – Чем она вообще могла привлечь их внимание? Она же совсем еще ребенок! И по уму, и по манерам...

– Этому ребенку через четыре года будет шестнадцать. И проведет она их, заметь, в Академии, – продолжала напирать тетушка Мэйв. – Мы с тобой обе знаем, какие там нравы! Так что чем раньше она обручится, тем быстрее можно будет забрать девочку оттуда. Пусть учится дома и спокойно ждет замужества. Подумать только! Эддерли! Аранвен! Да я бы продала душу Барготу за такие партии для моих дочерей! И ты еще сомневаешься? Может, они тебе нехороши? Ждешь брачных предложений от принцев? Так смотри, если вдруг они подерутся за твою доченьку, не зевай и хватай сразу наследника!

– Хватит, Мэйв! – рассердилась матушка. – Что ты такое говоришь! Я просто... просто...

– Ну ладно, – сменила тетушка гнев на милость. – Я тоже не понимаю, чем она так зацепила сразу двоих почти взрослых юношей. Была бы хоть побойчее, как ты или я... Но вот что я тебе скажу, их родителям самое время присматриваться к будущим невестам. Я сама знаю всех подходящих женихов для моих девочек, и если у тебя есть хоть капля рассудка, ты тоже присматриваешь кого-то для Артура. Брак – дело серьезное. А то выйдет как с Элоизой!

Если бы кто-нибудь спросил Айлин, она бы сказала, что тетушка Элоиза очень удачно вышла замуж. Ее муж такой славный и добрый, так влюбленно смотрит на жену, даже Айлин это видно. Правда, он купец, и для леди этот брак очень неприличен, но... разве это хуже, чем вечные размолвки из-за денег в семье тетушки Брайд? Или скандалы в семье тетушки Амелии, из-за которых она часто приезжает в слезах, потихоньку жалуется на мужа, который снова три дня провел у какой-то танцовщицы, и матушка поит ее успокоительными каплями.

Но про Саймона и Дарру это же... не всерьез? Как вообще можно думать такое про них и Айлин?! У нее все-таки загорелись щеки, но тут тетушка, бросив с балкона оценивающий взгляд, сказала:

– Только не вздумай нарядить ее во взрослое платье. Вот это и вправду неприлично и вызывающе. И прическа... Не этот ужас, конечно, но высокая укладка будет смотреться

смешно. Фраганские косы подойдут, я полагаю. Хотя бы волосы у нее хорошие, вот их и покажем. И платье с завышенной талией, а по низу...

Дальше Айлин с облегчением перестала слушать. Все равно у нее самой точно не спросят, что ей нравится, так какая разница?

– Айлин! – окликнул отец, и она торопливо подошла, сжимая рапиру.

Какое счастье, что хоть оружие можно выбрать по собственному вкусу и удобству!

– Становись в позицию, милая, – сказал отец, улыбнувшись, и Айлин со сладким восторженным ужасом поняла, что будет фехтовать не с Артуром.

Она шагнула вперед, чуть согнула ногу в колене, принимая заученную позу и мысленно благодаря и мэтра Вильмара, и магистра Роверстана, и даже Иду! Во всяком случае, научившись удерживать рапиру под тяжелыми ударами итлийки, она не сразу ее выронит.

– Ты неправильно держишь! – вдруг сказал Артур, ставший в стороне и посередине, чтобы все видеть. – Милорд отец, скажите ей!

Айлин покосилась на брата и, к своему удивлению, увидела на его лице беспокойство.

– Если держать рапиру неверно, можно повредить руку, так мастер Торвель говорит, – добавил Артур.

– Это верно, – согласился отец, но присмотрелся к рапире, в которую Айлин вцепилась отчаянно, однако стараясь не забывать уроков магистра Роверстана. – Хм, как любопытно. Девочка моя, у вас фехтование преподает фраганец?

– Ч-ч-что? – пролепетала Айлин, тоже посмотрев на свою ладонь, которая, теперь она это впервые видела, обхватывала рукоять как-то иначе, не как у отца, Артура и даже соучеников в Академии.

– Это фраганский хват, – пояснил отец, глядя на нее с удивлением. – Смотри, Артур, отличная постановка руки! Так держат рапиру фраганские бретеры, и выбить ее, я тебе скажу, дело не из легких. Почти невозможно, если пальцы достаточно сильны, а слабаков среди этих господ не водится. Неужели Академия приняла на службу фраганца? Надо к вам заехать. Я бы с радостью встретился с каким-нибудь месьором не в смертельном бою, а на тренировочной площадке.

– Он... не фраганец, – замотала головой Айлин. – Мэтр Вильмар – дорвенантец, это точно. Что руку ей ставил магистр Роверстан, она сообразила через несколько мгновений, но исправляться не стала, а то пришлось бы слишком многое объяснять. И вообще... Если магистр когда-то ухаживал за матушкой, вдруг отец его знает? Ой, она глупая! Конечно, знает, они должны были учиться вместе! И вдруг отцу не понравится, что магистр теперь дает уроки Айлин? Нет-нет, надо помолчать, наверное! Она ведь ничего не скрывает, ее ни о чем не спрашивали, а фехтование у них на самом деле преподает мэтр Вильмар, так что никакая это не ложь.

– Да? Жаль, – слегка огорченно сказал отец, а Артур с сомнением спросил:

– Если этот хват настолько хорош, почему мастер Торвель его не показывал?

– Ну, он фехтовальщик старой школы, – пожал плечами отец. – И учит, как учили его самого. Я бы поставил тебе его позже, сын. А раз уж твоя сестра его знает, может, она и покажет?

– Айлин?

Артур глянул на нее с тенью неуверенности во взгляде, словно она могла отказать, и Айлин заторопилась:

– Конечно! Смотри! – Она развернула руку, чтобы Артуру было виднее. – Это совсем просто! Ой, братец, если бы только ты хоть раз пришел к нам на урок! Там нет никого, кто фехтует лучше тебя!

– Неудивительно, он же Ревенгар, – подмигнул отец.

Губы Артура тронула еще слабая улыбка, но на Айлин он посмотрел с гордостью, а она подумала, что вот бы так было всегда! Чтобы братец не обижался на нее, а отец любил их обоих. И матушка... когда-нибудь она поймет, что Айлин ее очень любит! И все будет хорошо, прямо как сейчас!

* * *

Колокольчик звякнул за его спиной еще более надтреснуто и уныло, чем в первый раз.

Грегор с минуту постоял на крыльце, уже не изображая головокружение и даже не наслаждаясь свежим воздухом – в мастерской Девериана и без того было удивительно

свежо, даже реактивами не пахло, – а обдумывая, не отправиться ли домой? Право, общение с тремя артефакторами за каких-то полдня – нешуточное испытание для кого угодно!

К тому же чем дольше, тем отчетливее начинало сдавливать виски – вернейший призрак грядущей головной боли, вызванной то ли усталостью, то ли вестями о заказчике, то ли нечаянной откровенностью Девериана, о которой тот, к пророку не ходи, наверняка уже пожалел...

«Не отправиться ли домой? Провести день, как хотелось еще вчера: прогуляться верхом за город, почитать у камина... выспаться, наконец!» – подумал было Грегор, но тут же спохватился, что тогда завтра снова придется ехать в Академию и общаться все с теми же, провалились они к Барготу, артефакторами. Ну уж нет! С почтенными коллегами следует разделить сегодня же, а головная боль... «Перетерплю, не дама!»

Он сошел с крыльца, поморщившись от еле слышного, но отчетливого скрипа ступеней, и зашагал вверх по неширокой улочке, туда, где величественно поднимались над крышами домов, мастерских и лавок высокие башни Академии.

Прежде Грегор бывал на улице Огней дважды, еще адептом, и оба раза – исключительно за компанию с Диланом Эддерли. Что здесь было нужно приятелю, Грегор сейчас не вспомнил бы и под угрозой вечной ссылки послом во Фрагану, но улица тогда определенно выглядела иначе. Лавок точно было больше, сейчас же Грегор насчитал не менее дюжины наглухо закрытых дверей со снятыми вывесками и прикрытых ставнями окон, и это в праздничные, самые прибыльные для торговцев дни!

«Для мастеров, к слову, тоже, – подумал Грегор невольно. – А Девериан, хоть и сослался на срочный заказ, вовсе не был похож на занятого делом».

Да и в открытых лавках покупателей было негусто. Даже в кондитерской, мимо которой он как раз проходил, и от которой тянуло дразнящим запахом то ли патоки, то ли меда. Да каких-нибудь десять лет назад в праздничные дни здесь дверь бы не успевала закрываться, а сейчас... Баргот знает, что в столице творится с торговлей!

Хотя что ему за дело до всего этого? О чем следовало думать, так о том, как наилучшим образом допросить адепта-заказчика. Впрочем, не лучше ли сказать «бывшего адепта»? Отчисление – самое малое, что его ожидает, и Грегор от души надеялся, что неизвестный пока юный некромант виноват только в собственной глупости. И что этой глупости все же не хватило на то, чтобы связаться с поклонением Барготу! Он всего раз присутствовал при выжигании дара у зарвавшегося мага и не хотел бы повторять этот опыт. Честная смерть гораздо милосерднее.

В Академии было так же тихо и безлюдно, как на улице Огней или в лавке Девериана. Даже из мастерской Адальреда – небывалая странность! – не доносилось ни звука.

«Интересно, на месте ли мастера перстней. Надеюсь, им не пришлось в голову уехать куда-нибудь в честь праздника? Не хотелось бы ждать до конца вакаций, чтобы узнать единственное имя!»

Он даже остановился на мгновение, но почти тут же увидел полосу света, пробивающуюся из-под нужной ему двери – последней в южном крыле.

«Прекрасно! Если даже один из мастеров уехал, второй, несомненно, на месте и наверняка не откажется оказать брату по Ордену пустячную услугу», – заключил Грегор, распахивая дверь и поспешно прикрывая глаза рукой: свет здесь был даже ярче, чем в мастерской Адальреда.

Магов в мастерской оказалось двое, причем в одном из них Грегор с немалым удивлением узнал Райнгартена.

Глава стихийников, одетый не в форменную оранжевую мантию, а в обычный камзол, сидел за длинным столом в самом центре мастерской, задумчиво глядя на доску, уставленную резными фигурками, а напротив склонился над той же доской пожилой артефактор, работавший здесь еще в пору ученичества самого Грегора.

«Никогда бы не подумал, что Этьен Райнгартен – любитель «арлезийских башен».

Модная в Итлии и Арлезе, эта игра в Дорвенанте появилась всего несколько лет назад и успела вызвать у него стойкую неприязнь: что за чушь, скажите на милость, разыгрывать сражения, если даже ход фигур полководец не может изменить по своему разумению?

А вот Эжен Райнгартен, приходящийся магистру стихийников кузеном, «башни» истово полюбил, утверждая, что они развивают стратегическое мышление. Он, впрочем, вообще обожа́л все, подчиненное жестким правилам, оттого и не поднялся выше заместителя командора. Точнее, теперь уже поднялся, и хвала Претемнейшей и всем Благим, что Фрагана едва ли рискнет начинать новую войну в ближайшие... да хотя бы десять лет! «А если и начнет – им же хуже. Малкольм как принял мою отставку, так и вернет на пост в связи с государственной необходимостью – или назовет это как-нибудь иначе, неважно. Его величество тоже прекрасно понимает, что именно ему навоюет этот... любитель правил!» – Доброго дня, уважаемые коллеги, – вежливо поприветствовал Грегор увлекшихся игроков, явно не заметивших его появления.

Райнгартен, вскинув голову, приветливо улыбнулся.

– И вам доброго дня и счастливого Солнцестояния, дорогой Грегор! Прошу простить, мы с коллегой так увлеклись анализом ваших записей...

«Мои записей?!» – поразился Грегор, только сейчас заметив по обе стороны от доски аккуратные стопки листов. Исписанные им лично – слева, пока еще девственно-чистые – справа. – «Но Великий Магистр Кастельмаро отдал записи Райнгартену не меньше месяца назад! И этот болван хочет сказать, что только сегодня взялся за их изучение?! Подумать только, и я еще был недоволен тем, что их рассматривала жена канцлера! Видит Претемная, в одном мизинце Немайн Аранвен больше разума и предусмотрительности, чем у Этьена и Эжена Райнгартенов вместе взятых!»

– Но вы наверняка искали не меня, не так ли, коллега? – уточнил стихийник, и Грегор, с трудом умирив раздражение, вынужденно кивнул.

– Вы совершенно правы, магистр. У меня дело к почтенным мэтрам. Мне хотелось бы узнать, кто из адептов Фиолетового факультета обращался в последний месяц с тем, чтобы починить ученический перстень? Вероятнее всего, дело было в треснувшем или выщербленном кристалле, – поспешно добавил он, вспомнив слова Девериана. Лицо артефактора, хмурое и недовольное поначалу, разгладилось, едва Грегор упомянул кристалл.

– Нет ничего проще! – заверил он. – Как приятно иметь дело со столь обстоятельным юношей! Вам придется подождать, но буквально несколько минут!

Старик неторопливо обогнул стол и отошел к дальней стене мастерской, почти полностью занятой высоким, под самый потолок, книжным шкафом.

Грегор снова бросил взгляд на доску, пытаясь понять, что же у Барготом изобретенных «башен» может быть общего с его расчетами, и заметил наконец, что от башен тут – только доска, расчерченная клетками. То, что он принял за фигуры, оказалось разбросанными по доске без всякой видимой системы артефактными заготовками, напитанными, правда, силой – простенькие медные колечки светились красным, оранжевым, фиолетовым. Кое-где вспыхивали зеленые огоньки...

– Теоретическая часть вашей работы, дорогой Грегор, необыкновенно интересна, – доверительно сообщил Райнгартен и постучал перстнем по центру доски. – Что касается практической, то ее, несомненно, стоит рассмотреть как можно подробнее! Я посвящу этому все вакации, не сомневайтесь. Заседание Совета по вашему вопросу состоится через пятнадцать дней, к этому времени я полностью изучу вопрос...

– Через пятнадцать дней? – переспросил Грегор со всей учтивостью, на которую был способен. – Магистр, пятнадцать дней – это полмесяца, причем праздничных, когда нагрузка на порталы возрастает в два, если не в три раза! Вы же стихийник, вы как никто другой должны понимать, что подобный риск недопустим! Собирать Совет так поздно – непростительная беспечность!

– Полностью с вами согласен, – развел руками Райнгартен. – Однако в отсутствие Великого Магистра любое решение Совета будет неправомерным, а милорд Кастельмаро еще вчера покинул Дорвенант. Отправился, насколько мне известно, в Арлезу, говорят, тамошний климат очень полезен для здоровья, а у старика последние двадцать лет пошаливает сердце. Поверьте, Грегор, мне и в самом деле очень жаль, что ваше дело движется так медленно. «Да ни на секунду не поверю! – очень хотел ответить Грегор. – Райнгартен, вы такой же слепец, как и все остальные! Чем бы вы ни руководствовались – обычным упрямством или нежеланием портить отношения с артефакторами, но в преступно запоздавшем Совете –

ваша вина! И если, сохрани Претемная, мы не сможем предотвратить Разлом... кому тогда будут интересны все ваши научные выкладки?!»

– Нашел! – раздался торжествующий голос мастера перстней в тот самый момент, когда Грегор чуть было не решился высказать Райнгартену все, что о нем думал. Очень кстати! – И в самом деле, трещина в горном хрустале. Нужно, нужно все-таки заменить кристаллы следующему первому курсу. Хотя бы и на яшму, она прочнее. Или взять прозрачный агат? – Так что же вы нашли, мэтр? – нетерпеливо спросил Грегор, опасаясь, что ему сейчас придется выслушать лекцию об особенностях кристаллов, а на это его душевного равновесия, подточенного Райнгартеном, совершенно точно не хватит.

– Ах да! – спохватился артефактор. – Прошу прощения, мэтр. Три недели назад я лично чинил поврежденный перстень адепту Морстену, Шону Морстену. Фиолетовый факультет, пятый курс. Механическое повреждение, ничего наказуемого. Горный хрусталь все-таки слишком хрупок, а эти мальчишки...

Он еще что-то говорил, а у Грегора в висках тяжелым раскаленным молоточком билось знакомое имя. О да, он усвоил урок, полученный у тела первого погибшего, и теперь мог бы назвать своих учеников поименно, хоть ночью его разбуди. Морстен, второй простолюдин на особом курсе. Демоны тебя побери, мальчишка! Во что ты влез?! «Пусть это окажется обычная месть одного адепта другому, – неизвестно кого попросил Грегор. – За девицу, оскорбление или просто по глупости. Только бы не думать, что прямо у себя под носом просмотрел барготопоклонника! Учил его, раскрывал ему душу на той первой лекции, надеялся, что смогу передать все, что умею... Какая же... мерзость! Если это действительно он, даже Денверу сдавать не стану, своими руками удавлю гаденыша. Выжму из него все, что знает, и удавлю».

Глава 8. Множество впечатлений

– Айлин, ты взяла платок?

Матушка оглядела ее и сидящего рядом Артура, в который раз проверяя, прилично ли они выглядят.

– Да, миледи, – покорно отозвалась Айлин.

Про платок ее спросили уже три раза. А до этого дважды про душистую воду и по разу про леденцы для освежения дыхания, зеркальце и запасные шпильки на случай беспорядка в прическе. И ведь матушка сама собирала поясную сумочку Айлин, как она может не помнить, что туда положила? А вот конфеты, сбереженные от завтрака, велела выкинуть и еще прочитала нотацію, что только невоспитанные дети прячут сладости, чтобы съесть их без разрешения.

Айлин молчала, потупив взгляд и не смея признаться, что хотела угостить Саймона и Дарру. Матушка бы этого не поняла. Настоящие леди не кидают украдкой в поясную сумочку трюфельные шарики, завернутые в блестящую бумажку. Если настоящие леди хотят угостить хозяев дома, куда едут с визитом, они берут с собой коробку конфет, перевязанную пышным атласным бантом, и вручают ее у всех на виду, присев в реверансе и с соответствующим выражением почтения. А Айлин... Из нее никогда не выйдет настоящей леди, но она точно знала, что Саймон бы обрадовался именно этим трюфелям. А Дарра снова улыбнулся уголками губ...

– А зеркальце? Ты взяла зеркальце? – встревоженно спросила матушка, и отец, тоже слышавший это все, фыркнул, а потом накрыл ее ладонь своей.

– Успокойся, дорогая, – сказал он. – Айлин взяла все, что необходимо. А если даже вдруг забыла, я уверен, в особняке Эддерли найдется зеркало.

– Ты не понимаешь! – воскликнула матушка и принялась свободной рукой обмахивать веером покрасневшее лицо. – Она должна произвести безупречное впечатление! А она...

Ах, ну почему я не могу привить ей хотя бы подобие манер Артура!

Брат, затянутый в новенький серый камзол с алой оторочкой, тщательно причесанный и со слегка завитыми концами волос, сидел рядом с Айлин и выглядел как всегда превосходно. И как только у него получается всегда соответствовать требованиям матушки!

– Гвенивер, милая, – терпеливо сказал отец. – Лорд Эддерли – глава факультета, где учится Айлин, и за эти месяцы он видел нашу дочь бесчисленное количество раз. Уверяю тебя, все впечатление, которое Айлин могла на него произвести, она уже давно произвела.

– Вот этого я и боюсь, – желчно сказала матушка и уставилась в окно, поджав губы.

Айлин вспомнила множество впечатлений, которые она и вправду успела произвести на почтенного лорда Эддерли – начиная с совета и заканчивая появлением Пушкина в Академии – и изо всех сил постаралась не покраснеть. Но... ведь лорд Эддерли ее никогда не ругал! И не запрещал Саймону с ней общаться. По правде говоря, Саймон и сам иной раз производил... то еще впечатление, но эти мысли уж точно следует гнать – и подальше.

Чтобы отвлечься, она благовопитанно сложила руки на коленях и снова залюбовалась, едва не щурясь от удовольствия, кольцом на указательном пальце. Внутри стало так сладко и тепло! Словно Айлин съела дюжину лучших конфет или, войдя с мороза, села у очага с чашкой шамьета, как это любит сделать в гостиной отец. Ей такое, конечно, не позволялось, но это наверняка именно так! Алый огонек, прячущийся внутри изумительного кристалла, подмигнул ей, и Айлин осторожно погладила пальцем и камень, и золотой ободок перстня. Наполовину золотой, ведь это настоящий орденский перстень, а они делаются из сплава золота и серебра. Не хватает только клейма на внутренней стороне, но его Айлин получит не скоро, для этого надо проучиться в Академии бесконечные двенадцать лет!

Ну и пусть... Она потерпит! Зато у нее теперь не ученический перстенок с хрусталем, который был до этого. И камень... Айлин никогда не видела подобного, хотя у матушки в шкатулке каких только украшений не встречалось!

«Это аметрин, милая моя, – снова прозвучал в ее памяти голос отца. – Чудесный камешек, сочетающий в себе два цвета. Обычно он частью фиолетовый, а частью оранжевый, но ты ведь у меня не стихийница. К счастью, ювелир нашел редкий экземпляр».

Айлин заворуженно залюбовалась ровным сиянием словно слитого из двух частей кристалла и признала: действительно – чудо! Наполовину камень отливал чистым фиалковым цветом, а с другой стороны алел почти как рубин. Ее перстень... самый лучший, самый чудесный подарок, какой она и представить не могла!

«Мне бы стоило положить его под праздничное дерево, – усмехаясь, говорил вчера отец, наслаждаясь ее радостным смущением, – но мы ведь едем в гости, а леди любят покрасоваться всякими блестящими штучками. Только помни, моя милая, что это настоящий перстень боевого мага. Ну и некроманта, разумеется. Никогда не позорь его трусостью или ложью. Ты у меня храбрая девочка, я верю, что Ревенгары смогут гордиться тобой».

«Я не опозорю тебя, отец», – проговорила она про себя и вдруг заметила, что Артур смотрит на ее перстень со странно напряженным выражением лица. Будто... завидует? Но ведь это же глупо! Ему зато положен перстень наследника, не такой большой и красивый, как у отца, но с гербом Ревенгаров, и Артур знает, что получит его, как только ему исполнится четырнадцать, и он будет представлен ко двору. Его признают взрослым, а Айлин еще учиться и учиться!

– Подъезжаем! – взволнованно проговорила матушка и встрепенулась, оправляя платье, и так лежащее безупречными складками. – Дети, вы все помните? Поменьше говорите, побольше улыбайтесь и кланяйтесь. Айлин, реверансы ниже, а спину ровнее. Артур...

– Гвенивер, – сказал отец, и Айлин чутким ухом, привыкшим ловить малейшее выражение недовольства окружающих, расслышала в отцовском голосе именно его. – Хвала Благим и тебе, моя дорогая, наши дети прекрасно воспитаны. Мы приехали к равным, не забывай об этом.

– Да, дорогой, – поспешно отозвалась матушка. – Извини. Я просто подумала... Лорд Аранвен – канцлер, а лорд Эддерли...

– Глава Фиолетовой гильдии, – подсказал отец. – И оба они – точно такие же лорды из Трех дюжин, как и Ревенгары. Я буду признателен, если ты не станешь забывать об этом и постарайся внушить нашим детям, что они не должны считать себя ниже никого, кто встретится им в этом доме. Ревенгары склоняются лишь перед королями, да и то из уважения, а не из страха. Ну и перед прекрасными дамами, – добавил он, подкрутив пальцами усы и подмигнув Артуру, отчего брат слегка зарумянился, а матушка смущенно улыбнулась.

И тут карета наконец остановилась. Айлин увидела, что вокруг – широкий двор, а впереди и сбоку высятся светло-серые стены особняка. В следующий миг седовласый лакей в желто-синей ливрее Эддерли распахнул дверцу и склонился в церемонном поклоне.

– Прошу, дорогая.

Выйдя первым, отец предложил руку матушке, и она, придерживая рукой широкие полы мехового плаща, величаво выплыла из кареты. Айлин, чувствуя себя до жути неудобно в новом платье со слишком тугим поясом, подхватившим ее под грудь, оперлась на ладонь Артура и тоже вылезла наружу, стараясь одернуть юбку как можно незаметнее. Сзади фыркнула лошадь, и Айлин поторопилась отойти, чтобы брызги лошадиной слюны не попали на плащ.

– Миледи и милорды, счастливы приветствовать вас от лица моей семьи!

На юноше, спешащем к ним по широкой, очищенной от снега дорожке, был нарядный светло-синий камзол, расшитый золотом, и Айлин, никогда не видевшая Саймона ни в чем, кроме мантии адепта, едва не ахнула от восхищения. Родовые цвета Эддерли шли к его смуглой коже и светлым волосам просто удивительно! Интересно, а Дарра тоже будет в парадном?

Подойдя, Саймон элегантно поклонился, а затем выпрямился и улыбнулся. Румяный, покрасневший от мороза, с блестящими золотым янтарем глазами, он излучал столько жизни и радости, что Айлин показалось, будто младший Эддерли сам сверкает, словно наряженное праздничное дерево. Он почтительно поцеловал руку, протянутую ему матушкой, принял ответные поклоны отца и Артура, а затем повернулся к ней. Едва не задохнувшись от смущения, Айлин сделала реверанс. Голова у нее стала вдруг пустой, и все правила этикета, заученные назубок, вылетели из нее мигом. Надо ли протянуть руку для поцелуя или следует ограничиться реверансом? И кому теперь должен предложить руку Саймон, чтобы вести в дом, если обе дамы имеют кавалеров? И... и...

– Добро пожаловать! – провозгласил Саймон, широко улыбаясь, и все вдруг стало неважным и нестрашным, потому что отец, кивнув, повел матушку по дорожке к парадной двери, а перед Айлин вдруг оказалась согнутая в локте рука Саймона, на которую она оперлась так естественно, словно это был Артур на уроке этикета. Нет, пожалуй, гораздо естественнее. – Дарра тоже хотел выйти вас встречать, – чуть наклонившись к ней, заговорщицким шепотом сообщил Саймон. – Но мы решили, что он пока приготовит кое-что дома. А это твой брат? Совсем не похож на тебя, – оглянулся он на Артура, с чопорным видом следующего за ними. – Кстати, Ревенгар, а почему ты не взяла с собой свое умертвие? Леди Аранвен хотела с ним познакомиться. Она тоже некромантка, знаешь? Может, скажем, что это твой брат? – перешел он совсем на шепот, и Айлин едва не прыснула, представив Артура в ошейнике Пушка.

– А что готовит Дарра? – спросила она тоже шепотом, и сердце замерло в томительном сладком предвкушении.

Она совсем взрослая, ведь у нее тоже теперь есть свои тайны! Правда, пока общие с Саймоном и Даррой, но все равно!

– О, скоро узнаешь, – пообещал Саймон и распахнул перед ней и так открытую дверь еще шире. – Осторожно, тут собаки! Фу, паршивки балованные!

Две белые красавицы-борзые, кинувшиеся к ним, на его окрик не обратили ни малейшего внимания. Выплясывая перед Айлин танец собачьей радости, они умудрились наступить ей на подол лапами, ткнуться в обе руки носами, облизать ее ладони, и только тогда Саймон, ругаясь сквозь смех, оттащил их за ошейники и велел появившимся откуда-то слугам забрать. Айлин, присевшая на корточки, чтобы заглянуть в счастливые улыбающиеся морды, выпрямилась, тоже улыбаясь во весь рот. И замерла, с ужасом представив, что ее ждет, если это видела матушка.

Уф-ф-ф... матушка как раз сделала реверанс перед величественной немолодой леди в платье из серебряной парчи. Айлинхватило одного взгляда на тонкое бледное лицо и серебро благородно поседевших волос в высокой прическе, чтобы понять, кто эта женщина.

Аранвен, разумеется! А вот и сам лорд-канцлер, похожий на жену, словно они не супруги, а родные брат и сестра. А в двух шагах от леди и лорда Аранвен стоит магистр Эддерли, тоже не в мантии, а в камзоле песочного цвета с золотой оторочкой, и... ой, он же видел, как она возится с собаками!

Айлин вспомнила разговор в карете и про себя обреченно подумала, что ничего нового магистр все равно не увидел. А эта дама рядом с ним...

– Добро пожаловать, юная леди, – подошла к ней невысокая пухленькая женщина со светлыми волосами, голубыми глазами и удивительно милым лицом, круглым и в ямочках, к которому замечательно шло палевое кружевное платье. – Саймон все уши нам прожужжал, рассказывая, какая ты прелесть, и я вижу, что он ничуть не преувеличил. «Вот именно такой была бы Иоланда, будь ей лет на полсотни больше, а характер – в десять раз лучше», – ошеломленно подумала Айлин, пытаясь сделать реверанс, тогда как ее просто обняли, словно любимую дочь или внучку. – И это матушка Саймона?»

Леди Эддерли выпустила ее из объятий, и Айлин почувствовала запахи сладких цветочных духов и выпечки с корицей, словно жена лорда Эддерли сама готовила что-то к приходу гостей. Но этого, конечно, быть не могло, ведь истинная леди не пачкает руки кухонной работой.

Смутившись, Айлин подошла к Аранвенам и присела в реверансе.

– Рада знакомству, милая Айлин, – сказала леди Аранвен с удивительно знакомыми интонациями и улыбнулась тоже в точности как Дарра, одними уголками губ. – Признаться, я впервые вижу девушку, на описание которой мой сын потратил больше дюжины слов. Небывалое достижение, причем не только с его стороны. Гвенивер, дорогая, – обратилась она к матушке Айлин, – нам давно следовало познакомиться поближе. Надеюсь, после Эддерли вы навестите и нас?

– Буду счастлива, миледи, – пропела матушка и бросила на Айлин обеспокоенный, но совсем не гневный взгляд. – Мы с мужем только недавно начали выезжать. Его ранение...

– Да-да, – кивнула леди Аранвен и одарила отца Айлин внимательным взглядом темно-серых глаз, в точности таких, как у лорда-канцлера и Дарры. – Ваш муж – настоящий герой, и я уверена, что его величество по достоинству оценит заслуги лорда Ревенгара. А это ваш сын? Как похож на отца! Вы счастливица, дорогая.

– Благодарю, миледи, – еще нежнее и звонче пропела матушка, и Айлин увидела, как в ее глазах расцветает счастье. – Артур – наша с мужем надежда. Он так развит для своего возраста!

– Да-да, – снова несколько рассеянно кивнула жена канцлера и протянула подошедшему Артуру для поцелуя холеную руку, почти не выдающую истинный возраст леди Аранвен. Айлин, вежливо уступив брату место, заметила, как блеснул густо-фиолетовый аметист орденового перстня, и снова украдкой покосилась на свой.

– Прошу к столу! – провозгласила леди Эддерли, и улыбающийся магистр, здесь совсем не строгий, а похожий на добродушного пожилого дядюшку, провел всех в трапезную.

Сияние бесчисленных свечей отражалось от драгоценного хрусталя, начищенного серебра и белоснежных накрахмаленных кружевных салфеток и скатерти. У Айлин быстрее забилося сердце: дома она всегда сидела рядом с Артуром, а в гостях – с самыми младшими мальчиками, но здесь...

– Прошу, миледи, – церемонно подвел ее к столу Саймон, по-прежнему выполняя роль кавалера, но глаза у него блеснули весело и озорно.

Айлин села, чинно расправив платье и держа осанку, Артур и Саймон заняли места сбоку от нее. Как же приятно чувствовать себя гостьей!

– О, какие чудесные цветы, – восхитилась матушка, тоже усаживаясь и разглядывая букеты нежно-голубых и розовых незабудок, стоящие у каждого столового прибора. – Работа стихийника?

– Нет-нет, – улыбаясь, покачала головой леди Эддерли, делая знак лакеям, чтобы начали подавать блюда. – Это мое маленькое увлечение. Хотя я и закончила Зеленый факультет, но цветы меня любят, а я люблю их. Вчера у меня зацвели розы, – добавила она с гордостью.

– Розы на Зимнее Солнцестояние! – ахнула матушка. – Вы чародейка, дорогая леди Мэриан! Айлин, попроси леди Эддерли показать тебе это чудо!

– Да, матушка, – послушно кивнула Айлин.

– Мой дорогой Говард, – продолжила леди Эддерли, глянув на мужа, – ворчит, когда я целые дни провожу в домашней оранжерее, но он и сам постоянно увлечен работой. А Саймон приезжает лишь на вакации. Вот я и занимаюсь растениями...

– А я тебе предлагал, дорогая, закопать в оранжерее парочку моих экспонатов, – невозмутимо парировал магистр, поглаживая коротенькую холеную бородку. – Тогда мы могли бы больше времени проводить друг возле друга, ты бы возилась со своими питомцами, а я – со своими!

– Говард! – возмутилась леди Эддерли и тут же первая заливисто расхохоталась, ничуть не заботясь о том, чтобы смеяться с умеренной вежливостью и выглядеть при этом пристойно и красиво, как вечно напоминала Айлин матушка.

Лорд Эддерли рассмеялся тоже, его поддержал собственный сын, потом – отец Айлин, и даже лорд и леди Аранвен улыбнулись, а следом за ними и матушка позволила себе немного неуверенную улыбку, только Артур сидел прямой и напряженный. Наверное, удивлялся, почему такие безупречно воспитанные лорды и леди допускают подобные нарушения этикета. «Это он еще не представляет, что творится в трапезной Академии», – с легким приятным превосходством подумала Айлин.

Слушая беззаботный смех Саймона, Айлин удивилась, почему к столу не вышел Дарра. Но спрашивать об этом было бы невежливо, ведь остальные могли подумать, что их общество недостаточно желанно. Так что она старалась вести себя прилично и не ерзать, хотя пояс специально сшитого для этого визита платья из тонкой шерсти изумрудного цвета все-таки слишком сильно перетягивал ее под грудью. И прическа непривычная... Косы, которые ей все утро плели и укладывали горничные, оттягивали голову назад, а выпущенные из них прядки лезли в лицо, и матушка хмурилась каждый раз, как видела это.

Но все-таки обед был чудесен! К супу Айлин от волнения едва притронулась, но уже ко второй перемене блюд осмелела и стала пробовать все по очереди, а Саймон не забывал наполнять ее тарелку, без умолку болтая о том, как они с Даррой собираются развлекаться на вакациях. Айлин только завидовала, слушая о катании на санях, новых книгах по некромантии и охоте с борзыми.

– А вы, лорд Артур, что любите? – между делом поинтересовался Саймон у брата, и тот, неловко помедлив, ответил:

– Я... фехтование. Ну и лошадей.

– Прекрасные увлечения, милорд, – равнодушно согласился Саймон и снова повернулся к Айлин. – Предлагаю сбежать. Дарра уже нас ждет, а сладкое я велю подать прямо туда.

– Куда – туда? – ошеломленно спросила Айлин, не веря, что можно взять – и так просто выйти из-за стола, если обед еще не кончился.

– Увидишь, – снова загадочно пообещал Саймон и обратился к лорду Эддерли: – Милорд отец, вы позволите нам с леди Айлин вас оставить? Я бы хотел показать ей дом.

– Конечно, мой мальчик, – благодушно махнул рукой магистр. – Что вам делать с нами, скучными взрослыми? Полагаю, вы с леди Айлин и лордом Артуром найдете более интересные занятия. Только не разнесите дом, в моем возрасте жить в руинах вредно для здоровья.

– Да, милорд отец, – склонил голову Саймон и, бросив на Артура мгновенный тоскливый взгляд, обреченно поинтересовался: – Вы любите некромантию, милорд? У моего отца изумительная коллекция черепов.

– Черепов? – осторожно уточнил Артур, бросая на матушку вопросительный взгляд.

Получив благосклонный кивок, он встал из-за стола и предложил Айлин руку, которую ей пришлось принять, хотя она бы лучше подождала, пока ее пригласит Саймон.

– Ну да, коллекция черепов, – беззаботно подтвердил Саймон и повел их сначала к выходу из столовой, а потом длинными извилистыми коридорами куда-то вглубь дома. – Отец всю жизнь собирает черепа, но не обычные, а принадлежавшие ученым, художникам и литераторам. Эту коллекцию начал еще мой прадед, потом ее пополнял дед, а после отца наверняка придется продолжать мне. Как думаешь, Ревенгар, – обратился он к Айлин, – кто из наших соучеников и преподавателей мог бы стать подходящим экспонатом?

– Даже не знаю... – протянула Айлин. – А разве кто-нибудь согласился бы?

Они прошли малую гостиную, совсем такую, как в доме Ревенгаров, только отделанную не светлыми сосновыми панелями, а темными дубовыми. И вместо охотничьих трофеев на стенах висели картины. Айлин с удовольствием бы их рассмотрела, но нетерпеливый Саймон уже вел их с Артуром дальше.

– Почему нет? – удивился он, распахивая очередную дверь. – Чем гнить в земле или сохнуть в склепе, разве не лучше стоять на полочке в приятной компании? Я имею в виду, если ты череп...

С этой точки зрения Айлин загробную жизнь не рассматривала, но, подумав, согласилась, что это и вправду лучше. Если, конечно, черепам не все равно.

– Черепам, положим, это глубоко безразлично, – бодро отозвался Саймон, указывая рукой на выбеленный и покрытый лаком скелет, стоящий в углу очередной комнаты на подставке, как обычно ставят чучела. – Но бывшие хозяева иногда навещают свои останки. Вот, смотрите, это горный арлезийский лев! Когда мне было пять лет, я его анимировал. Отец был счастлив! Правда, я еще не знал, как накладывать чары подчинения, и ему пришлось побегать за этим красавцем по всему саду.

– Ой... – хихикнула Айлин, представив, как важный магистр, подхватив мантию, ловит львиный скелет. – А почему ты не сделал из него умертвие, как из Пушка?

– Не умел, – с сожалением развел руками Саймон и добавил с некоторой завистью: – Такое умертвие у меня и сейчас вряд ли получится. Я ведь так и не смог сообразить, в чем там секрет, а отец посмеивается и говорит, что в свое время пойму. Ревенгар, ну хоть ты скажи, как ты создала эту зверюгу?! Я тоже хочу! Я бы лошадь сделал... – Он мечтательно зажмурился и расплылся в улыбке. – Или льва...

– Не знаю, – чуть виновато отозвалась Айлин. – Я не помню, правда. Мне в тот день было грустно, и очень хотелось собаку. Свою собственную.

Она покосилась на Артура, и брат ответил ей хмурым взглядом.

– У тебя не было собаки? – поразился Саймон.

– Своей – нет, – с сожалением ответила Айлин. – Только охотничьи, но они на псарне...

И в дом их Айлин брать категорически запрещалось. Даже для Артура матушка не делала в этом исключения, но брат хотя бы мог сколько угодно играть с собаками на заднем дворе и в саду, а леди это, как всегда, не подобает. Это же ужас, сколько всего не подобает леди! Несправедливо! Вот об этом она и думала тем дождливым летним днем, забившись в садовую беседку и истово мечтая, что вот была бы у нее собственная собака! Только не маленькая, как у тетушки Мэйв, а такая, чтоб обнимать ее, запускать руки в шерсть, трепать за холку и гладить морду и уши...

И когда что-то ткнулось ей в руку, замечтавшаяся Айлин не сразу поняла, что собачий нос, примечтавшийся ей и вдруг оказавшийся настоящим, не мягкий, а странно твердый и острый. Опустила глаза – и завизжала на весь сад. Примчавшийся садовник побледнел и выскочил из беседки, крича еще громче и зовя милорда, потом прибежали еще слуги, кто-то позвал отца... Тот появился, бледный, как-то по-особому складывая пальцы – это теперь Айлин знает, что так в ладони формируется Молот Пресветлого.

Отец испугался, что поднятое умертвие может ей чем-то повредить! И готовился ее спасти. Стоило вспомнить об этом, и Айлин даже сейчас залила горячая волна благодарности. Но тогда она сама вскрикнула, прося не трогать Пушка – имя само подвернулось на язык, тоже давно придуманное и бережно лелеемое – а страшное костяное умертвие жалось к ее ногам, опустив к земле морду и виляя непонятно как держащимися суставчиками хвоста. И Айлин точно знала, что ему страшно и непонятно все вокруг. Что это самая настоящая собака, только давным-давно заблудившаяся в смертных тенях и даже не понявшая этого.

Просто однажды молодой веселый пес, старательно охранявший хозяйский сад, учуял чужаков и рванул к ним, будя сторожей звонким лаем, но один из пришельцев взмахнул рукой, и псу стало очень больно, а потом темно и одиноко. И было темно и одиноко очень долго, пока не пришла хозяйка и не разбудила его. Добрая хозяйка, хорошая! Но почему все так кричат и ругаются, ведь он всегда был послушной собакой...

Вот это Айлин, торопясь и путаясь в словах, пыталась объяснить отцу, а тот слушал, сначала хмурясь и недоверчиво присматриваясь к Пушку, потом махнул рукой и велел запереть пока «это чудище» в каретном сарае и вызвать из города некроманта. Потом о чем-то долго говорил с матушкой, и вместо некроманта приехал мэтр Бреннан, а потом...

Что было потом, она рассказывать не стала, потому что рядом с ними шел Артур, но Саймон, стрельнув на него взглядом, и так что-то понял.

– Надо попробовать с птицами, – задумчиво сказал он, ведя их уже по галерее второго этажа, длинной, огибающей всю заднюю часть особняка. – Я бы хотел такого ворона, а то с собаками слишком много хлопот. Хотя твой Пушок – это... эх...

Он распахнул очередную дверь и провозгласил, пропуская Айлин и Артура в огромную комнату:

– А вот и мы! Дарра, ну скажи, что у тебя все готово!

– Разумеется, готово, – спокойно сказал Дарра, поднимаясь из кресла, стоящего у огромного дубового стола.

Артур поспешно поклонился, шагнул вперед и выпалил:

– Артур, младший лорд Ревенгар, к вашим услугам, милорд.

– Дарра, младший лорд Аранвен, – ответил тот легким изысканным поклоном, и у Айлин на миг замерло сердце.

Если Саймон в нарядном камзоле был похож на праздничное дерево, то при взгляде на Дарру вспоминались легенды о Дивном народе. Высокий, не худой, а именно тонкий, с длинными светло-золотистыми волосами, заплетенными в косу, Дарра словно светился изнутри ровным серебристым сиянием. Может быть, это просто показалось Айлин, ведь на нем тоже был серебристый парчовый камзол гербовых цветов Аранвенов. А может, это из-за бледного лица с чеканным профилем. Или просто так падал свет от нескольких светильников, расставленных на полках. Все стены от потолка до пола в этой комнате занимали высоченные стеллажи, где лампы чередовались с какими-то круглыми светлыми предметами, и Айлин не сразу сообразила, что видит.

Но тут рядом что-то прошипел Артур, нервно втянув воздух, а потом выдохнув его, и Саймон, ухватив ее за руку, подвел Айлин к ближайшим полкам. Черепа! Лишенные малейших следов плоти, тщательно вычищенные, светло-желтые, белые, коричневые...

Они казались произведением искусного гончара или резчика по дереву, по-своему прекрасные и совсем не отвратительные. Айлин затаила дыхание и осторожно, с трепетным благоговением коснулась кончиками пальцев прохладной светлой кости, прочитав на подставке черепа надпись: «Маэстро Винченцо Лагеррини».

– Тот самый, что написал «Стансы к Милосердной Красоте», – пояснил Саймон и, слегка смутясь, добавил: – Я не силен в поэзии, но когда слышишь об этом от милорда моего отца несколько лет подряд!

– Можно подумать, в любви к поэзии есть что-то недостойное, – с едва неуловимым то ли неодобрением, то ли обидой сказал Дарра, подходя к ним. – Но стихи Лагеррини – это далеко не лучший выбор для знакомства с классической итлийской поэзией. Я бы посоветовал...

– Ну началось! – фыркнул Саймон. – Дарра, пощади нашу милую Айлин. Я вообще не читал клятые стансы, зато как ругался этот самый мастер Лагеррини, когда отец призывал его дух в последний раз. Он, видите ли, узнал, что его перевели на дорвенантский, но как-то не так! Поэт, а я таких словечек не слышал даже на бедняцком кладбище!

– А зачем твой отец призывал его? – поразилась Айлин, отдергивая руку от черепа, словно дух итлийского литератора мог прямо сейчас вернуться в него и выказать неудовольствие такой фамильярностью.

– Ему нравится беседовать с поэтами, – пожал плечами Саймон. – Да и они не против. Мне кажется, им приятно, что о них помнят. А уж если попадется ценитель вроде моего батюшки! О, какие у них тут иногда разгораются диспуты!

Айлин, словно замороженная, шла мимо полок, читая незнакомые и иногда отзывающиеся смутным узнаванием имена. Артур так и замер у стола, глядя то на нее, то на обоих некромантов, но не говоря ни слова.

– Вам нравится поэзия, милорд Ревенгар? – учтиво спросил его Дарра, и брат что-то промямлил в ответ, хотя Айлин точно знала, что поэзию он не любит.

– Насмотрелась? – весело спросил Саймон, когда она обошла немалую комнату по кругу и вернулась к тому же самому столу. – А теперь займемся кое-чем повеселей. Дарра, все готово?

– Саймон, я уже говорил, что да, – терпеливо напомнил Аранвен. – Леди Айлин, мы с лордом Эддерли взяли на себя смелость приготовить вам небольшой праздничный сюрприз. Извольте пройти к окну.

Айлин, чуть не подпрыгивая от нетерпения, подошла к окну, и Саймон раздвинул перед ней тяжелые темные шторы. Снаружи уже совсем стемнело, хотя в саду, окружающем особняк, светились огни. Артур встал рядом, как и Саймон, а Дарра почему-то отошел к другому окну и раскрыл его. Волна холодного воздуха прокатилась по комнате, но Саймон что-то шепнул, щелкнул пальцами, и их троих окружил купол магической защиты. Айлин оглянулась туда, где блестело серебро камзола Дарры, но Саймон запротестовал:

– Смотри, Ревенгар! Дарра, ну что ты там возишься!

Аранвен ничего не ответил, но с его стороны что-то щелкнуло, зашипело, и перед окнами особняка распустился огромный огненный цветок. Ало-зеленый, он горел, переливался и раскрывался, как живой, пылающими струями. Айлин услышала странный звук и поняла, что это она взвизгнула от восторга.

– Настоящий чинский фейерверк! – провозгласил жутко довольный Саймон. – Даже наши алхимики такого не делают.

Цветок замерцал и погас, но не успела Айлин выдохнуть, как на его месте распустился следующий, золотой, как пламя. И еще один – малиновый, с радужными переливами на концах лепестков... Она смотрела, забыв обо всем на свете, а внизу послышались голоса и смех, это взрослые вышли во двор. Вспышка! И в воздух взлетает огненный фонтан с фиолетовыми, серебряными и алыми струями... Еще! И огромная пламенная птица распускает крылья, вот-вот накроет ими весь сад. Когда на длинном золотом стебле расцвела целая дюжина разноцветных роз, Айлин не выдержала и завизжала снова. Ее переполняло ощущение чуда, огромное, всеобъемлющее, сказочное...

И когда фейерверки закончились, и Саймон утянул ее от окна, она еще жмурилась, пытаясь запомнить, запечатлеть в памяти и увиденное, и почувствованное.

– О, а вот и десерт, – провозгласил Эддерли-младший, алчно глядя на стол, где как по волшебству появились пара блюд с пирожными, вазочки со взбитыми сливками и фруктами, кувшин, источающий аромат шамьета и коробка тех самых, уже знакомых Айлин, конфет. – Как же хорошо дома!

Остаток вечера слился у нее в памяти воедино, как нечто, подобное тому самому фейерверку. Вот они вместе сидят за столом, пробуя все подряд, и Саймон со смехом рассказывает, как в первый вечер после возвращения из Академии объелся сладостями. Оказывается, в доме Эддерли их подают не к столу, а просто по всему особняку стоят вазочки с конфетами и цукатами. «Разве так можно?» – поражалась Айлин. А Дарра уже успел съездить с родителями в театр, посмотреть новую драму мэтра Галиоццо. И «если милая Айлин окажет ему такую честь», он хотел бы пригласить ее на следующее представление...

Потом Саймон взмахнул рукой – и часть светильников погасла, в комнате стало таинственно темно, но не страшно, а весело. Вот еще – бояться в компании двух самых сильных адептов Академии. Ну... фиолетового факультета уж точно. Да и вообще, чего ей бояться? Она сама некромантка!

И когда в темноте послышался шорох, а потом сдавленное ругательство, Айлин героически не вскрикнула! И правильно, потому что никакой это был не призрак, а всего лишь лакей, которого прислали за ними с Артуром. Время ехать домой... Как жаль!

– Я надеюсь, милорд Эддерли и милорд Аранвен, вы удостоите нас ответным визитом, – сказала она, вставая из-за стола и вспоминая о хороших манерах. – Мой брат, – оглянулась она на Артура, – присоединится к приглашению.

– Сочту за честь, – поспешно сказал Артур, кланяясь, и Саймон с Даррой поклонились в ответ.

Обратно они спускались молча. Айлин почему-то не хотелось говорить, она как-то сразу сильно устала. Оказывается, от огромной радости и веселья устаешь не меньше, чем от занятий. Домой! Добраться до спальни, умыться, погладить Пушка, которому в его новом облике разрешено спать под ее кроватью... И, может быть, немного помечтать о следующей встрече с друзьями.

Внизу, в холле, матушке и отцу уже подавали плащи. Леди и лорд Аранвен тоже собирались домой, но Дарра, как поняла Айлин, оставался гостить у Саймона.

– Так помните, моя дорогая, – приветливо сказала матушке леди Аранвен. – Мы ждем вас сразу после Солнцестояния. У вас очаровательная дочь, – улыбнулась она, показав

взглядом на Айлин. – Очень, очень мила. И... – Она чуть запнулась, посмотрев на Артура, но тут же добавила: – Прекрасно воспитанный сын.

– Ждем вас всей семьей, – добавил лорд-канцлер, и на щеках матушки расплел румянец гордости, а отец, покрасневший после обеда и фраганского вина, громко заверил, что непременно, сразу после праздников!

По пути домой Айлин едва не уснула. Матушка с отцом о чем-то тихо разговаривали, их речь звучала так мирно и ласково, что Айлин пригелась в лучах этого спокойствия и благополучия, завернулась в плащ и полугрезилась-полудремала, пока экипаж не остановился во дворе особняка Ревенгаров. Пока матушка с отцом о чем-то говорили во дворе, Айлин шмыгнула в дом и в холле сбросила плащ подбежавшей горничной. Вошла в малую гостиную, выглядывая Пушка и удивляясь, что тот не выбежал ее встречать, а потом обернулась – и наткнулась на мрачный взгляд Артура.

– Сестра, мне не нравится, как ты себя вела с этими юношами! – заявил он, глядя на нее точь-в-точь как матушка. – Они, конечно, лорды, но как-то странно воспитаны и слишком много себе позволяют. Особенно лорд Саймон.

– Что? – поразились Айлин, от возмущения разом проснувшись. – С чего ты взял? Саймон учтив! Он просто... просто...

– Просто играет с тобой, как с дрессированной собачкой, – гадко съязвил Артур. – Ревенгар – то, Ревенгар – это! С леди так не разговаривают! А ты и рада! Смотришь на него, как... мне сказать стыдно.

На его щеках цвели алые пятна гнева, и Айлин поняла, что брат действительно зол и разочарован. Но она разве виновата, что ему было неинтересно?

– Саймон ничем меня не оскорбил, – сказала она твердо. – Ты же сам там был и все видел!

– Ничем? – возмутился Артур. – Да брось он тебе палку – и ты бы за ней побежала!

– О, так ты обиделся, что палку не бросили тебе? – сорвалось у Айлин с губ.

Хлоп! Щеку обожгло – Айлин, не веря, поднесла к ней ладонь. Артур вскинул голову, глядя зло и презрительно. Он дал ей... пощечину? Ей? Леди? Ревенгар?!

Алая волна, взметнувшись ввысь, затмила взор. Плеснула наружу, и Айлин, в последний миг ужаснувшись, попыталась втянуть ее обратно, но смогла лишь смягчить удар. Нет! Она не может! Только не Молотом!

В глазах медленно прояснялось. Она потрясла головой, со страхом посмотрела на свои раскрытые ладони... на брата... Артур, толчком Силы отброшенный на подушки, был мучнисто бледен, только щеки до сих пор краснели. Он открыл рот, не издав ни звука, только глянул на Айлин, и в глазах брата она увидела страх. Нет, ужас! И отвращение. – Артур, дорогой? Айлин? Что... что здесь происходит?!

Айлин невольно отступила на шаг от матушки, остановившейся в дверях.

– Артур?! Мальчик мой!

– Ми... – Артур закашлялся, приподнялся, выбираясь из подушек, и взглядом указал на Айлин, с трудом проговорив. – Ми...леди... она... меня... ударила. Ма...гией.

– Что?! – выдохнула матушка, поворачиваясь к Айлин. – Ты... ты... как ты посмела, дрянь?! Дориан! Дориан, ради Благих! Позовите целителя! Целителя сюда! Скорее!

– Что здесь происходит?

В голосе отца слышалось пока еще только удивление, но вот он увидел Артура и стремительно подошел к нему.

– Сын? Ну-ка, посмотри на меня. Вдохни поглубже. Больно?

– Н-нет... – неуверенно отозвался Артур, выбираясь из подушек. – Но она меня ударила!

– Просто так? – нахмурился отец и обернулся на Айлин, онемевшую от ужаса и, одновременно, от облегчения.

Она не убила брата! Не сорвалась, как тот юный некромант, о котором рассказывал лорд Бастельеро!

– Какая разница?! – перебила матушка, подбегая к Артуру. – Мальчик мой... Да позовите же лекаря! Дориан!

– Тише, Гвен.

Отец снова повернулся к бледному Артуру, поднял его подбородок пальцами, заглянул в глаза, и Айлин вспомнила целителя, который точно так же осматривал Саймона.

– Голова кружится? – спросил он удивительно спокойным голосом, показывая поднятый палец. – Тошнит? Сколько пальцев ты видишь?

– Один... – так же неуверенно сказал Артур.

– Не надо целителя, Гвен, – повернулся отец к матушке. – С Артуром все хорошо. Ребра целы, сотрясения нет. А теперь я хочу знать, что случилось.

– И ты еще спрашиваешь? Эта ненормальная напала на нашего ребенка! Твоего сына! Голос матушки звенел от напряжения, она сцепила руки перед собой, переводя взгляд то на Артура, то на отца, но избегая встречаться глазами с Айлин.

– Моего сына? А она кто? Не наша с тобой дочь? – рявкнул отец. – Хватит, Гвен, я устал от всего этого. Будь любезна, оставь нас. Пойди отдохни.

– Как... оставить? – Матушка подняла руку, прикрывая губы, и воззрилась на него с ужасом. – Но я...

– Ты полагаешь, я сам не в состоянии разобраться в детской ссоре? Поговорить со своими детьми? – От металлических ноток в его голосе у Айлин по спине пробежал мороз. – Иди к себе, Гвен, не заставляй меня повторять это снова.

– Я... Конечно, Дориан, конечно! Я только хотела... Ты уверен, что с мальчиком все в порядке?

– Я это уже сказал. Гвен, он просто упал в подушки. Ради Пресветлого, женщина, кого ты мне растила все эти годы?! Ты уверена, что моих детей не перепутали при рождении, и штаны двенадцать лет носил тот, кому они положены?

– Как ты можешь?! – вскрикнула матушка и выскочила вон, всхлипывая на бегу.

– Так. А теперь поговорим. Артур, я хочу знать все с самого начала.

Встав, он скрестил руки на груди, обвел взглядом их обоих, и Айлин закусил губу.

Неужели отец встанет на сторону Артура? Ведь он же не может? Или...

– Да, милорд, – выдохнул брат и посмотрел на Айлин. – Я виноват. Мне не следовало... Но она сама напросилась! Я просто...

Вспыхнув, Айлин шагнула ближе, собираясь перебить, но отец нахмурился и сделал ей знак молчать. Артур сбивчиво говорил, выплескивая все, что до этого сказал ей, но теперь это звучало иначе. И Айлин вдруг поняла, что... не так уж он и неправ. Обида все еще жгла ей сердце, такая горькая, что на глаза навернулись слезы, но она стиснула зубы и сильнее выпрямилась, как на уроке фехтования, слушая, как Артур, оказывается, испугался за ее честь.

Она позволила чужому молодому человеку фамильярно обращаться к себе по родовому имени! А лорд Аранвен вообще назвал ее «милая Айлин» и пригласил в театр, хотя должен был сначала спросить разрешения у ее родителей! И смеялась она вульгарно и слишком громко, забыв о хороших манерах! Не сделала ни одного реверанса при разговоре! А темнота в комнате! А то, что лорд Эддерли подошел к Айлин у окна совсем вплотную, хотя по этикету не должен был приближаться ближе двух шагов?

– Он просто накрыл нас куполом от холода! – не выдержала Айлин. – Всех троих, между прочим, ты же рядом стоял!

– Ну так должен был кто-то встать между вами! – отчаянно звонким голосом ответил Артур. – Или ты опять скажешь, что это орденский этикет?!

– Достаточно, я понял, – прервал их обоих отец. – Артур, если поведение юных лордов... вызывало сомнение, почему ты просто не увел оттуда сестру?

– Потому что... – Брат густо покраснел еще сильнее, залившись краской от корней волос до шеи. – Они не делали ничего совсем неприличного. А если бы я заставил ее уйти, это выглядело бы так, словно что-то было. И я подумал... Что если скажу ей потом, дома, она все поймет и больше не будет себя так вести. И матушка не станет на нее злиться. Отец, я... я просто хотел, чтоб она не испортила себе репутацию! Я же ее брат, я должен был за этим следить!

– Это бесспорно, – согласился отец и повернулся к Айлин: – А ты что скажешь? Артур прав?

Айлин стояла, сгорая от стыда. Теперь, когда пьянящее очарование свободы сошло на нет, она посмотрела на себя со стороны и... Ведь Артур в самом деле не знал, что все ученики лорда Бастельеро поклялись в дружбе и стали названными братьями, а она – их названной сестрой. Да и вряд ли это имеет важное значение для этикета. Саймон и Дарра не хотели

ничего плохого, они просто привыкли обращаться с ней как с сестрой, но... если бы кто-то из взрослых это увидел... Ой, что было бы! А не пойдешь с ней Артур? Молчаливое неодобрение брата чуть не испортило ей весь вечер, но она же не могла остаться с двумя взрослыми дворянами без сопровождения! Это не Академия! И даже там приличия соблюдаются, хоть и не так строго. А она...

– Он... прав... – выдавила Айлин, но тут же поднесла ладонь к щеке, до сих пор горячей не только от смущения. – Я... забылась. Мы не делали ничего непристойного, милорд отец! Я... Я клянусь милостью Претемной и Пресветлого! Но...

– Но матушка бы этого не одобрила, так? – подсказал отец, и Айлин кивнула, опустив глаза. Потом снова вскинула взгляд и выдохнула: – Я не хотела! Я просто... Да, я надерзила Артуру. – Она покосилась на брата. – Но он меня ударил!

– Не ударил, а дал пощечину, – хмуро поправил Артур. – Айлин, я... тоже не хотел. Я испугался, а ты...

– Ты дал пощечину? – уточнил отец странно изменившимся голосом. – Боевому магу?

– Она моя сестра! – возмутился Артур. – Она должна была слушаться! Хотя бы извини...

– Молчать! – рявкнул отец. – Болван! Да ты хоть понимаешь, как тебе повезло? Ударить мага! Адепта, который еще не владеет собой! А если бы она тебе снесла голову в ответ? Артур, нельзя же быть настолько безмозглым! Она не просто твоя сестра, она магесса-боевик, и ее каждый день учат отвечать ударом на удар, а лучше с упреждением! Благие Семеро, да если бы мне на первом курсе дали пощечину, я бы в ответ запустил Молотом Пресветлого! Причем не понимая, что делаю! Потому что боевого мага тренируют сначала бить противника, а потом думать. Иначе подумать можно и не успеть. Айлин, ты ударила его заклятием? – повернулся он к ней.

– Нет! – замотала Айлин головой так сильно, что косы, уложенные в прическу еще утром, упали ей на плечи, теряя шпильки. – Я толкнула силой. Нечаянно!

– И хвала Пресветлому. – Отец снова глянул на Артура. – При следующей встрече можешь спросить у юного лорда Эддерли, чего ему стоил поединок с твоей сестрой. Учебный поединок! Его она отправила не в подушки, как тебя, а в лазарет с переломанными ребрами! Несмотря на щиты, между прочим. И именно поэтому он имеет право называть ее Ревенгар! – Отец хмыкнул, успокаиваясь, и добавил: – Ты еще поймешь, мой мальчик, что фамильярность – это не всегда неуважение. Иногда совсем наоборот. Когда твой противник помнит твое имя, но не держит зла, это дорогого стоит. Ну все, помиритесь и забудьте сегодняшнюю ссору. С вашей матерью я сам поговорю, а для вас, надеюсь, это будет уроком. Для обоих!

Артур кивнул, не пытаясь встать, и Айлин присела в реверансе, желая только, чтобы закончилась эта мучительная сцена и можно было уйти к себе. Снять слишком тугое платье, расчесаться, погладить Пушка... наверное, он ждет ее в комнате! Да, с Артуром она помиритесь, раз уж он извинился. И она ведь тоже была права... Но если бы только матушка беспокоилась и за нее хоть немного! «Ненормальная! – звучало у Айлин в ушах. – Напала на нашего сына...» Почему она всегда на стороне Артура? И никогда не замечает, как Айлин старается вести себя хорошо... Разве это справедливо?

Глава 9. Кошмары во сне и наяву

Утро оказалось недоброе. Во дворе закукарекал охотничий рожок, ему ответил другой, третий, и Айлин зажала уши ладонями. Зажмурилась. Голова болела так, словно кто-то пытался достать из нее череп и для этого распиливал его на мелкие-премелкие кусочки. Может быть, это из-за вчерашнего?

Или из-за сна? Гадкого, тяжелого, отвратительного сна, который снился уже которую ночь подряд, никак не хотел заканчиваться, зато оставлял в душе горькую тревожную муку. Может быть, если удастся его все-таки вспомнить, головная боль пройдет и кошмар перестанет сниться?

– Миледи, прошу вас, посидите спокойно еще минуту! – со спокойной строгостью молвила матушкина камеристка, заплетая Айлин вторую косу.

Пушок высунул нос из-под кровати и, убедившись, что хозяйку никто не обижает, снова спрятался. Айлин виновато покосилась туда, думая, как объяснить отцу, что его любимое чучело медведя, стоящее в библиотеке, лишилось задней лапы. Вообще-то, Пушок попытался уволочь чучело целиком, но оно оказалось слишком хорошо закреплено на подставке, и ему пришлось удовольствоваться трофеем, который он и попытался гордо преподнести Айлин. От лапы она отказалась, и Пушок уволок ее обратно под кровать.

– Простите, Мод, – пристыженно вздохнула Айлин, опуская руки и усилием воли заставляя себя не двигаться.

И все-таки, что же ей снилось?..

Во дворе загомонили, загудели мужские голоса, среди которых Айлин отчетливо расслышала отцовский:

– Моя любимая супруга Гвенивер! Гвенивер, это мои боевые товарищи! Наш сын Артур и... Гвен? Дорогая, где же Айлин?

Что ответила матушка, Айлин не расслышала, все ее существо затопила горячая волна: отец хочет представить ее своим друзьям, настоящим боевым магам, цвету Красного факультета! Сейчас она как никогда гордилась, что ее искра еще и красная!

Мод воткнула последнюю шпильку, отступила в сторону, присев в реверансе, и Айлин вскочила с табурета. Скорее, скорее вниз, пока отец не рассердился, что ее нет... или пока не уехал на охоту, не попрощавшись с ней!

– Прекрасная прическа, благодарю вас, Мод! – выпалила она, в последний момент вспомнив о том, что настоящая леди никогда не забывает поблагодарить за услугу. Даже если очень торопится!

Она выбежала во двор как раз, когда ворота снова распахнулись, пропуская прекрасно знакомый Айлин экипаж без гербов. Во дворе стало еще теснее и оживленнее: кони друзей отца принялись проявлять явный, хотя и чрезвычайно вежливый интерес к кобылкам тетушки Элоизы. Айлин замерла на месте, не зная, что же делать: подойти к отцу для знакомства с его друзьями – или подбежать к экипажу, чтобы поприветствовать тетушку? Отец решил за нее. Обернувшись на стук ее башмачков, он ласково улыбнулся и протянул руку.

– Доброе утро, милая! Прошу прощения, господа, сейчас я вас представляю, только поприветствуем родственницу.

Чинно, как подобает истинной леди, на которую смотрит добрый десяток лордов, Айлин подошла к родителям и встала рядом с Артуром. Брат покосился на нее настороженно, но ничего не сказал, и Айлин, снова со стыдом вспомнив вчерашнее, этому от души порадовалась.

Кучер тети Элоизы соскочил на землю, распахнул дверцу кареты, и отец, шагнув вперед, помог тетушке выйти из кареты.

– Рад приветствовать в нашем доме, дорогая сестрица! – ласково улыбнулся он. – Надеюсь, вы задержитесь до Солнцестояния?

«Как странно! – подумала Айлин. – Всех сестер матушки отец зовет «миледи». Кроме тети Элоизы! Тетушку он всегда зовет сестрой... Впрочем, наверное, это неудивительно, ведь тетушка Элоиза такая замечательная!»

– Благодарю, милорд братец, – улыбнулась тетушка в ответ. – Определенно задержусь. Я так давно не видела сестру и племянников! Гвен, дорогая, прекрасно выглядишь.

– И я рада видеть мою дорогую сестру, – мило улыбнулась матушка, но глаза у нее на миг стали колючими.

Айлин поспешно отвела взгляд – наверняка ей просто показалось! Но все-таки лучше посмотреть на что-нибудь другое! Например, как один из бывших сослуживцев отца, невысокий изящный лорд, чем-то похожий на мэтра Бастельеро, только смугловатый и с голубыми, а не синими глазами, уставился на тетушку Элоизу так восхищенно, как... как Саймон – на конфету!

Ну и правильно! Тетушка, может быть, и не самая красивая из сестер матушки, зато самая добрая – это уж точно! И одевается изысканно, по последней фраганской моде, как шепчутся кузины, дочери тети Мэив. А уж разрумянившаяся от мороза, в синем бархатном плаще, так идущем к ее глазам и золотистым косам – и вовсе изумительна!

– Позвольте представить, господа, – чуть повысил голос отец, тоже, очевидно, заметив взгляд боевого товарища. – Сестра моей возлюбленной супруги, госпожа Элоиза Арментрот! Но-но, нечего так смотреть, Кастельмаро, моя дорогая сестра замужем, и ее муж – достойный человек, хоть и не вызовет тебя на дуэль! – добавил он, усмехаясь. – Я сам вызову на дуэль кого угодно за одну улыбку госпожи Элоизы! – воскликнул голубоглазый лорд Кастельмаро так пылко, что Айлин снова вспомнился Саймон и конфеты.

Тетушка иронично улыbnулась, но ничего не сказала, а отец взял Айлин за руку.

– Моя дочь Айлин. Двойная звезда, – добавил он негромко, но так веско, что Айлин почти кожей почувствовала, как взгляды всех собравшихся устремились на нее. – И гордость Красного факультета! Милая, это мои, – а в будущем, надеюсь, и твои – братья по Ордену и дару. Лорд Кастельмаро, лорд Брайнон, лорд Дортмундер...

– Очарован, – улыbnулся лорд Дортмундер и протянул Айлин руку совсем как Дарра! В его лице Айлин померещилось что-то знакомое, она всмотрелась, желая понять, что именно, и почти утихшая головная боль вдруг вспыхнула снова, так сильно, что Айлин едва удержалась от вскрика. А через мгновение кошмар, так долго не вспоминавшийся, вдруг взглянул на нее из серых глаз лорда Дортмундера.

Ледяной ветер, колючий снег в лицо, желтые глаза волков, взлетающий к небу вой.

Боль! Дикая, невыносимая боль!

Кровь, везде кровь: на снегу, на темном шерстяном плаще...

Страшный надрывный крик...

– Айлин! Айлин, милая, очнись!.. – услышала она из дальнего, непредставимого далека, и что было сил рванулась на этот тревожный, родной и любимый голос.

Увидела глаза отца – внимательные и обеспокоенные, лица его сослуживцев – смущенные и напряженные, как будто лорды увидели что-то личное и не совсем пристойное, и поняла, наконец, что кричала она сама. Ох, Претемная, какой позор! Страшно и представить, что о ней подумали... но пусть думают, что хотят, важно совсем не это!

– Милорд папенька! – выпалила она, цепляясь за рукав отца так, что заболели пальцы. – Не уезжайте! Пожалуйста! Вам нельзя! Нельзя на охоту, пожалуйста, отмените ее! Прошу вас! Или... – Внезапная мысль показалась безумной, и матушка, наверное, будет браниться, но пусть, пусть! – ...Или возьмите меня с собой! Нас, – поспешно поправились она, бросив взгляд на Артура. – Нас возьмите! Я... Мы умеем ездить верхом и совсем не будем вам в тягость!

– Милая... – произнес отец так растерянно, что Айлин почти поверила, что он прислушается.

И услышала тихие смешки за его спиной. Лицо отца окаменело, но голос остался по-прежнему ласковым:

– Милая, я не могу отменить охоту. Будь умницей и не плачь. Я вернусь через два дня и привезу тебе самую лучшую шкуру. Можешь ее анимировать, пусть у Пушка будет товарищ для игр...

– Папенька! – перебила Айлин вне себя от отчаяния. – Я... прошу вас, я видела сон! С начала вакаций, каждый день, я только не могла вспомнить, но сейчас...

– Айлин, прекрати немедленно, – тихо и холодно велела матушка. – Кажется, вчера ты и так привлекла к себе все возможное внимание, чтобы устраивать представление еще и сегодня? От незаслуженной обиды у Айлин загорелись щеки. Она ведь вовсе не хотела привлекать ничье внимание, но сон... Отец нахмурился и впервые взглянул на матушку холодно.

– Помолчи, Гвен, – бросил он сухо и снова взглянул на Айлин. Погладил ее по волосам. – Так тебе снился сон, милая? И несколько раз?

Айлин, не в силах сказать больше ни слова, закивала и еще крепче вцепилась в его рукав. Отец явно колебался, переводил взгляд с Айлин на матушку, на Артура, на прикусившую губу тетю Элоизу, на бывших сослуживцев – те изо всех сил пытались спрятать улыбки, разве что лорд Кастельмаро смотрел серьезно и обеспокоенно...

– Я не могу отменить охоту, – сказал отец после долгой-долгой тишины. – Но обещаю тебе, милая, эта охота будет последней. Больше никаких поездок, клянусь.

Айлин потерянно кивнула, понимая, что большего она не добьется. Только не сейчас, когда отец больше всего боится насмешек других магов.

– Все будет хорошо, – ободряюще шепнул отец, наклонившись к ней. – Я скоро вернусь и привезу тебе шкуру, как обещал. А ты пообещай, что будешь меня встречать, хорошо?

– Обещаю, милорд, – послушно откликнулась Айлин и едва не вскрикнула от неожиданности, когда отец подхватил ее и обнял, прижав к себе так крепко, словно не хотел отпускать.

– Я люблю тебя, милая, – сказал он тихо. – Ты – моя гордость. Ты – Ревенгар. Всегда, что бы ни случилось, помни об этом. А теперь пожелай мне удачи. Когда я вернусь, я хочу видеть твою улыбку!

* * *

Адрес адепта Морстена звучал так, что, узнав его у секретаря Эддерли, по счастью, должного дежурить в течение всех вакаций, Грегор заподозрил, будто над ним издеваются. Возможно, у пожилого мэтра – ведь он, кажется, лет на десять старше магистра Эддерли – просто началось старческое слабоумие?

– Северная окраина, мэтр Тернер?.. – переспросил он, истово надеясь, что секретарь вот-вот скрипуче хихикнет, радуясь доверчивости «юного коллеги», и назовет настоящий адрес. Ну хотя бы относительно настоящий, а не это... это...

– Северная окраина, третья улица налево от трактира «Старый Мельник», дом с зеленым забором по правой стороне, – размеренно повторил секретарь, бросив внимательный взгляд в лежащий перед ним журнал, а затем подняв его на Грегора. – Очень, очень достойное желание – навестить ученика во время вакаций, если позволите заметить, мэтр Бастельеро. Разрешите дать вам совет? Исключительно в знак уважения, разумеется?

– Буду рад, – обреченно согласился Грегор, не найдя в ясных по-молодому глазах мэтра Тернера ни единого намека ни на издевку, ни тем более на слабоумие и вынужденно примиряясь с адресом Морстена.

– Возьмите для поездки наемный экипаж. Ваш собственный, боюсь, вызовет среди местных... жителей... излишнее любопытство.

«Иными словами, местное отребье немедленно попытается ограбить или убить безоружного на первый взгляд лорда, – подытожил Грегор. – Сушая мелочь, разумеется, и тот, кто не узнает некроманта, сам виноват, но зачем тратить время еще и на это?»

– Благодарю за совет. Непременно им воспользуюсь, – пообещал он.

Экипажи Грегор недолюбливал в принципе, искренне полагая верховую езду единственно достойным, если не считать порталов, способом передвижения дворянина и офицера. Тем не менее пользоваться каретой, хоть бы и по особым случаям (как, скажем, с умертвием адепки Ревенгар) ему порой приходилось – и каждый раз такая поездка портила настроение быстрее и надежнее, чем переговоры с фраганскими парламентарями.

И это если речь шла об изначально прекрасном расположении духа и собственной карете, а не наемном экипаже, как сейчас! И какой только мерзавец придумал эти короба на колесах?

– Куда ехать прикажете, ваша мажеская светлость? – так жизнерадостно спросил возчик, что Грегор чуть ему не позавидовал.

Сам он чувствовал себя нехоти разбуженным умертвием, голодным, усталым и исключительно недружелюбным ко всем, кому не повезет с ним столкнуться. Вакации, называется! Даже выспаться толком не удалось еще ни разу, а уж про конные прогулки и вовсе пришлось забыть!

– К трактиру «Старый мельник», – уронил он вслух.

Простоватое лицо возчика сложилось в какую-то странную гримасу, словно у него разом заболели все зубы.

– В чем дело, любезный? – нетерпеливо поинтересовался Грегор. – Вам не знакомо это место? Или вы не желаете заработать?

– Отчего ж не желать, ваша мажеская светлость! – заторопился возчик. – И все трактиры в городе знаю. Вот в благородном квартале, скажем, «Королевский кот» имеется, «Золотая Шпора», опять же, ее господа лейб-гвардия сильно уважают, в купеческом – «Волшебный гусь». У магов вот «Дымная фляга» еще, ее господа алхимики держат. А «Мельника» во всей Дорвенне нет! Ни старого, ни молодого – никакого!

«Что за чушь? Или этот щенок предоставил секретарю заведомо ложный адрес? – едва не вырвалось у Грегора. – Но не мог же он быть так глуп, чтобы не подумать о возможной

проверке... или мог? Если вдуматься, то кому пришло бы в голову разыскивать ничем не выдающегося адепта?»

– «Старый Мельник», трактир на северной окраине, – повторил он вслух с мрачной безнадежностью, и возчик вдруг просиял.

– А, так вы о «Висельнике» говорить изволите! Ну точно, хозяин-то у него, говорят, из этих... может, и мельников, кто его знает! Садитесь, ваша милость, не сомневайтесь, вихрем домчу!

Грегор с изрядным сомнением посмотрел на пожилую лошадку, правда, лоснящуюся и довольную жизнью, но тратить время на поиски другого возчика считал глупостью.

Да и недоразумение с названием трактира неожиданно подняло ему настроение, напомнив о собственных ученических годах. Тогда от проделок адептов регулярно страдала упомянутая возчиком «Дымная Фляга» – единственный трактир поблизости от Академии, посещать который адептам было, разумеется, категорически запрещено. Но именно из-за строгости запрета «Фляга» притягивала юных магов, как блюдо с медом – ос. Там искали вызова охочие до дуэлей боевики из компании Дориана Ревенгара, практиковались целители, зарабатывали иллюзорники... Туда приглашали на свидание девиц-адепток, и обыкновенно после вечера во «Фляге» юнцов ожидало распахнутое настёжь – или слегка приоткрытое, в зависимости от времени года – окошко девичьего крыла.

А чтобы преподаватели не догадались, куда это к вечеру направляется компания адептов, название трактира в любом разговоре менялось до полной неузнаваемости. Боевики, к примеру, обзывали «Флягу» «Бездонной бочкой», алхимики и артефакторы без затей – «Алхимией», некроманты – «Погребком». Иллюзорники, как помнилось Грегору, изобрели нечто вовсе несусветное – «Утонувшая Истина»... «И ведь думали, что дежурный мэтр и не подозревает о наших хитростях! – усмехнулся про себя Грегор. – Надо же было быть такими самоуверенными болванами!»

Не иначе, с «Мельником-Висельником» та же история.

Экипаж, к немалому удивлению Грегора, оказался неожиданно удобным – или же за эти дни он утомился больше, чем думал сам? «Какая, впрочем, разница?» – подумал он и прикрыл глаза. На минуту, не больше! Он всего лишь минуту отдохнет...

... – Приехали, ваша светлость! – окликнул возчик, и Грегор вскинулся на узком сиденье. «Уснул! Поехал допрашивать вероятного барготопоклонника – и уснул в дороге! Узнал бы кто – вот был бы позор на всю столицу!»

Впрочем, даже короткий сон освежил и прояснил мысли. Мысленно пообещав себе завтра же устроить выходной – настоящий, как положено мэтру-преподавателю во время праздников! – Грегор распахнул дверцу экипажа...

...И невольно выругался: в такой непролазной грязи увязали колеса. Пожалуй, назвать это бурое вязкое зловонное месиво «грязью», значило незаслуженно оскорбить последнюю. Тут что, помои прямо на дорогу выплескивают? Или еще что похуже? Да в любом наскоро разбитом солдатском лагере куда чище и приятнее глазу!

Видят Семеро, Грегор понимал и не осудил бы честную бедность. Кто угодно может оказаться в стесненных обстоятельствах, Вэйд Девериан тому пример! Но люди, согласные жить в подобной грязи, – да можно ли вообще считать их людьми в полном смысле слова? Уж для того, чтобы выкопать и закопать выгребную яму, не нужны ни деньги, ни магия, и если местные жители предпочитают выплескивать помои на улицу, это говорит о них яснее и красноречивее любых слов.

Трактир изрядно напоминал разбойничий притон: одноэтажная хибара, крытая соломой, с низкими окнами, затянутыми... бычьим пузырем, что ли? Вместо вывески над входом болтался подвешенный на длинной веревке пузатый мешок, и в самом деле похожий на удушливого. Так вот откуда такая разница названий...

– Ваша мажеская светлость, – окликнул извозчик, то ли впечатленный руганью приличного с виду клиента, то ли уstraшенный местными красотами. – Ежели вам не сам трактир нужен, а дом какой, так вы скажите, я вас до самого порога довезу! А то ведь утопнете, или еще что похуже случится!

– Третья улица налево, дом с зеленым забором по правой стороне, – с невольной благодарностью ответил Грегор, закрывая дверцу.

Конечно, армейским сапогам грязь не навредит, даже такая мерзкая, но и пешие прогулки по здешним трющобам – вовсе не то удовольствие, которое хочется растянуть подольше! Экипаж снова тронулся с места, не так быстро, как хотелось бы, но и не так медленно, как мог бы, и Грегор выглянул в окошко, сам не зная, что он хочет увидеть?

По обе стороны улицы вкривь и вкось стояли убогие домишки. Не падали они, кажется, только потому, что подпирали друга друга – дважды Грегор увидел домики с одной общей стеной. Пожалуй, на их фоне пресловутый «Мельник» – «Висельник» вполне мог сойти за приличное заведение!

Третья улица налево напоминала нору, причем крысиную, Грегор всерьез усомнился, пройдет ли там экипаж. И если это называется улицей, то каковы же здесь переулки?

– Приехали, ваша светлость! – сообщил возчик через несколько минут, и Грегор, открыв дверцу куда осторожней, чем в первый раз, покинул экипаж.

На этой улице было еще грязнее, чем возле трактира, каким бы невозможным это ни казалось. Сапоги утонули в отвратительном буре месиве почти по голенище, и Грегор поморщился – вот же мерзость...

– Подожди здесь, – велел он извозчику, отдав ему оговоренную плату и прибавив еще сверху. – Скоро назад поедem.

Разумеется, в собственный особняк он без труда построил бы портал, но не сейчас же, когда сам вынес проект об ограничении магических перемещений! И который будет рассмотрен не раньше, чем через две недели, проклятье! Так что извозчик пригодится в любом случае, найдет он мальчишку или нет.

Забор, то есть несколько криво вкопанных и кое-как переплетенных жердин, отделявших двор от дороги, при некоторой фантазии действительно можно было назвать зеленым.

Точнее, гнилостно-болотным, но Грегор не сомневался – именно этот дом ему и нужен.

Хотя бы потому, что у других домов никаких заборов не было вовсе.

Двор был по местным меркам вполне приличным – в пять длинных шагов от скрипучей, болтающейся на заржавевших петлях калитки до крыльца. Почти у самой стены дома торчало из земли изумительно кривое и трухлявое с виду дерево, род которого Грегору не удалось бы определить, даже будь оно покрыто листьями, а не снегом.

«Еще немного, – бесстрастно подумал он, – и корни уйдут под стену, если этого уже не произошло, так что через год-другой здесь будут руины. Впрочем, судя по стволу, не надо ждать и корней, довольно будет одного достаточно ветреного дня – и дерево упадет прямо на крышу. Хозяева, вероятно, будут оплакивать развалины горше, чем собственных детей, и сетовать на немилость Претемнейшей. И это вместо того, чтобы взять топор и срубить злосчастное дерево, как сделал бы любой хороший солдат или маг – да хоть бы и купец! И меня еще будут убеждать, что все люди равны!»

Грегор коротко и требовательно постучал в дверь, выждал не меньше минуты и постучал снова.

На третий раз дверь, протестуя заскрипев, открылась, и Грегора снова окатило тяжелым зловонным духом, пришедшим откуда-то из глубины дома, совершенно неопределимым и более мерзким, чем вонь нечистот на улице. Здесь, по крайней мере, запахи уносил ветер!

Открывшая дверь женщина была, пожалуй, еще не стара, в ее скрученных узлом русых волосах пока не блеснула седина. Но и назвать ее молодой тоже не вышло бы: красное лоснящееся лицо уже пробороzdили первые морщины, а взгляд блеклых выпцветших глаз почему-то напомнил Грегору взгляд старой лошади, давно прожившей свои лучшие годы и уже не ждущей от жизни ни хорошего, ни плохого.

Женщина вытерла руки о засаленный передник, пожевала губами и неожиданно приятным ясным голосом спросила:

– Чего угодно, сударь?

– Мне нужен юноша по фамилии Морстен, – ответил Грегор, не став поправлять женщину. Простолудинка не обязана разбираться в правилах титулования, да и он не учитель этикета. – Он проживает в этом доме, если не ошибаюсь?

Женщина нахмурилась, потерла лоб ладонью, и почти тут же ее глаза прояснились.

– Фамилию запомнила было! Вот ведь совсем негодная память стала, сглазил, что ли, кто? И верно, Морстен. Проживает, а как же. Только сзадy дома – там комната отдельная, и

дверь своя, чтоб через нас, значит, не ходить... Да он наверняка тамочки и сидит, свечки палит.

Женщина покачала головой, не одобряя то ли свечи, то ли то, что юноша семнадцати лет сидит дома, когда на улице едва начинается смеркаться.

«А ведь не только Морстен сейчас дома, – подумал Грегор. – Тут вся улица словно вымерла, да и перед трактиром не было ни души...»

Тяжелая смутная тоска сжала сердце когтистой лапой – и отпустила почти тут же, но Грегор слишком хорошо знал, что у некромантов почти не бывает пустых предчувствий, особенно таких сильных!

– Где вход? – коротко спросил он, от души надеясь, что хозяйке не придет в голову выспрашивать, кто он такой, почему интересуется ее жильцом и по какому праву врывается в честный дом!

– Вон тамочки по тропке грушу обойдете и сразу дверь увидите, – охотно откликнулась женщина и вдруг, прервавшись на полуслове, принялась принимать к сочащемуся из глубины дома гнусному запаху столь сосредоточенно, что Грегора едва не замутило.

– Рубец варю, – объяснила она с такой торжественностью, словно речь шла о королевском пире. – Повезло, сторговала сегодня у мясника, а он мне еще в придачу шкуры свиной положил, настоящий праздничный суп будет! Вы, сударь, сами-то вход найдете? Я б вас и проводила, да боюсь, рубец пригорит...

– Не стоит, – уронил Грегор, поспешно спускаясь с крыльца.

Рубец, значит? Дед, страстный охотник, всегда отдавал потроха собакам, а здесь, изволите видеть, сходит за изысканный деликатес... Он поморщился, обогнул дерево и действительно сразу же увидел второй вход – потемневшая от времени дверь была не заперта и тихонько поскрипывала на ветру.

«Опоздал».

Грегор сам не понял, откуда взялась эта обреченная уверенность, но, перешагнув порог темной – без единой свечи, несмотря на уверения хозяйки – сырой комнатухи размером с каморку для метел, он уже знал, что увидит.

Адепт Морстен лежал навзничь в центре нацарапанной на деревянном полу восьмиконечной звезды вызова. Ученическая мантия, вспоротая на его груди, на мгновение удивила Грегора, виданное ли дело, чтобы адепт на вакациях добровольно продолжал носить форму? Возможно, это была его единственная пристойная одежда?

Грегор опустился на колено, коснулся длинной – как и в прошлый раз, от горла до паха – раны и яростно выругался: кровь еще не успела запечься, юнца убили совсем недавно, возможно, в тот момент, когда сам Грегор глазел на проклятый трактир, не выходя из экипажа! Сапоги запачкать боялся, бар-р-р-готова мать!

Он прикрыл глаза, отчаянно пытаясь найти хотя бы намек, хоть привкус силы того, кто его опередил. У некроманта-отступника ведь было совсем мало времени, вдруг он не успел замести все следы? Претемная, смилуйся, дай увидеть хоть что-то!

Тщетно. Полная, абсолютная пустота, как и в прошлый раз.

Грегор стиснул зубы. Если ритуал проводил тот же маг – а все указывало именно на это, да и поверить в двух некромантов-предателей Грегор не мог! – то призвать душу мальчишки не выйдет.

Но не попытаться он не мог тоже.

«Приди на мой зов, Шон Морстен».

Он почти почувствовал отклик, позвал снова, вливая в призыв собственную силу – пожалуй, будь это кладбище, а не дом, от такой подпитки поднялось бы не менее десятка упырей – но магия ушла в никуда.

Отступник действительно был опытен: как бы быстро и небрежно ни была принесена новая жертва, некромант не забыл ни развезать собственную магию, ни проводить душу юнца в Сады Претемной, откуда его не достать даже Грегору, трижды проклятие!

И что теперь? Возвращаться в Академию, искать Денвера и сообщать ему, как непростительно глупо промахнулся? И ладно бы просто потерял след, будто охотничий пес-подросток, так ведь хуже – след оборвался начисто. Дурак самонадеянный! Можно ставить золотой против медяка, именно так Денвер его и назовет – в выражениях старый

маг никогда на памяти Грегора не стеснялся. Он закусил губу, поворачиваясь, чтобы уйти, и тут в глаза сверкнуло алым!

Щит упал перед ним меньше, чем за мгновение. Чужой щит! Грегор и понять ничего не успел, торопливо выставляя собственные щиты, а презрительный голос, только что слышанный им в воображении, скрипуче произнес наяву:

– Прекратите, вы оба! Лионель, мальчик мой, вы ошиблись. Это не убийца. Это всего лишь некий самонадеянный, ни во что не ставящий старших по Ордену герой! Возмнивший, что все на свете решается доблестными атаками! Лорд Бастельеро, вы хоть понимаете, как все это выглядит?

– Выглядит что? – в полном ошеломлении спросил Грегор, разглядывая незнакомого молодого мага, светловолосого и скуластого, одетого в подобие охотничьего костюма с алой оторочкой, и выходящего из-за его плеча мэтра Денвера с удивительно брезгливым выражением лица.

Боевик – вот кто засветил по нему Молотом! – коротко кивнул и шагнул в сторону, подняв ладони и показав их Грегору в знак того, что больше не нападет. Это он что же, принял его за убийцу?! Бред какой!

Денвер, не глядя на Грегора, прошел к телу Морстена, оглядел его без всякого удивления, дернул уголком рта. Опустился на одно колено и, взяв руку убитого, проверил, есть ли на ней перстень. Отпустил – и еще не успевшая заостенеть ладонь мягко упала на пол. Недорогой, но начищенный до блеска ученический перстень с новеньким сверкающим кристаллом смотрелся на пальце Морстена, грязноватом и с обкусанным ногтем, странно неуместно. Быстро же мальчишка, покинув Академию, снова скатился до всеобщей местной неопрятности...

Грегор опустил щиты, огляделся вокруг и вдруг понял, что Денвер в чем-то прав. Его застали над телом только что выпотрошенного адепта! Дух которого невозможно призвать и, соответственно, очиститься от обвинения в убийстве.

– Денвер, вы с ума сошли? – искренне поразился он. – Вы что же, думаете – это я его?!

– А кто еще?! – рявкнул Денвер, окончательно сбрасывая маску благожелательного пожилого мага, любимца адептов-младшекурсников. – Лионель, оставьте нас!

Боевик молча выскочил за дверь, а Денвер шагнул к Грегору и с тихой яростью выдохнул:

– Вот именно вы, Бастельеро, его и убили. Нет, не ножом, в этом вас, на ваше счастье, никак не обвинить. Дуракам везет... Молчать! Какого Баргота вы полезли туда, куда вас лезть не просили и даже запретили это делать?! Мало было военных побед, решили прославиться как ловец барготопоклонников? Защищать столицу изволили? Молчать, мальчишка, я сказал! Вы мне все испортили, понимаете?! Все, что мы распутывали аккуратно, как шелковые ниточки, вы разрубили одним махом! Вашими дурацкими расспросами артефакторов, вашим неумным и неосторожным любопытством, вашим... Ради Претемной, Бастельеро, вы же сами привели к нему убийц! Мы следили за Морстеном! И ждали его хозяев. А вы, умертвие вам под одеяло, влетели в нашу игру, звеня шпорами и не глядя по сторонам. Его убили, как только вы въехали на Северную окраину. Прямо перед вашим носом, господин ищейка! И знаете, почему я не обвиняю в этом вас?!

– Почему? – мрачно спросил Грегор, изнывая от тяжелого горького стыда.

– Идемте, покажу! – снова рявкнул Денвер.

Боевик Лионель, стоявший у крыльца, при их появлении встрепенулся, но Денвер, не обращая на него внимания, вышел на улицу, пересек ее... Грегор, терзаемый нехорошими предчувствиями, последовал за ним, а старый некромант нырнул в крохотный домишко немного наискосок от дома Морстена. Здесь не было ни забора, ни крыльца. Только дверь, а за ней полутемная комната с парой окон, затянутых все тем же бычьим пузырем, мутным, кое-где надорванным. И на полу – двое.

Темные куртки и штаны, волосы коротко пострижены, как у простолюдинов, но на руках мажеские перстни, один – с желтым камнем, второй – с фиолетовым. Некромант и иллюзорник... Лица у обоих спокойные, только удивленные, словно удара никто из них не ожидал. И две лужицы крови, еще не застывшей, как и в доме Морстенов. Крови было совсем немного, она вытекала из-под мертвецов, слепо глядящих в потолок, и похоже было,

что убили их в спину. Грегор отмечал увиденное краем застывшего, словно окаменевшего рассудка, пытаясь сложить части картины воедино.

– Полюбуйтесь, – с той же холодной злостью кивнул на тела Денвер. – И запомните их лица хорошенько, Бастельеро! Потому что их тоже убили вы своим дурацким расследованием. Как только стало известно, что вы ищете Морстена, проклятые сектанты сразу поняли, что вы его найдете. В упрямстве вам не откажешь, в отличие от ума. Они принялись прочесывать окраину и наткнулись на моих людей, которые за ним следили. Ради Претемной, Бастельеро, ну зачем?! Я почти взял их! Еще чуть – и вышел бы на тех, кто стоял за мальчишкой!

Он потер седые виски, глядя на убитых, глубоко вздохнул и махнул рукой. Грегор с трудом разомкнул губы:

– Простите...

Еще недавно ему казалось, что большего стыда быть не может, но это... И правда, куда он влез, осел самонадеянный? Ведь ничего же в этом не смыслит! Даже слежку за собой не заметил, а ведь получается, что за ним следили и барготопоклонники, и люди Денвера! Не почуял смерти совсем рядом! Как же тошно... от самого себя. Все испортил, болван!

– Езжайте домой, Бастельеро, – тусклым, совершенно измученным голосом сказал Денвер. – Докладную Совету я напишу сам, хотя объяснения вам дать придется. Баргот с ним, с Морстеном, но если б вы знали, как жаль моих людей. И ладно бы погибли в бою, с честью, а то ведь...

– Простите, – сквозь ком в горле повторил Грегор, понимая, что сейчас чувствует старый маг, которому он, самонадеянный глупец, испортил охоту и, самое мерзкое, подставил под удар загонщиков, своих братьев по Ордену. – Мне жаль.

– Не лезьте в это больше, Грегор, – тихо то ли приказал, то ли попросил Денвер, стоя над убитыми магами и не оборачиваясь к нему. – Видит Претемная, мне не хотелось бы хоронить еще и вас.

Глава 10. Лорд умер, да здравствует лорд!

Морозный воздух обжигал легкие, лицо горело от ветра, и Айлин проваливалась в снег то по щиколотку, то до самого края сапог, но все рвалась и рвалась вперед. Она была нужна там, впереди, за белыми-белыми и пушистыми от снега деревьями, за ледяными кустами, нужна прямо сейчас, немедленно! За кустами светились злые желтые волчьи глаза, волки то принимались петь, будто загоняли добычу, то раздражались резким кашляющим тьяканьем, но Айлин почему-то была уверена, что ее они не тронут, что опасность – впереди, а не по сторонам, но она еще может спасти! Если только успеет вовремя! И она уже почти!.. Уже вот-вот!..

Еще рывок – и кусты проломились, Айлин вырвалась на поляну, заснеженную, как и все здесь, вот только снег был багровый, а в центре поляны на обледелой окровавленной тряпке, в которой уже вряд ли кто-то смог бы опознать офицерский плащ, лежал...

Она вырвалась из сна, задыхаясь и комкая одеяло. Опять! Снова это видение, уже неделю одно и то же! Ну почему, почему отец не согласился отменить эту охоту?

Нет-нет. Надо успокоиться. Ее отец – Ревенгар Два молота, боевой маг, с ним ничего не случится, все обязательно будет хорошо! И он вот-вот вернется, он же сказал, что охотники будут обратно к утру третьего дня! А слово лорда незыблемо.

В шум за окном, такой привычный, что Айлин почти перестала его замечать, вдруг впелелся скрип ворот, загомонили слуги, заржали лошади...

Айлин отбросила одеяло и села. Ну вот. Сейчас она наконец увидит, что все хорошо! Надо только улыбнуться, отец же сказал: «Когда я вернусь, то хочу видеть твою улыбку!»

Улыбка не держалась. Соскальзывала. Как иллюзии с Пушка, как снег с шелкового подола. Гадкая, бар-р-р-р-р-готова улыбка! Но победила же Айлин Морстена на последнем спарринге... значит, и улыбку тоже победит! Она – Ревенгар, и лорд Ревенгар ждет, что она будет улыбаться!

Айлин растянула непонятно почему онемевшие губы пальцами. Прижала края рта так сильно, что защемило кожу, – и медленно отняла руки от лица. Губы застыли, но улыбка уже не сползала. Вот так! А теперь – одеться и бежать вниз, во двор!

Она уже почти натянула платье, когда за окном дико закричала женщина.

Айлин что есть силы дернула подол вниз – кажется, послышался треск нитей – и побежала к двери. Толкнула – дверь не поддавалась, толкнула еще раз, теперь плечом. На этот раз дверь открылась, и в платье что-то снова треснуло.

«Потом, – пронеслось в голове. – Потом посмотрю... Претемная Госпожа, только бы все обошлось, пожалуйста, пусть все будет хорошо...»

На лестнице Айлин чуть не сбила кого-то с ног, едва удержалась сама, не заметила, как пронеслась через длинный холл. Кто-то распахнул ей двери.

– Благода... рю, – выдохнула она, даже не взглянув, кого благодарит.

Выскочила во двор и застыла.

Кричала матушка.

Надрывно и дико, на одной ноте, страшным чужим голосом. Молчали выстроившиеся полукругом у самых ворот бывшие однополчане отца. Все – боевые маги.

Молчали слуги. Молчали даже лошади, не похрапывая, как обычно, опустив морды вниз.

Молчал Артур, бледный, как его собственный воротник. Он вцепился в руку матушки, но она, кажется, впервые не замечала сына. Впрочем, охотников она тоже замечала едва ли. И вообще вряд ли видела хоть что-нибудь, кроме повозки, которую брали, чтобы привезти домой добычу.

Айлин отвела глаза от повозки – она и так знала, что там увидит. Она видела это каждую ночь, семь ночей подряд! Она знала, что скажет мэтр-лейтенант Дортмундер, вот прямо сейчас, сию минуту, опустит голову и скажет: «Это был несчастный случай. Мы охотились с магией, миледи, и лошадь...»

– Это был несчастный случай, – негромко, но каким-то чудом заглушив крик матушки, проговорил мэтр-лейтенант Дортмундер и опустил голову. – Мы охотились с магией, миледи, и лошадь Дориана шарахнулась... Никто не ожидал, лошадь была прекрасно выезжена и не боялась заклинаний! «Молот Пресветлого» задел... только краем! Мы не могли даже подумать...

«Вы должны были подумать! – яростно подумала Айлин. – Вы все! Я же рассказывала свой сон отцу! Я просила его не ездить, и вы, господа боевые маги, тогда смеялись! Теперь вам не смешно?! Будьте вы!...»

Она осеклась в последний момент. Голос мэтра Бастельеро раздался в ушах так явственно, словно некромант стоял за ее спиной: «Проклятия, господа адепты, дело чрезвычайно серьезное, их нельзя налагать в сердцах...»

Айлин стиснула зубы и медленно пошла вперед. К матушке. Они должны держаться все вместе. Всегда. И особенно сейчас, когда ей так плохо. Наверняка отец хотел бы, чтобы они с Артуром позаботились о матушке...

Каждый шаг почему-то давался с трудом, ноги немели: сначала стопы, потом щиколотки, теперь и колени. «Но с этим я тоже разберусь потом! Главное, матушка и Артур. Надо... надо увести их отсюда и распорядиться, чтобы слуги позаботились о... об отце!»

– Матушка, – позвала Айлин негромко, подойдя с другой стороны, и тронула ее за локоть свободной руки, надеясь, что Артур тоже сообразит – и поможет ей.

Матушка уже не кричала, зато стояла совершенно неподвижно, по-прежнему не замечая никого вокруг, но на прикосновение Айлин обернулась. Вздрогнула и отшатнулась, совсем как тогда, осенью, когда мэтр Бреннан определил у Айлин искру!словно вместо дочери перед ней снова оказалось что-то невыразимо отвратительное и опасное!

– Ты... – выдохнула матушка свистящим шепотом. – Ты... это ты виновата, ты... проклятое отродье! Это твоя гнусная магия его убила!

Айлин отшатнулась. Кровь бросилась в лицо, горло перехватило так, что показалось – она вот-вот задохнется. Как матушка может говорить... такое? Ведь Айлин предупреждала. Она просила! Умоляла не ездить, послушать ее всего один раз!

– Матушка... – еле выговорила она.

И тут же щеку обожгло пощечиной. И вторую.

– Не смей называть меня так! Ты мне не дочь! Ты... выродок Претемной!

Айлин покачнулась, подняла к опаленным болью и жаром щекам ладони, и те показались ледяными. Претемная... Претемнейшая, что она такое говорит? Как она может?! И почему молчит Артур?! Ведь теперь он – лорд, он должен... должен вмешаться! Но Артур по-прежнему молчал, только кусал губы и сжимал руку матушки так, что даже костяшки пальцев у него побелели.

– Убирайся, убирайся!! Не хочу тебя видеть, не хочу знать! Никогда! Убирайся, чудовище! Порченная кровь!

За что они с ней так? Почему всегда и во всем только она была виноватой? Почему только ей никогда не доставалось ни капли любви?! И даже сейчас, когда ей так больно и горько, что кажется, сумеет она умереть вместо отца – ни на миг не задумалась бы. А они! Они... Ну и пусть! Не нужна им дочь и сестра – так тому и быть!

В глазах потемнело, перед ними поплыли красные круги, горло сдавило – и Айлин словно со стороны услышала собственный голос, почему-то ясный и такой громкий, что по двору испуганно заметалось эхо, отражаясь от высоких стен и улета в небо, серое и ледяное, как ее душа сейчас:

– Хорошо же! Памятью моего отца и кровью Ревенгаров в моих жилах клянусь: с этого мига и навсегда, моя единственная мать – Претемная Госпожа, Разрубающая узлы и Распрямляющая пути!

Голос оборвался – но удушье отступило. На миг Айлин почудилось, что на плечи легли чьи-то обжигающе горячие ладони, тепло от них побежало по всему телу, и даже перед глазами немного прояснилось. А потом будто мягкая ладонь ласково провела по ее волосам и легонько коснулась щеки, вытирая одну-единственную предательскую слезинку. И Айлин без всякого сомнения поняла, что ее слова были услышаны. Мать не может не услышать плач своего ребенка, даже если плачет он не голосом, а сердцем.

– Миледи Айлин!

Лорд Дортмундер шагнул к ней, вглядываясь в лицо с Айлин... с испугом? Поднял руку, пытаясь то ли взять ее за плечо, то ли просто коснуться. И да, в его светло-серых глазах, фамильных глазах Дортмундеров, метался страх. Неужели она такая страшная? Айлин отшатнулась, чувствуя, что сейчас не перенесет чужого прикосновения, каким бы своевременным и заботливым оно ни было. Ох, да успокойтесь, никого она не проклянет! Она сделала шаг назад, потом еще один, отходя от леди Ревенгар и Артура, так и застывших рядом. Леди... Думать о ней так было больно, словно собственные недавние слова резали Айлин изнутри, но странным образом даже эта боль показалась правильной. Наверное, так чувствует себя раненый под ножом целителя. Больше никогда она не назовет эту красивую рыжеволосую женщину матушкой, не заглянет в точно такие же, как у самой Айлин, зеленые глаза, ища любви и утешения. Чужая. Она – им, а они с Артуром – ей. И как же больно понимать, что так было всегда.

Она отошла еще немного, как раз настолько, чтобы увидеть, как покраснел Артур, как отпустил руку матери и шагнул вперед.

– Не смей так разговаривать с матерью!

И настолько, чтобы увидеть, как между ней и Артуром встает растолкавшая толпу тетушка Элоиза в криво, явно наспех наброшенной накидке и что-то говорит злым шепотом. Айлин попыталась понять, что именно, однако кровь стучала в висках так, что слова терялись. Не слышно было почти ничего. Только про молчание и, кажется, про богохульство. Артур от ее слов побледнел и снова отступил, а тетушка развернулась на месте, взметнув снег подолом платья, и обхватила ладонь Айлин.

– Пойдем, дорогая, – сказала она так спокойно, словно ничего не произошло. Только бледные узкие губы подрагивали, выдавая ярость. – Я отвезу тебя к себе, а потом – в Академию. Не будем тратить время на сборы. Все, что тебе понадобится, найдется в моем доме.

* * *

Из кабинета магистра Эддерли Грегор вышел, едва удерживаясь от желания хлопнуть дверью, отсекая саму память и о трех кошмарных днях, прошедших с убийства адепта Морстена, и о понимающем, до тошноты сочувственном взгляде магистра.

И, главное, о докладе Денвера, в котором, разумеется, ни слова не было сказано о непосредственной вине мэтра Бастельеро в смертях двух его братьев по Ордену – зато между строк она читалась яснее ясного!

– Не вините себя из-за адепта Морстена, мой мальчик, – вздохнул Эддерли, выслушав доклад и даже не потребовав от Грегора объяснений, которые он пытался составить все три дня. – Вероятнее всего, юношу убили бы в любом случае. Он сыграл свою роль, а оставлять подобного свидетеля в живых не рискнет ни один хоть сколько-то здравомыслящий человек. И прошу вас, Грегор, – добавил он заметно похолодевшим голосом. – Не пытайтесь больше заниматься не своим делом! Если отступники действительно следили за вами...

Стоящий у окна мэтр Денвер вскинулся, было, но магистр усмирил его одним взмахом руки и продолжил:

– ...А я согласен с коллегой, время смерти адепта Морстена указывает именно на это, мне страшно подумать, какое предупреждение вам сделают в следующий раз! У вас есть родственники, смею заметить, профаны. И, хоть вы и не ладите, но барготопоклонникам совершенно неоткуда об этом знать! Еще жив ваш почтенный отец, которому, полагаю, вы также не желаете смерти – особенно подобной! У вас, наконец, есть адепты, двое из которых уже убиты, – добавил он с явным трудом и понизив голос почти до шепота. Грегор едва не задохнулся сам, невольно представив себе залитую кровью восьмиконечную звезду и обезображенное болью лицо. Чье? Дарры Аранвена? Саймона Эддерли, ведь не надо и спрашивать, за кого так боится магистр? Оуэнна Галлахера? Айлин Ревенгар? Сердце замерло, заledenело. Перехватило горло.

«Ни за что, – поклялся он, сцепив зубы до хруста. – Никогда больше. Ни один из моих учеников из-за меня не пострадает, клянусь Претемнейшей!»

– Даю слово, – выдал он в ответ на беспокойный требовательный взгляд Эддерли.

– Благодарю, – вздохнул тот устало. – В таком случае, можете идти. Мэтр Денвер, останьтесь, следует обсудить вопрос компенсации семьям погибших...

«Отослали, как нашкодившего мальчишку!» – яростно подумал Грегор, сухо поклонился и вышел, надеясь, что хотя бы мэтру Тернеру не придет в голову приставать к нему с расспросами. Правда, назойливое любопытство не было характерно для старого секретаря – но вдруг?!

– Мэтр Бастельеро! – воскликнул мэтр Тернер, стоило только закрыть дверь кабинета со всей возможной деликатностью. Причем так радостно, что Грегор едва не заскрипел зубами. Стоило только пожелать, чтобы никто не трогал! – Вы очень кстати! Не скажете ли, милорд магистр Эддерли уже освободился? К нему посетительница...

И указал взглядом на даму средних лет, изящно присевшую на самый край отчаянно неудобного кресла для посетителей.

– Нет, – процедил Грегор, холодно взглянув на гостью. Светловолосая, дорого и изысканно одетая, отчаянно некрасивая. Не магесса. Наверняка матушка кого-то из будущих адептов, исключительно некстати! – И, боюсь, освободится еще не скоро.

– Мэтр Бастельеро? – переспросила дама, чуть подавшись вперед. – О! Откровенно говоря, у меня дело скорее к вам, чем к милорду Эддерли. Прошу вас уделить мне несколько минут.

Грегор присмотрелся к ней повнимательнее. На второй взгляд дама оказалась еще некрасивее, чем на первый: лицо слишком уж скуластое и резкое, нос чересчур длинен, брови и ресницы светлые, а губы тонкие. Лишь глаза оказались хороши, пронзительно-голубые, с острым и умным взглядом, совсем не похожим на обычное жадное любопытство придворных леди, от которого хотелось передернуться.

– К вашим услугам, миледи, – уронил он, невольно гадая, что за дело привело даму в Академию. – Но, полагаю, не здесь. Не стоит мешать мэтру Тернеру. Позвольте узнать ваше имя?

– Элоиза Арментрот, – представилась дама. – С вашего позволения, госпожа, а не леди. Мой муж из торгового сословия.

Грегор кивнул, раздумывая, где их разговору никто не помешает? Пожалуй, подойдет любая аудитория, благо в Академии сейчас ни единого адепта...

Элоиза Арментрот последовала за ним молча, молча же вошла в ближайшую открытую аудиторию, соседнюю с кабинетом секретаря, и подошла к окну. Грегор плотно затворил дверь и на всякий случай поставил на нее щит.

«Возможно, это и совершенно излишняя предосторожность, – подумал он. – Но так спокойнее».

– Я слушаю вас, госпожа, – сказал он вслух, видя, что дама не торопится приступить к делу. – Итак?..

– Дело в моей племяннице, Айлин Ревенгар, – не тратя времени на любезности, начала госпожа Арментрот, и Грегор едва сдержал изумление.

Одна из дочерей магистра Морхальта? Сестра леди Гвенивер? Вот эта стройная, чтобы не сказать тощая, блондинка с лицом, чем-то напоминающим морду умной легавой собаки или чистокровной скаковой лошади? Ни малейшего семейного сходства ни с магистром Морхальтом, ни с такой же зеленоглазой и огненно-рыжей, как и дед, адепткой Ревенгар, ни с леди Гвенивер, на которую, со слов Дориана, похожа дочь...

И, кстати, как ее, дворянку, угораздило выйти за купца?!

– Три дня назад, – продолжила она, – я приехала навестить семью сестры. И застала весьма странную, если не сказать страшную сцену. Лорд Ревенгар с бывшими однополчанами собирался на охоту, лошадей уже оседлали, милорд Дориан знакомил жену и детей с боевыми товарищами – и в этот момент у Айлин случилось нечто вроде припадка. Крик, судороги... – Госпожа Арментрот еле заметно вздрогнула. – Когда девочку привели в чувство, она стала умолять отца не ехать на охоту. Или отменить ее, или взять с собой ее и Артура. Но охота была назначена давно, съехались все друзья лорда Дориана и...

– И он, разумеется, отказался, – закончил Грегор. Поморщился. На языке стало горько. Дориан, какой же ты барготов болван! Ведь сам – боевой маг, неужели за столько лет войны так и не выучил, что к словам некромантов и целителей нужно прислушиваться! – Адептка Ревенгар как-то объяснила свою просьбу?

– О да. – Госпожа Элоиза нахмурилась, потерла длинными бледными пальцами виски, и Грегор заметил, что кольца у нее дорогие и подобранные со вкусом, явно господин Арментрот преуспевает в торговле. – Она сказала, что видит сон. С самого приезда домой. К сожалению, ничего конкретного: снег, ветер, боль и кровь. Больше ничего. Моя сестра решила, что речь идет об обычном кошмаре, но милорд Дориан обеспокоился и пообещал, что эта охота будет последней. Что больше – никаких отлучек.

«А Дориан не безнадёжен, – с легким приятным удивлением подумал Грегор. – Нужно будет все-таки съездить к нему на Солнцестояние. Если, конечно, ему будет до гостей. Если сон Ревенгар все же сбьется, а вероятность высока, у юных некромантов не редки такие сны-предвидения, то он, полагаю, сейчас лечит боевые раны...»

– Надеюсь, лорд Ревенгар сдержит слово, – сдержанно уронил он вслух.

– Уже сдержал, – нервно дернула углом рта госпожа Элоиза. – Эта охота действительно оказалась для него последней. Лорд Ревенгар погиб. Попал под заклинание. «Молот Пресветлого», кажется...

«Ох, Дориан! Следовало принять его приглашение! Ну да, Грегор наверняка испортил бы им охоту своим занудством, как он и сказал Дориану на балу. Ну и что? Зато этот самонадеянный беспечный болван вернулся бы к жене и детям живым! Претемнейшая, как же немыслимо, нелепо, преступно глупо! Уцелеть на войне, чтобы попасть под Молот одного из своих же друзей!»

Острое сожаление о непоправимом резануло по сердцу так сильно, что Грегор даже удивился. Они ведь не были друзьями, не успели стать, хотя... Пожалуй, этого нового Дориана, повзрослевшего и заматеревшего, он бы не отказался считать хотя бы в близких приятелях. Уже не получится – никогда. Паршивое слово.

– Полагаю, госпожа Элоиза, гибель Дориана – это не все, что вас обеспокоило? – уточнил он, стараясь говорить с положенным случаем учтивым сочувствием.

Хотя куда больше хотелось выругаться в голос, а потом добраться до дому и напиться.

– Не все. – Госпожа Арментрот вздохнула, постучала пальцами по подоконнику. – Видите ли, моя сестра всегда была несколько... вспыльчивой. К тому же безумно любила мужа. Она почему-то решила, что Айлин не предупреждала о смерти отца, а накликала ее. Навела

порчу или прокляла... Словом, Гвенивер обвинила дочь в смерти мужа и отреклась от нее. Айлин же... Лорд Бастельеро? Как вы себя чувствуете? Вы побледнели.

– Превосходно, – хрипло выдавил Грегор, заставляя себя разжать кулаки. Гвенивер Ревенгар, проклятая дура! Сказать такое собственному ребенку! И в такой момент. Видит Претемнейшая, если Айлин сорвалась и натворила что-нибудь, эта женщина заслужила все, что с ней произошло! – Я слушаю вас.

– Айлин... – продолжила госпожа Арментрот, глядя на Грегора внимательно и тревожно, – ...тоже вспылила. И сказала... прошу простить, я не вспомню дословно, что-то о том, что теперь матерью она будет звать лишь Претемную Госпожу. Поклялась в этом кровью Ревенгаров... – Ее голос пресекся, и Грегор подумал, что эта женщина и в самом деле волнуется за племянницу. Кажется, единственная из всей семьи. Впрочем, она быстро взяла себя в руки. – Остаток вакаций Айлин проведет в моем доме, но прежде всего я хочу знать, не повредит ли клятва моей племяннице? Претемная Госпожа...

– Претемная госпожа не карает детей, госпожа Арментрот, – прервал ее Грегор и, помедлив, добавил: – Но у нее свои понятия о милости и милосердии, поэтому ваши опасения более чем понятны. Я немедленно осмотрю девочку и даю слово, что присмотрю за ней в дальнейшем, но об отъезде в ваш дом не может быть и речи. Нет, не спорьте! Я провожу много времени в Академии, здесь адептка Ревенгар постоянно будет у меня на глазах, и я успею вмешаться, если произойдет что-нибудь... непоправимое.

* * *

Айлин Ревенгар нашлась в общежитии, в той самой комнате, которую делила с адепткой-иллюзорницей, уехавшей на вакации. Грегор постучал в дверь, выждал несколько минут и вошел, хотя ответа не получил.

Она сидела на постели, неестественно выпрямившись, уронив руки на колени и глядя в стену. Не повернулась ни на стук двери, ни на хриплое ворчание Пушка из-под кровати.

– Адептка Ревенгар? – окликнул Грегор.

– Здравствуйте, мэтр, – тускло ответила она и только теперь повернулась к нему.

Лицо Айлин, бледное, с ярко проступившими на нем веснушками и заострившимся носиком, ровным счетом ничего не выражало, глаза напоминали два подернутых патиной зеркальных осколка.

«Проклятье! – подумал Грегор с беспомощной злобой. – Баргот тебя побери, Гвенивер Ревенгар! Но что же мне-то делать? Я хотел бы помочь, видит Претемнейшая! Я хочу ее утешить, но как утешить того, кто не плачет?..»

– Сидите, сидите, – сказал он вслух, заметив, что Ревенгар начала подниматься. – Я просто зашел узнать, как вы себя чувствуете.

«Браво, Грегор! Невероятно умный вопрос! Разумеется, она чувствует себя просто прекрасно. Так же, как ты сам... когда-то давно...»

– Папа, – сказала Ревенгар очень тихо. – Он умер. Навсегда. Матушка... леди Гвенивер сказала, что я виновата... Мэтр Бастельеро! – Она вдруг вскинулась, и равнодушная маска словно слетела, а в глазах отразились отчаяние и боль. – Я боюсь! Что если это и вправду я? Ведь это же мне снилось! И я говорила... Может быть – так много говорила, что оно сбылось?! Я виновата...

Пол покачнулся. «Ты виноват! – эхом зазвучал в памяти отчаянный женский голос – Почему ты жив, а мои девочки.... Мои малышки!»

И тут же на смену женскому пришел спокойный мужской голос, голос деда, королевского некроманта, главы рода Бастельеро: «Оставь ее, Грегор, она мертва. Почему? Потому что ты этого захотел. Ты виноват... ты – виноват... виноват...»

– Нет! – резко оборвал Грегор все Барготовы голоса.

Стиснул зубы, вздохнул и опустил на колено, положил ладони на худенькие вздрагивающие плечи и куда мягче добавил:

– Нет, Айлин. Вы не виноваты. – Помолчал немного, осторожно и тщательно подбирая слова, и продолжил, молясь, чтобы Претемная подсказала ему что-то, способное оказать нужное действие: – Послушайте, ваш отец был взрослым человеком. Лордом и главой рода. Боевым магом. Он был очень храбрым... – «Болваном, влюбленным в опасность и риск...» – И он, поверьте мне, сам отвечал за свои поступки, – закончил Грегор вслух.

«О да, только редко давал себе труд хоть немного просчитать их последствия. Но я не могу сказать тебе это. В конце концов, ты должна им гордиться, как положено ребенку».

– Айлин, вы не можете отвечать за то, что он сделал. Вы ведь не могли ему указывать, правда? – спросил он как можно мягче. – Люди сами выбирают свою судьбу. И смерть, зачастую, тоже. Я знаю, что Дориан очень любил вас... – «Еще бы он почаще это показывал, болван». – Поверьте, вы ни в чем не виноваты.

– Но я... я должна была... предупредить... настоять...

Девчонка всхлипнула, и Грегор истово понадеялся, что она все-таки расплачется. Слезы очищают раны души, и она заживает быстрее.

– Но вы ведь предупреждали его, правильно? Ему следовало вас послушаться, но его гордый нрав – это не ваша вина, девочка. И не вздумайте себя винить. Проклятье – это не просто слова, сказанные сгоряча. Айлин, вы же некромантка. Вы знаете, что волю следовало направить должным образом, влить силу и закрепить структуру проклятия формулой. Разве вы это сделали?

– Что?! Нет! – Девчонка в ужасе замотала головой, глядя на него огромными и, хвала Благим, живыми глазами, перепуганными и возмущенными. – Я люблю отца! Любила... Я... очень злилась! Только не на него! На леди Ревенгар... Но я даже ее не прокляла! Клянусь, милорд!

Леди? Это она мать так назвала? И как легко это слетело с губ. Нехорошо.

– Айлин, я уверен, ваша матушка поймет, что зря вас обидела, – сказал он то, что должен был сказать, хотя злость на дуру Гвенивер кипела внутри. – Вы обязательно помиритесь...

– Нет, – оборвала она его сухо и слишком жестко для такой маленькой девочки, выпрямившись и глянув с холодной остротой: – Не говорите мне о ней, милорд. Я отказалась от рода. Потому что род отказался от меня. Уже давно. Вы просто... не знаете. Если бы отец был жив, я бы никогда... никогда, клянусь! Но им я не нужна. Они меня боятся. Считают мерзостью. Не называйте меня Ревенгар, слышите? Больше никогда!

– Айлин, это имя вашего отца, – сказал он, теряя терпение. – Отца, а не матушки, подумайте об этом. Она Ревенгар только по мужу, а вы – по крови. Не совершайте необдуманных поступков, вы еще слишком юны. В таком возрасте нельзя выйти из рода, а до вашего совершеннолетия многое изменится.

– Хорошо, – сказала девчонка, подумав и кивнув с той же чудовищной недетской серьезностью. – Вы правы, милорд. Наверное, правы. Но я ничего от них не приму. Больше ничего. Я... Но это неважно, простите.

– Айлин, вы всегда можете рассчитывать на мою помощь, – сказал он, испытывая мучительную неловкость, разговаривая с этой девочкой, как со взрослой. Впрочем, смерть близких заставляет душу взрослеть гораздо раньше тела, уж это ему известно, как мало кому. – И на помощь Академии, разумеется. Я... очень сожалею о вашем отце. Он был храбрым офицером, надежным другом, истинным лордом...

И это прозвучало чистой правдой, в которой Грегор мог бы присягнуть. Дориан был именно тем, кем казался: веселым лихим боевиком, смельчаком и рубахой, щедрым и на драку, и на помощь. Грегор не доверил бы ему ничего, серьезнее командования дюжиной солдат, но доверил бы свою жизнь, как ни странно, потому что предавать и трусить Дориан не умел. И девочка с взрослыми глазами, смотрящая на Грегора сейчас, заслуживала знать об отце самое лучшее. Ревенгарам очень повезет, если наследник Дориана обладает хотя бы частью ее гордости и мужества. «Лорд умер, да здравствует лорд, – перефразировал Грегор про себя древнюю церемониальную фразу коронации нового монарха. – Ревенгар, у тебя отличная наследница, слышишь, отчаянный дурень? Падчерица самой Претемной Госпожи. Ты еще будешь гордиться детьми – дочерью, во всяком случае. И обещаю, я присмотрю за ней».

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAIABAQIBAQICAgICAgICAwMDAwYEBAMFBwYH
BwcG
BwcICQsJCAgKCAcHCg0KCgsMDAwMBwkODw0MDgsMDAz/2wBDAQICAgMDAwYDAwYMCAcIDA
wMDAwM